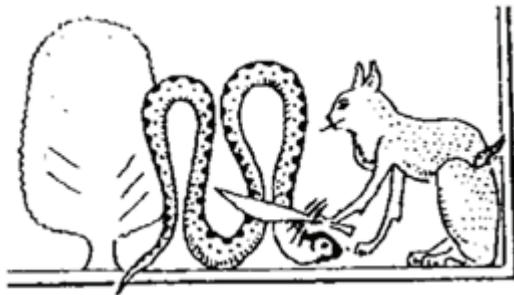

НАЦІОНАЛЬНА АКАДЕМІЯ НАУК УКРАЇНИ
ІНСТИТУТ СХОДОЗНАВСТВА ім. А. Ю. КРИМСЬКОГО

СХОДОЗНАВСТВО

THE ORIENTAL STUDIES

81

КИЇВ – 2018

Затверджено до друку Вченою радою Інституту сходознавства
ім. А. Ю. Кримського НАН України 22.05.2018 (протокол № 2)

Головний редактор
Г. В. Вертієнко, канд. іст. наук

Редакційна колегія:

С. О. Біляєва, д-р іст. наук, проф.; О. В. Богомолів, канд. філол. наук;
О. Б. Бубенок, д-р іст. наук, проф.; С. В. Вдовченков, канд. іст. наук;
О. Б. Головка, д-р іст. наук; А. Л. Зелінський, канд. іст. наук;
В. О. Кіктенко, д-р філос. наук, канд. іст. наук;
А. І. Колесніков (Санкт-Петербург), д-р іст. наук;
А. Т. Лукашевич (Варшава), д-р хаб., проф.;
О. С. Мавріна, канд. іст. наук; А. Нівинський (Варшава) д-р хаб., проф.;
І. В. Отрощенко, д-р іст. наук; Ю. Б. Полідович, канд. іст. наук;
Д. А. Радівілов, канд. іст. наук; В. С. Рибалкін, д-р філол. наук, проф.;
М. О. Тарасенко, д-р іст. наук; І. В. Туров, д-р іст. наук;
О. О. Хамрай, д-р філол. наук

Склад редколегії затверджено Вченою радою
Інституту сходознавства ім. А. Ю. Кримського НАН України
28.02.2018

Літературний редактор Н. М. Овчарук
Коректор Я. Є. Ленго
Комп'ютерне макетування Я. Є. Ленго

Адреса редакції:
Україна, 01001, Київ, вул. М. Грушевського, 4
Інститут сходознавства ім. А. Ю. Кримського НАН України
к. 205, тел./факс 278-76-52

Свідоцтво про державну реєстрацію
КВ №15900-4372 ПР від 08.10.2009

<http://skhodoznastvo.org.ua/>
skhodoznastvo@gmail.com

Видається з 1997 року

*Редакція не завжди поділяє позицію авторів.
При передруку посилання на "Сходознавство" обов'язкове*

UDC 94(32):11

A. Maravelia

PhD (Egyptology: Université de Limoges, France, 2004)

PhD (Astronomy & Astrophysics: University of Athens, Greece, 1997)

Founder & Director of the Hellenic Institute of Egyptology

Professor of Egyptology at the People's University of Athens

Address: P.O. Box 17024; GR-10024, Athens, Greece

e-mail: hieg-aker.org@otenet.gr

THE THRILL OF TIME THROUGH THE ANCIENT EGYPTIAN RELIGION AND ART: *OUROBOROS* AS AN ARCHETYPE FOR THE META-PHYSICS OF ETERNITY*

In this paper not only the concept of time taken into its realization (hence the virtual *Einfühlung* of time *per se*), but also the time presented in the examined ancient Egyptian works of art are taken into account and are thoroughly discussed, with particular emphasis on the archetype of the *Ouroboros* (anc. Eg.: *sd-m-r3*) and its semantics not only in the ancient Egyptian *forma mentis*, but also in Alchemy. Through the colourful prism of the metaphysical or theological conception of time and eternity as they were meant by the ancient Nile-dwellers we are in a position nowadays to present plausible deductions about their relation to time, their quest for eternity and also examine the ways we could use in order to investigate the notions of time in relation to the specific art-forms created by them and studied here. The way the anonymous ancient Egyptian artists – for whom the meaning of *Art* (*hmt*) was not the same as it is for us today, but that “art” was only used as a vehicle towards their virtual *θέωσις* in the hereafter and their quest for immortality – have conceived and depicted time through their artefacts (especially

© 2018 A. Maravelia; Published by the A.Yu. Krymskyi Institute of Oriental Studies, NAS of Ukraine on behalf of *The Oriental Studies*. This is an Open Access article distributed under the terms of the Creative Commons Attribution License (<https://creativecommons.org/licenses/by-nc-nd/4.0/>).

during the high Pharaonic Era: c. 2575 BC to c. 714 BC) also provides a solid means in order to assess which are the philosophically and aesthetically relevant notions of time in the history of art of the ancient Mediterranean nations, between which Egypt holds a very high pedestal.

Keywords: *Ouroboros*, ancient Egyptian cosmovision, time, eternity, art, ancient Cosmology, modern Cosmology, Alchemy, Freemasonry, (Jungian) archetypes

I. Introduction: Some Physics ... in the Ancient Egyptian Context

In modern Physics and Cosmology the notion of time¹ is extremely significant and difficult to comprehend, since not only time is believed to have started at the moment of creation of the Universe (Big Bang) and since then it flows continuously, being an important variable in the field equations, but also it is impossible to freeze it and measure it in the same manner we can stop and measure distances in space, since it is closely connected to the notion of entropy and growing disorder (a fact which hints to the irreversibility of the physical processes). *Hora ruit* and time haunts everything; from the moment we are born, we are walking gradually to the virtual end of “our own” time; yet is it a real end, or is it just part of a spatio-temporal transformation that we cannot yet satisfactorily explain in terms of pure science? Such questions were also haunting several ancient Mediterranean nations; and of course the Egyptians were not an exception.

On the contrary they were the nation the most preoccupied with the ideas of the hereafter, rebirth and immortality, all of which are closely connected to the conception of time. In the ancient Egyptian *forma mentis* the very notions of *time* (*zp*, *rk*) and *eternity* (*nhh*, *dt*) were crucial indeed². Their significance pertained in the fact that the Egyptian theologians were discriminating between them in a very sophisticated and subtle way, considering them not only as the lot of

¹ For the point of view of modern Astrophysics and Cosmology, see: [Burke 1983; Hawking 1988; Hawking 2001; Prigogine 1980; cf. also Capra 1975; Zukav 1979; Dodd 1985; Maravelia 2006a, *chap. V*]. On the ancient Egyptian cosmovision, see: [Wallenwein 1995].

² On the Egyptian conception of time, see: [Assmann 1975; Assmann 1991; Goebis 2003, 238–253; Westendorf 1974, 136–141; Hornung 1978, 269–307; Zivie-Coche 1991, 52–79; Gunkel 1921. See also [Maravelia 2018, *in press*].

gods, but also as the reward for all the *transfigured/beatified spirits* (*3hw*) of the deceased. Through their cosmovisional ideas concerning the firmament and the astral bodies, through their conception of the sky goddess Nūt, the ancient Egyptians have inherited the World's Human Thought with invaluable and bright tokens of philosophical insight, usually well-hidden behind meta-physical allegories.

The archetype of the *Ouroboros*, the cosmic serpent eating its own tail, symbolized for the Egyptians the regenerative non-existence of the void, out of which the primeval creator-god Atūm emerged and created everything. One of the most ancient depiction of the *Ouroboros* in the art of ancient Egypt is a drawing on the mythological (mortuary) papyrus of Hor-ouben (*Hr-wbn*), today kept at the premises of the Egyptian Museum in Cairo (№ 133) and dating to 21st Dynasty (c. 1080–945 BC) [Piankoff, Rambova 1957, 22, *fig. 3*; see also Reemes 2015, 350, *fig. 60*]³. On this we can see the following (Fig. 1a–1b): The solar god – as an infant with thumb at mouth (alluding to Harpokratēs), bearing the side lock of hair and the pharaonic/Osirian royal sceptres – is surrounded by the eternal serpent that bites its tail, standing on the double-lion god of the horizon Aker⁴. Two hands are protecting the solar youth⁵. Between the lions of Aker a strange animal's head (Sethian animal?) is also depicted. The *Ouroboros* symbolizes the regenerating power of non-existence of the void (vacuum) encircling the Cosmos [Hornung 1996, 164, 271]⁶. The snake remains (Fig. 2a–2b), but the world enclosed by it sinks away into the primeval watery Abyss and oblivion, vanishing with the gods and all living forms, thus the state of things before creation returns (see *infra*). The sun-god as a child within the *Ouroboros* is a very characteristic and

³ The earliest known depiction of the *Ouroboros* is found on the second golden shrine of Tut'ankhamūn, where two *Ouroboroi* surround a large mummiform figure probably representing the unified Rē' and Oriris (see [Piankoff 1949, 113, *fig. 1*; Reemes 2015, 324, *fig. 34*]).

⁴ On Aker, see [LÄ I, 1975, 114–115 (art. "Aker"); de Witt 1951]. The lion looking towards the West alludes to yesterday and death; while the one facing the East alludes to tomorrow and resurrection.

⁵ In the form of an inverted *k3*; cf. our discussion in [Maravelia 2007b, 36–50 (especially p. 44)].

⁶ On the ancient Egyptian conception of the *Ouroboros*, cf. also [Du Quesne 1996, 141–155]. On the semantics of the *Ouroboros*, see also [Tarasenko 2005, 6–31].

important symbol, alluding also – due to its solar symbolism – to the solar baby or youth, the *divine stripling and heir of eternity* (*ḥwn ntry, iwꜥw nḥḥ*)⁷. Hence, the description of the primeval chaos, of the initial amorphous state of being, which virtually includes the subsequent creative order, is symbolically represented by the archetype or *κοσμικὸν μίμημα* of the *Ouroboros*, the serpent eating its own tail⁸, thus alluding to the perpetual cosmic and/or natural circle of periodicities.

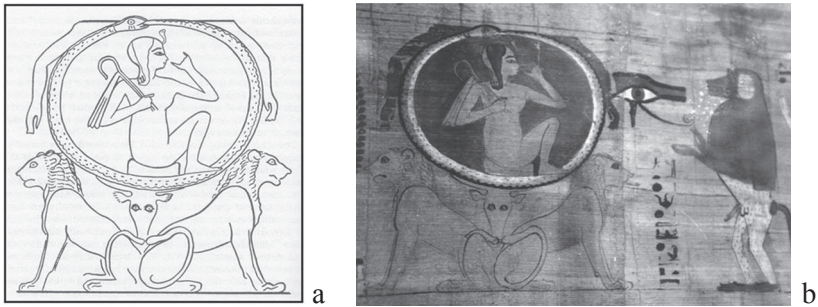

Fig. 1. a – A depiction of the *Ouroboros* (anc. Eg.: *sd-m-r3*) as a linear drawing. The solar god as an infant is surrounded by the eternal serpent that bites its own tail, standing on the double-lion god of the horizon Aker. **b** – Original of the same depiction. From the mythological (funerary) papyrus of Hor-ouben (*Ḥr-wbn*) at the Egyptian Museum in Cairo (№ 133, Dynasty XXI, c. 1080–945 BC) (photo by Mykola Tarasenko, 2002).

In the *Book of the Dead* there is a very characteristic and interesting eschatological passage, where the supreme solar creator, the primeval god *Rē*⁶-*Atūm* predicts the catastrophic end of the Universe, which will destroy every god and every human with his own and

⁷ See again [Maravelia 2007b, 36–50].

⁸ On the symbolism of the *οὐροβόρος ὄφις*, see [Symbols 1996, 728–729 (art. “ouroboros”)]. On an interesting Hellenistic astrological text about the *Ouroboros*, as this last was presented by the ancient Egyptian priests (see: [Papathanasiou 1990, 121–133, n. 108]). A recent dissertation on the *Ouroboros*, disconnecting it as a time- and/or eternity-symbol and connecting it to protective enclosures, is [Reemes 2015 (see especially pp. II–III and 278–281)]. Finally, on the Jungian archetypes and mythology, see [Jung 1959; Jung 1956; Jung, Kerényi ²1963].

Osiris' exceptions⁹. According to this text, the cosmos will return to the primordial state of inertia and non-existence in the abysmal ocean of Nūn, while the supreme solar and creator-god will be transformed into a gigantic serpent (possibly an alternative archetypal form of the *Ouroboros*¹⁰), which no god will be able to see and no human will be able to know. These beliefs show that – following the ancient Egyptian ideas of the imperial period (New Kingdom) – the ultimate destiny of the Universe was also considered as very luminous. And this is because the high solar god was meant to survive after the destruction of the Cosmic Everything (*Ntt-Wn*), uniting himself with Osiris (the god of resurrection) and inundating the Cosmos with the splendid ultimate light of his supersubstantial union to the god of the Netherworld (**Fig. 2b**). Hence, from a certain point of view, the ultimate end of the Universe would be light, a fact that reminds us of certain modern cosmological theories (see e.g.: [Maravelia 2006a, 396–397; Weinberg 1978; Rovelli 2004; cf. also Zukav 1979; Hawking 1988; Hawking 2001])!

The primeval creator-god (Rē'-)Atūm, ancestor of the Heliopolitan *Great Ennead of Gods* (*Psdt-ntrw ʕt*), according to the ancient Egyptian conceptions, was the initial cause of everything. He was the Cosmic Serpent *par excellence*, so nicely depicted in the ancient Egyptian cosmovision, though only before and after the *Totality* [which is one of the hieroglyphic meanings of his name (*Tmw*)] of the space-time continuum, in an extra-temporal and extra-spatial region, where neither gods nor mortals had access. Atūm was truly the first of the old gods, the *deus otiosus* of Nature in his pitiless transcendence.

⁹ See BD 175 (in pBM EA10470); cf. e.g. [Faulkner, Goelet 1998, *pl. 29, cols 16–19*]: *iw.k r ḥḥ n ḥḥ <n> ʕḥʕw n ḥḥ*; [...] *iw.i grt r ḥd(i) irt n.i nbt*; *iw t3 pn r iy m Nwn, m ḥ{w}ḥw, mi tp.f-ʕ*; *ink zp ḥnʕ Wsir*; *ir.n.i ḥprw.i m* [...] *ḥf3w, nn rḥ.zn rmt, nn m33.zn ntrw*. On another similar passage from the *Coffin Texts*, see CT VII, 1130, §§ 461c–471g; CT II, 80, §§ 27d–43h. For an analysis, see: [Maravelia 2012, 103–105]. On BD 17, cf. [Tarasenko 2006, 339–355]; see also [Naville ²1971].

¹⁰ Here we should compare the two representations of Atūm, like an ancient Egyptian decan, in the form of a serpent, although bearing human hands and feet (cf. [Sauneron 1970, *fig. 2–3*]); several decans were depicted during the Late Period as astral serpents (cf. Kákosy 1982, 173ff; Kákosy 1981, 255–260, *fig. 1–3; Taf. 43*). On the Egyptian decans, see also: [Locher 2003, 429–434].

When the nocturnal Sun visits daily the realms of the Netherworld, it is in his allotropic form (Atūm-Rē⁴ or Khnūm-Rē⁴), that unites himself with Osiris (**Fig. 2b**), the Egyptian *primogenitus mortuorum* and god of the dead, in order to resurrect the sleeping dead and resume creation during the dawn of the next morning, vanquishing death and repeating the regenerative act of the primeval creation. Thus, the Sun would re-rise victorious as a winged scarab-headed god, the divinity of the morning youthful Sun¹¹.

II. Time and Art in Ancient Egypt and in the Modern World

How art was conceived in ancient Egypt? The notion of *Art* in ancient Egypt was not being considered and conceived in the same way we (Westerners) think and speak of it! There was no *art* in ancient Egypt in the way *we* recognize art in our modern world! The term closest to the notion of *art* in ancient Egypt was *hmt*¹², meaning *skill, craftsmanship*. Even if the ancient Nile-dwellers were speaking of *art*, this very *art* was not an absurd or abstract concept; it was not an aesthetic category independent of their predominant metaphysical and religious experience [Aldred 1988, 11]. It was this last experience that was encompassing and including the whole of the ancient Egyptian social reality, as well as all of the subsequent human activities. Besides this fact, in ancient Egypt the firm belief to the power of magic was so deep and comprised every aspect of the human life, even the so-called *art* itself. It was exactly this belief at the universal immanence of the magical force – usually personified as the god Heka (*Hk3*) – that was motivating the ancient Egyptians to believe that this force should be propitiated, if they needed to pray for help, or even that it should be annihilated if it was inimical ... The ancient Egyptians considered that they were living in a polymorphic Universe, full of gods, divinities, demons, (good or evil) spirits of the dead, and

¹¹ We must – however – add a negative or evil aspect of the serpent's archetype (**Fig. 2a**) in the Egyptian cosmovision and that is 'Apophis, the wicked demon that tries to prevent the sunrise but is always defeated (see e.g.: [Maravelia 2006a, 262, n. 254; 324, 354, n. 195; 360–361, n. 213, 219; *passim*; Borghouts 1973, 114–150]). On depicting Rē⁴ and Osiris united (from Nefertiri's tomb, QV 66), see: [Maravelia 2006a, 309, 440, *fig. 1*].

¹² On this see e.g.: CD 170, and cf. pPrisse 5, ll 9–10: *n in.tw drw hmt, nn hmww ꜥr 3hw.f* [i.e.: The limit of Art (= craftsmanship) cannot be attained! There is no craftsman who can touch its perfection!]; see: [Žába 1956].

of course humans (who were actually the principal reason for the social problems, wars, & c.). Only the continuous adoration and propitiation of those supreme and divine powers and the use of magic could restore the all-desirable equilibrium and the complete harmony, which would be propitious for both humans and their various institutions! The continuous presence and officiation of the pharaoh (*nb irt-ht*) was the ultimate depositary for the social and the universal harmony in ancient Egypt. The monarch-high priest, as a virtual *pontifex maximus*, was responsible for the lives of his subjects. Through the daily rituals and offerings performed in all state temples, by offering a statuette of the goddess Ma'at (*Mꜣꜣt*) to the gods, he – directly or indirectly, by the mediation of the high-priests – was restoring Order by exalting this very goddess¹³. This symbolic cultic action was hinting to the archetypal symbolism of an ideal world, exactly as it was created at the very *first time* (*zp tpy*), emerging out of the primeval watery chaos, the Abyss of the *Ancient-of-the-Days*, god Nūn (*Nwn*). However, this equilibrium was sometimes unstable or metastable, hence it was possible that the social or the cosmic machine would collapse into chaos and havoc, either because of neglect or because of the *mundane sin* (*isft*). *Magic* (*hkꜣ*), according to the ancient Egyptian beliefs, could not only preserve, but also restore the cosmic harmony. Here lies the very essence of the ancient Egyptian *art*: that kind of *art* (revealing itself through the magnificent architecture, the sophisticated amuletic jewellery, the intriguing sculpture or the unique colourful paintings) consists of the best proof of the former¹⁴. *Art* in ancient Egypt was not performed *per se*, but was just the means of production of metaphysical tools, the craft which would provide the pharaohs, priests, nobles and commoners the necessary amuletic tokens, periapts, prophylactic, homœopœic, dynatic, magical instruments or apotropaic objects, to defend themselves against evil, but also to conquer the afterlife, where they were meant to be immortal champions of Ma'at, as well as joining themselves to the periodic cycles of celestial phenomena, *in secula seculorum*.

¹³ On the idea of cosmic order in ancient Egypt and the goddess Ma'at, see: [Bleeker 1962, 193–200]; on time and cosmic order, see: [Maravelia 2007a: 1243–1250].

¹⁴ On the ancient Egyptian art, see: [Aldred 1988; Michalowski 1968]. On different samples of Egyptian art – coming from all the historical periods – see: [Scamuzzi 1965; Saleh, Sourouziian 1987; Seipel 1989].

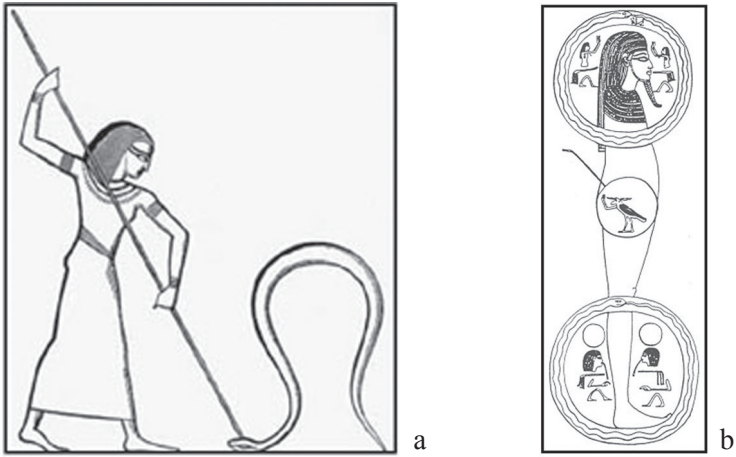

Fig. 2. a – The ancient Egyptian conception of vanquishing evil incarnated in the form of a malevolent snake: a divinity (*ntr*) or the justified deceased (*m³c-hrw*) is smashing its head using a spear. **b** – The most ancient representation of the *Ouroboros*, from the second golden shrine of Tut'ankhamūn (where Osiris and Rē' are unified in the Netherworld) (after: [Piankoff 1949, 113, fig. 1]).

There are many instances, where art and time are either interrelated or the latter expresses and manifests itself through the former. This is particularly evident in the case of several Egyptian artefacts or (meta-physical) paintings with a cosmographic significance. Let us selectively examine three characteristic cases.

1. The Case of the Horizon-God Aker (*3kr*). It is of a great importance to examine the semantics of the horizon-god Aker¹⁵ relatively to time and art. This divinity is usually depicted as a double lion (the god of the horizon is also a virtual guardian to the gates of the Netherworld), or – to be more precise – as Two Lions (*Rwty*), the backs of which are facing each other, while the horizon-hieroglyph¹⁶

¹⁵ On Aker see: [Bisson de la Roque 1930, 575–580; de Witt 1951; Lurker 1986, 25 (art. “Aker”); Ogdon 1986, 127–135; Hart 1987, 1 (art. “Aker”); BMD 1996, 19–20 (art. “Aker”). Cf. also n. 4, *supra*. On the *Rwty*-scene, see: [Tarasenko 2007, 77–122; Tarasenko 2017, 619–625].

¹⁶ On the hieroglyphic sign N27 see: [EG, 489; Wilkinson 1992, 134–135].

stands on top of them, several times so to say crowned by the sky-hieroglyph¹⁷ (Fig. 3a–3b). The lion looking towards the West alludes to yesterday (*sf*), evoking death; while the one facing the East alludes to tomorrow (*dw3w*), symbolizing resurrection.

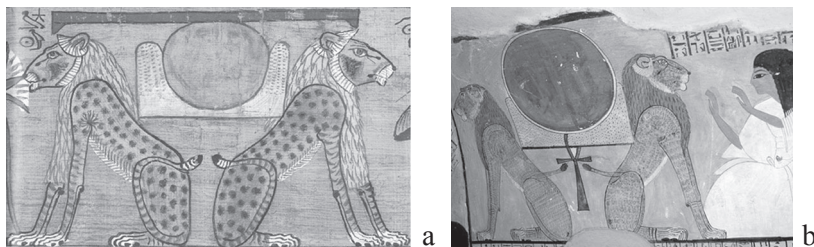

Fig. 3. a – Detail from the New Kingdom funerary papyrus of the *Book of the Dead* of Any (BM EA 10470, c. 1250 BC), showing the double-lion of Aker, as the horizon-god (observe the *3ht*-hieroglyph under the *pt*-hieroglyph). The right lion looks to the west, hence towards *yesterday* (*sf*) and death, while the left lion stares towards the east, hence towards *tomorrow* (*dw3w*) and the resurrection. **b** – Detail of a funerary painting depicting the purified deceased clad in white linen, adoring Aker. The horizon symbol bears a red solar disc and a suspended sign of life (*ʕnh*). Tomb of In-herkhʿaou (*In-hr-hʿw*) at Deir ʿel-Medina (TT 359), 20th Dynasty, c. 1170 BC.

Aker was actually an earth-god, whose cult derived from the Early Dynastic Period, represented not only as a juxtaposed double sphinx or lion, but also as a double human head. A usual representation was a narrow tract of land (since he embodied the Earth), with a human or a lion head at either end. Another depiction shows Aker bearing the sacred solar boat (the socket of which holding its mast was identified to Aker), thus alluding to the nightly journey of the Sun through Aker's kingdom. Consequently the two horizon lions guard the entrance and the exit to the Underworld. In the *Pyramid Texts* it is stated that the gates of Aker are opened unto the king, in order that he enters or exits the Netherworld. Thus, the kingdom of the dead becomes the junction point between the eastern and the western horizons, bringing also close (in an allegorical sense) the notions of resurrection and death. Aker was mostly considered as a rather benevolent deity, since he was thought to absorb the poison from a snake-bite, the venom from a swallowed obnoxious fly, as well as to imprison the coils of

¹⁷ On the hieroglyphic sign N1 see [EG, 485; Wilkinson 1992, 126–127].

the evil serpent ‘Apophis, after being hacked to pieces by Isis. In the ancient Egyptian notion of the Underworld (*Dw3t/Imnti*) Aker could provide along his back a safe journey and a secure passage for the solar boat, the Sun and his crew travelling from West towards East during the dark hours of the night. The notion of time passing is here considered through the darkness and the realm of the dead, while during the day it is thought to take place through the diurnal journey of the Sun in the firmament. From the rich cosmographic iconography of the tomb of Ramesses VI (see *infra*), from the massive tomb of Pedamenopet (*P3-di-Imn-Wpt*) of the Saite Period (26th Dynasty) located at the ‘el-‘Asāsif necropolis at Thebes West, and from several mythological papyri alike of the priesthood of Amūn during the Third Intermediate Period (21st Dynasty), it would be possible – in principle – to reconstruct a *Book of Aker*, related to the nocturnal journey of the Sun from West to East, from sunset to sunrise, from death towards resurrection. The only hints of a malevolent aspect of the horizon-god Aker are met in the case of his “mitosis” into the *Akerou* (*3krw*), primeval deities more ancient than even the earth-god Geb. In the *Pyramid Texts* there is a hope that these will not seize the monarch, while later on this hope is generalized by the belief that everyone will escape their grasp and eternal encapsulation into the terrestrial realms of the Egyptian *Hadēs*.

This ancient Egyptian divinity is also a very significant cosmographic symbol. We could not imagine a better paradigm of a purely cosmovisional character, combining also metaphysical and religious semantics, that is so close to the notion of time, as that is expressed not only through the previous, but also via the very art used to depict it! Horizon (*3ht*) *per se* is a notion concerned with a change or shift in phase or in hypostasis. The astral bodies and the Sun set under the horizon, virtually dying, in order to rise again next day, virtually resurrecting, in a perpetual cosmic and periodic cycle that by itself defines time through its passing. All the heavenly bodies – by “changing phase” – they pass into the invisible realm of the Netherworld (⊗), they are encapsulated, but still maintaining their essence of immortality and regeneration. Thus, they contributed to the measurement of time by their harmonious periodical motion, providing also to the Egyptians of Antiquity a means of metaphysical inspiration. Past (~ death, yesterday, setting), present (current moment of observation) and future (~ resurrection, tomorrow, rising) are combined in a unique alloy of cosmographic symbolism. Netherworld (~ Aker is the guardian

and the gate of *Hadēs/Dw3t*), earth (~ the ground and the visible horizon) and sky (the crowning *pt*-hieroglyph) are interlaced in a spatio-temporal mixture of astronomical significance. And by what an art is this very symbolism performed and depicted? An art full of allegories and hidden semantics! An art expressing the conception and the passage of time by itself; an art that was serving religion and the metaphysics of eternity! Sometimes the deceased is shown dressed in white linen (alluding to his purity and flawlessness) adoring the horizon-god, ready to enter or leave the realm of the Great Beyond (**Fig. 3b**).

2. The Case of a Typical Time-Measuring Instrument (an Ancient Egyptian Clepshydra). The *clepshydra* was a non-precise ancient time-measurement instrument and as an artefact consists of the most characteristic time-expressing and time-measuring object (**Fig. 4a–4b**). If such an artefact bears also cosmographic representations, like the one presented here, then one understands how important its study in the context of this paper is. The *clepshydra*¹⁸ was measuring time by water (or even sand) falling from an upper to a lower vessel, thus providing a means to count its passing. The device was often consisting of a water-filled vase made of either stone, pottery or copper, having a hole in the base, through which the liquid was drained away. A *clepshydra* is independent of the Sun [unlike the sundial (*γνώμων*)], being able to indicate time intervals during the night and at periods of cloudy weather; however, it is imprecise (just like the sundial)¹⁹.

The case of the Karnak *clepshydra* examined here briefly²⁰ is particularly interesting (**Fig. 4a**). If for the lay-people in ancient Egypt the precise measurement of time was not important, for the *priests-astronomers* (*imyw-wnwt* / *ώρολόγοι*) it was of the utmost significance. They should be able to determine accurately not only the time of the daily cultic observances at temples, but also to know the dates of the great feasts and of the inundation of the Nile (that was related to the Egyptian New Year). In cloudy nights when the decanal constellations were not visible, the *clepshydrai* would compensate for this very knowledge and help the priestly observers in their duties. The Karnak

¹⁸ See, for instance: [Couchoud 1988, 25–34; de Bourgoing 2001, 30–31; BMD 1996, 66 (art. «clepshydra (“water clock”))].

¹⁹ On these time-measuring devices, see e.g.: [Cotterel *et al* 1986, 31–50; Hölbl 1986, 59–60].

²⁰ For a more detailed presentation, see: [Corteggiani 1986, 98–99].

clepsychra – the oldest known from Egypt, dated to the reign of Amenophis III (18th Dynasty) – was such an instrument, made during one of the most developed eras of the ancient Egyptian history. To be more precise (since this was only a votive offering), the water clocks used by the priesthood during the New Kingdom would be similar in form and function. It is not our wish to fully describe this device here, but we could say that it bears a lot of interesting cosmographic representations on its three registers (that were pasted during ancient times with cornaline and glass-paste). The water was flowing through a very thin channel starting from the interior and ending at the exterior in a relief form of a seated cynocephalus (one of the sacred animals of Thoth, god of Mathematics, measurements, time and the Moon) that has not survived until our era. On the upper register the planets and some constellations are depicted, together with a list of decans. On the middle register we can see the northern asterisms together with a framed depiction of Amenophis III, offering to the solar god Rē'-Horakhty, assisted by Thoth. Finally, the lower register is subdivided in six tables (corresponding per two to the three seasons of the ancient Egyptian year), in which the pharaoh appears between two divinities corresponding to the twelve months of the year.

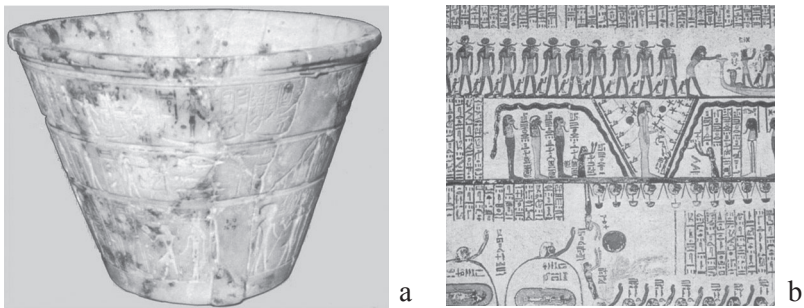

Fig. 4. a – The most ancient example known of an Egyptian *clepsychra*, dated from the reign of Amenophis III (18th Dynasty, c. 1370 BC). On its three registers several cosmographic and religious depictions of divinities abound (planets, decans, northern constellations, month-deities, cosmic divinities, & c.). Egyptian Museum, Cairo J.E. 37525. **b** – Detail of the cosmographic paintings from a royal monument. In the central register a male ithyphallic divinity is standing inside a *clepsychra*, accompanied by some stars, symbolizing the 12 nightly hours (*wnwt nt grḥ 12*). Tomb of Ramesses VI (KV 9, c. 1151–1143 BC) (photo by the author).

Hence, it is not only the fact that all the three registers of the *clepshydra* do show cosmic divinities, stellar bodies and bear a strong astronomical significance. It is also that all of them (decans, monthly deities, northern constellations, cosmic deities) are closely related to the flow and the measurement of time. If the surrealists were talking about the *poèmes-objets*, we could also claim that this very object is a *timely-* or *time-object*, since its particular use would be the measurement of time whenever other devices or methods would not be applicable. And this makes its direct connection to the allegorical depiction of a *clepshydra* in a funerary context, namely that examined here and found as a detail of a certain painting at the tomb of Ramesses VI (**Fig. 4b**). In this, a male ithyphallic divinity (symbolizing Osiris in his nightly junction with the solar god (**Fig. 2b**) is standing inside a *clepshydra*, accompanied by several stars (actually nine, divided in three groups of three, since $2 \times 1\frac{1}{2} (= 3)$, respectively, of the three remaining hours should correspond approximately to the time of dusk after sunset and before sunrise), symbolizing the *12 nightly hours* (*wnwt nt grḥ 12*). The solar disc appears two times, actually corresponding to sunset and the upcoming sunrise. Moreover, twelve small figures, in two groups of six, are flanking the left and right side of the water clock, alluding to the 12 nightly hours, while a huge serpent is enveloping the whole scene in a protective manner, having being shaped in a truncated cone's (*clepshydra*-like) form. The allegory of this imagery is connected too with the passage of time and its measurement during night-time, the period when the upcoming morning resurrection of the Sun is being prepared.

3. The Sky-Goddess Nūt (Nwt). In ancient Egyptian mythology the heavenly goddess was thought of as female in her sex²¹, while the terrestrial divinity was considered as male. Actually, the Egyptian celestial goddess Nūt²² was one of the personifications of the cosmic elements evolved by the priesthood of Heliopolis in order to present a

²¹ See, for instance: [Martinelli 1994, 61–80]; opposite to the ancient Hellenic mythology.

²² For Nūt, see mainly: [LÄ IV, 1982, 535–541 (art. “Nūt”); Lurker 1986, 90 (art. “Nūt”); Hart 1987, 143–147 (art. “Nūt”); Posener 1992, 192 (art. “Nout”); BMD 1996, 207–208 (art. “Nūt”)]. For a thorough study, see: [Bergman 1979, 53–69; Billing 2002; Billing 2003, 129–36]. Cf. also [Rusch 1922; Grapow 1924, 9, 24–28 (especially pp. 27, 32); Piankoff 1934, 57–61; Sander-Hansen 1937; Buhl 1947, 80–97; Hornung 1982, *passim*].

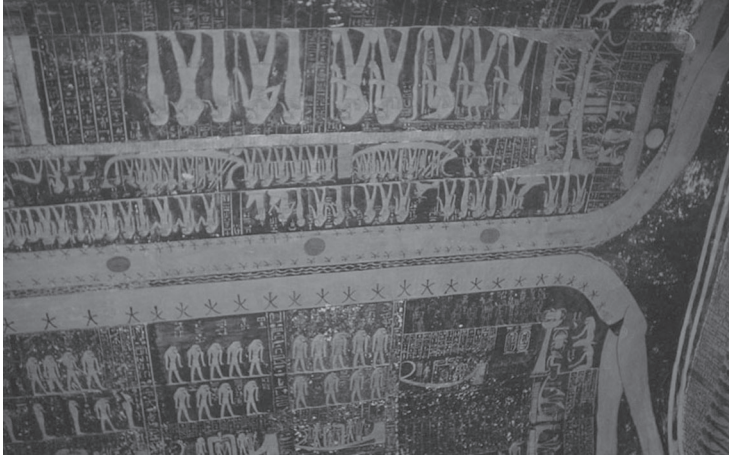

Fig. 5. The ancient Egyptian conception of the celestial vault can be seen here explicitly in the astronomical roof of the tomb of Pharaoh Ramesses VI (KV 9, c. 1151–1143 BC). The celestial goddess Nūt, personifying it, begets daily the heavenly bodies from her uterus at their rising and eats them at their setting. She extends her body over the Earth, while the Sun travels on it during the day and the stars cross it during the night. The *Book of Day* and the *Book of Night* are also seen (photo by the author).

viable cosmovisional model of the Universe (**Fig. 5**). Nūt (*Nwt*) was the daughter of goddess Tefnūt (*Tfnwt*) personifying the primordial moisture, and of god Shū (*Šw*) personifying the luminiferous aether, hence the empty space of the atmosphere and light. Ancient Egyptians visualized her mainly as human in form, but she was also depicted as a divine bovine (a heavenly cow)²³, or even as a bee wielding great power over the gods [Hart 1987, 143]. The celestial goddess united with her brother and husband Geb (*Gb*), personifying the Earth, in a supersubstantial hierogamy, giving birth to four divine children, coupled in two pairs: Isis (*3st*; personifying the fertile land) and Osiris (*Wsir*; personifying the Nile), Nephtys (*Nbt-Hwt*; personifying the land between the fields and the desert) and Seth (*Sth*; personifying the desert), belonging all together to the Osirian mythological

²³ For the funerary synthesis known as the *Book of the Celestial Cow* and the concomitant mythology, see: [Maystre 1941, 53–115; Piankoff 1977, 26–37; 142–143; Guilhou 1984, 87–93; Guilhou 1989; Hornung 1982; Hornung 1999, 148–151]. Cf. also [Maravelia 2006b, 41–65].

cycle, conceptualizing the principles of Kingship and Nature's periodical regeneration. Nūt was also conceived as a personification of the Milky Way, which is a principal feature of the firmament. In this aspect her symbolic depiction as a swimming girl holding a goose has to be understood as a virtual allusion to the Galaxy and Cygnus constellation, as they appear projected on the celestial sphere²⁴.

However, Nūt is more frequently depicted as a young goddess arching her body over the Earth (represented by the recumbent god Geb), separated from him by Shū. Although the Egyptian iconographical customs were representing Nūt stretching her body over the Earth, her arms and legs being depicted tightly together, the actual conception of her is that both her fingers and toes touch the four cardinal points on the horizon, thus conceptualizing the *four pillars of heaven*²⁵ (*shnwt nt pt 4*). It was probably from the Egyptian idea that Nūt swallowed the solar god and his entourage, in order to give them birth again next dawn, the notion arose that Geb became upset with his wife for having eaten her children. In the cenotaph of Pharaoh Sety I at Abydos [Frankfort 1933, I, 72–86; II, *pl. LXXXI–LXXXVI*]²⁶ Nūt's swallowing of celestial deities was likened to a sow devouring her piglets. Ramesses VI (1151–1143 BC) too built a splendid tomb (KV 9) in the Valley of the Kings [PM I², 511–517 (KV 9)]²⁷. In this tomb the *Book of the Earth* occurs for the first time, while the astronomical ceiling combines images from the *Book of the Day* and the *Book of the Night*, together with the outstretched diurnal and nocturnal figures of Nūt (**Fig. 5**). Here we can find a detailed representation on the ceiling of the sarcophagus chamber. Nūt is painted twice on a colossal scale, depicting the day and the night sky. The body of Nūt is painted golden-yellow, while her eyes' make-up and hair are depicted

²⁴ A first hint on this topic, although with some astronomical errors that we discussed in [Marvelia 2003, 66–70], can be found in [Kozloff 1992, 331–348; Kozloff 1993, 169–176].

²⁵ See, for instance: Urk. IV, 620: 16 (for a relevant reference to the *Poetical Stela of Tuthmosis III*).

²⁶ For the dramatic text in the cenotaph of Sety I, see also: [EAT I, 1960, *chap. 2; tabs. 44–51*]. Additionally, Nūt is depicted on the interior of the calcite sarcophagus box of Sety I (see for instance [Reeves, Wilkinson 1997, 137]).

²⁷ See also: [Reeves, Wilkinson 1997, 164–165; cf. also: ASAE 18, 1919: 270–274]. For a wall documentation, see: [Piankoff, Rambova 1954]. See also [Siliotti 1999, 64–67].

black, as well as the stars on her body. The solar disc is painted in red. The solar god sails in his barge along the exaggeratingly elongated body of Nūt until evening, when the solar disc approaches the mouth of the heavenly goddess to be swallowed, being depicted bigger near her mouth. A multitude of stars are also depicted flanking the diurnal course of the sun, probably alluding to the knowledge of the ancient Egyptians of the fact that stars exist on the sky during the day too, but are invisible, except when a total eclipse of the Sun occurs. The sun travels safely together with the stars through the hours of the night inside the body of the goddess. At dawn, the red glow of which was called the *Daughter of Nūt* by the Egyptians (*z3t Nwt*), the solar disc emerges anew as a winged scarab from her vulva to bring light and the promise of regeneration to the world. The background is depicted in dark blue, bearing on both sides astral deities and decans painted in golden-yellow, together with numerous columns of hieroglyphic inscriptions. The imagery operates at differing levels, showing the sun as a red disc being swallowed and reborn from the very womb of the goddess, and as a god in the solar sacred bark sailing upon the heavenly waters of the firmament.

Nūt is a universal goddess, the equivalent of Isis, as a *post mortem mater lactans*; and of Hathor in her cosmic hypostasis, as directly related to the solar god [for the latter was his daughter (*filia Solis*)]. She keeps the malevolent chaotic forces from breaking through the sky and devouring the world, thus contributing towards the celestial harmony and helping Ma'at in her cosmic role. Her body is the firmament, the celestial vault, the sky and the Galaxy. It divides the Cosmos, created in the *very beginning* (*p3wt tpyt*) by Rē'-Atūm according to his rules of universal harmony, from the amorphous, achronous, dark and infinite primeval matter, the merging with which should be tantamount to non-existence and catastrophe. It also divides the visible from the invisible celestial hemisphere, the high from the low. How Nūt was maintaining this equilibrium was not examined by the Egyptians, who were always remaining on symbolic and allegorical explanations of the cosmic essence, and who considered this as a divine unfathomable and incomprehensible fact, summed up by the epithet *mysterious/secret* (*št3yt*) attributed to their sky-goddess [Hart 1987, 146]²⁸.

²⁸ On the root *št3*, see [Wb. IV, 551ff (especially S. 553, I: (e)); cf. Urk. V, 55: 10].

Let us now briefly assess the relation between the creation of sacred space, the perpetual flow of time and the imaginary in ancient Egypt, based on the depictions of the heavenly goddess discussed above. Nūt, archetypal image of the devouring female, is also a source of life and regeneration. Not only she takes but also gives back life in a periodical repetitive eternal cycle, alluding to the human biological cycle as well as to the cosmic phenomena. She defines a virtual *space-time continuum*, which constitutes the scenery for cosmic activities. Sacred space becomes cosmic space and infinite time becomes archetypal time in the context of her representations. A unification of spatial and temporal dimensions is thought to take place in a miraculous manner, conceptualizing the affinity of celestial phenomena to the life of humans. The above becomes below, the high meets the low, the divine visits the human, the perpetual is unified to the mortal (and vice versa), in an irresistible alloy of harmony testified by these depictions of the sky-goddess. The conception of the sky as a female divinity agrees with the ancient Egyptian *forma mentis* and the modes of thought of ancient theologians, whose environment hinted to these conceptions. Thus, her soft, fluid and variable characteristics as a goddess – a plausible archetypal projection of the terrestrial river’s fluidity onto the celestial sphere, where the Galaxy was considered by several ancient nations as a heavenly river [Allen 1963, 474ff]²⁹ – are comprehensible and justified. It is like time has stopped, when one looks Nūt’s representations in the astronomical ceilings of the royal tombs. The pause of time means *eternity* (*dt*) and *everlastingness* (*nḥḥ*); both of these notions³⁰ being connected to the afterlife beliefs of ancient Egyptians and their expected resurrection. The pause of time-flow, relatively and subjectively meant for the deceased humans as the end of their (life)time, could also well be interpreted in

²⁹ In Egypt, the correlation of Nūt, the Galaxy and the Great Flood/*Μεθύνηρ* (*Mhyt-Wrt*) has been already discussed (see mainly [Broze 1999, 63–72; cf. also Sauneron 1961, 43–48; Allen 1988, 19; Kozlof 1993, 173]). For the Copts the Milky Way was called ΠΑΜΩΙΤ ΝΤΕ ΠΙΤΩΣ (cf. [Allen 1963, 481; Crum 1939, 453b, citing Kircher 1643, 50]). The Milky Way is also conceived as the “backbone of the night” by certain tribes in Botswana [Maravelia 2006a, 391, n. 73]).

³⁰ For the notions of *eternity* and *everlastingness* in the ancient Egyptian thought, see for instance [Bakir 1953, 110–111; Bakir 1974, 252–254; Allen 1988, 26–27]. Cf. also [Maravelia 2018, *in press*].

terms of their virtual unification to the eternal stop of time-flow. Hence, if we think in metaphysical terms, this would mean their incorporation into the *Great Beyond*, the Divine Essence, which is found and meant out of any cosmic dimension and comprehension, transcendently existing into everlastingness, out of space and not with time (*non cum tempore*). The royal (and several other noble's) Egyptian tombs were thought of as virtual small universes, tiny cosmic theatres of unfathomable semantics and birth mansions for eternity. Nūt played a considerably important part towards this symbolism in her depictions as the sky vault, hosting the course of the Sun and of stellar bodies. It is there – on her body – that the cosmic activities take place. It is there – on her divine limbs – that the periodical changes of the firmament with its constellations, Sun, Moon and planets are dramatized and conceived as virtually significant for the terrestrial life and for humans. Day and night, space and time, good and evil, order and chaos are virtually fighting in an *allegorical battle* (*ὑσμίνη*), which keeps the Universe in life and sustains the Cosmos. Hence, the liturgical (and also aesthetically significant) creation of sacred space, corresponds to the consequent creation of a holy archetypal time, a time of cosmic symbolism that governs the plethora of periodic astronomical phenomena. Nūt becomes the recipient of heavenly bodies, hence metaphorically of terrestrial beings *post mortem*. She constitutes the divine receptacle and fountain of both time and space, underlying in their fundamental unity as categories of the *space–time continuum*. The relation between cosmic space and archetypal time is certainly based on the semantics of heaven as an all-encompassing and global hypersphere, where time is defined by the periodical motion of the stars, Sun, Moon and planets, inherent to the firmament and its “miracles”. There is a significant relation of unity, clearly shown, in the examined depictions of Nūt, out of which time is expressed allegorically through art and the funerary liturgical art is virtually transformed into the eternal flow and fluidity of time. The great significance of Nūt is unequivocally accepted, and that is exactly why we dedicated to this very topic a considerably longer part (than to the two previous cases).

It is evident that the three previous examined testify for the interrelation between art and time in the ancient Egyptian artefacts, a fact that shows explicitly that the Egyptians of Antiquity were prone to

express philosophical ideas, namely time-categories and the notion of eternity through their visual and plastic arts. However, it is now time to end our discussion by giving some hints concerning similar notions (time and art) and their concomitant symbolism in the (more) modern Western art and philosophy.

Time is often symbolized by the wheel, by the twelve signs of the zodiac, describing the circle of life as they move round [Symbols 1996, 1008], and in general by any circular shape. In this aspect, an ellipse is also a time-symbol, since according to the laws of Newton and Kepler the planets revolve around the Sun in elliptical orbits. The centre of a time-circle is consequently regarded as the motionless aspect of existence, the pivot which makes the motion of existence possible, and the one contrasting with the other, like time with eternity (which brings us close to St Augustinus' time definition). All motion takes a virtual circular shape once it becomes part of the evolutionary curve between a beginning and an end, thus lays itself open to measurement which is none other than that of a time-scale³¹. Still, time cannot be frozen (at least far from a gravitational singularity, like that of a black hole), so as to "stop" it and measure it, as we stop in space to measure distances or surfaces. We need time to measure time, so time can be measured, but not in the sense we measure space or other physical quantities (i.e.: electric charge, angular momentum, power, intensity of sound, & c.). The symbolic passage from the temporal to the spatial does not succeed to suppress all rotary movement, but it conceals the ephemeral nature of existence, since it displays no more than an instant in space [Symbols 1996, 1009].

Art – in our Western society – has been conceived as a struggle against death, as has been mysticism alike: both symbolize the struggle for eternal life and immortality³². By definition, human time is finite and divine time infinite; or rather it is a negation of time, *timelessness* (*ἄχρονον*)! The former is limited, while the latter is perpetual. There is no common ground for a direct comparison between

³¹ Concerning the ancient time-reckoning (especially in ancient Egypt), see: [Borchardt 1920; Krupp 1980, 24–27; Locher 2003, 429–434; Spalinger 1996, 67–77; Sloley 1931, 166–178]; and also (in ancient Hellas, & c.): [Morgan 2000, 17–31; Nilsson 1920].

³² On these issues and the ancient Egyptian thought, see: [Maravelia 2003, 55–72 (especially pp. 63–66)]. On time, in general, cf. also [Aveni 1989; Barbour 1999; de Bourgoing 2001; Brandon 1951; Butterfield 1999].

these two time-categories. To escape from time is to escape utterly from the cosmic order, to enter another order and another Universe³³. Hence, time is indissolubly linked to space.

III. The *Ouroboros* in Astronomy, Alchemy and in Biased Esoteric Views

The *Ouroboros*’ *κοσμικὸν μίμημα* represents the marriage of the chthonian world (symbolized by the snake biting its own tail), and the celestial world (symbolized by the circle, the most “divine” and perfect between all 2–dimensional shapes). A serpent biting its own tail [Symbols 1996, 728–729 (art. “ourobos”)] symbolizes a closed cycle of development. At the same time this symbol enshrines ideas of motion, continuity, self-fertilization, and – consequently – of the eternal return. The image’s circular shape – as we already noted – gives rise to another explanation: the marriage of the chthonian world (represented by the serpent) [Symbols 1996, 844–858 (art. “serpent”)] to the celestial realm (represented by the circle [Symbols 1996, 195–200 (art. “circle”)]), symbolizing the circular and unchanging motion of the Heavens). Confirmation of this interpretation might be found in some examples in which the *Ouroboros* is partly black and partly white (**Fig. 9b; 11a**). It would thus bear the meaning of the marriage of opposing principles: female-male, heaven-earth, day-night, good-evil, *yin-yang*) and of all the properties possessed by these opposing elements. Babylonian religious speculation derived from the circle (which was also a symbol of time³⁴) the notion of infinite, cyclical and universal time, transmitted to the ancient Hellēnes in the archetypical image of the *Ouroboros*. And it is in this circle that one can meet the divine properties *par excellence*: a circle has neither a beginning nor an end, being continuous and omnidirectional. In the Neo-Platonic thought, God is compared to a Circle of which the Centre is everywhere, an allegory also used in Sufism.

³³ A possible existence of the speculative *Einstein-Rosen bridge*, that is the so-called *wormhole*, uniting a black hole in our Universe with a white hole in another (parallel) Universe, would be the physical entity through which this could be possible (in principle).

³⁴ On time as a symbol, see [Symbols 1996, 1008–1009 (art. “time”)]. According to St Augustinus, time was nothing but the shifting image of motionless eternity. Christ is both a *Pantokratōr* and a *Chronokratōr*, as Saturn/Kronos (\approx *Χρόνος*) was considered in the ancient Hellenic cosmivision, especially in that of the Orphics (cf. e.g.: [Maravelia 2006a, 370–371; Maravelia 2007a, 1244–1248]).

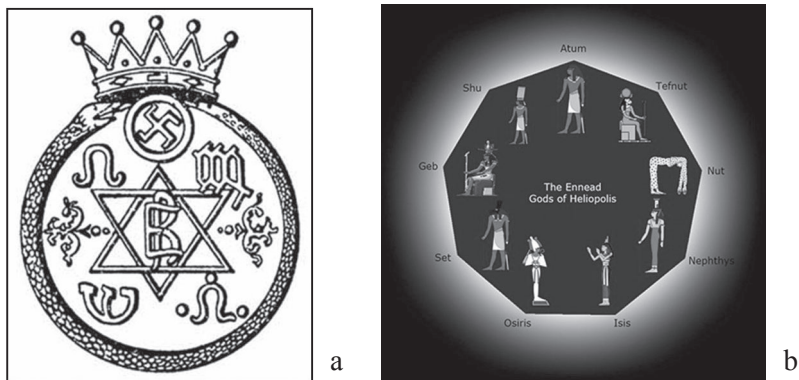

Fig. 6. *a* – The depiction of a crowned *Ouroboros*, together with astrological (zodiacal), alchemical and other symbols (like a hexagonal star and an encircled swastika crowning it). *b* – Schematic circular depiction of the Heliopolitan Great Ennead. Starting from Atūm (unity), the creation of the first pair of divinities occurs (couple), leading to the further virtual “mitosis” of the initial cosmic and divine cell to more components (1 → 3 → 5 → 9).

Another interpretation may see in the *Ouroboros* the contrast between two different levels of being. The serpent eating its tail falls into the shape of a circle, a break with its linear development which would seem to mark as big a change as emergence upon a higher level of existence, a level of celestial or spiritualized existence, symbolized by the circle. The serpent thus transcends the plane of brute life to move forward in the direction of the most basic living impulses. However, the explanation depends upon the symbolism of the circle, the image of celestial perfection and apparent periodical harmony. An opposite image may be conjured up by the serpent biting its tail, ceaselessly revolving around itself enclosed within its own cycle, and that is the image of the *samsara* [Symbols 1996, 824 (art. “samsara”)], the wheel [Symbols 1996, 1099–1103 (art. “wheel”)] of life, alluding also to the very ancient symbol of the *swastika* [Symbols 1996, 956–957 (art. “swastika”)]³⁵ (Fig. 6a). The swastika was an antique Indo-European

³⁵ It is a symbol of activity, a quadrupled cross (*gammadion*, ~ 4Γ), displaying clearly a rotary movement around a fixed centre or a pole. As a development of human reality, it may well express the furthest development of secular power, which would explain why the swastika was an attribute of the French Emperor Charlemagne (also, regrettably, extensively misused by the German Nazis).

symbol, used also extensively in Archaic Hellas (Hellenic: Γαμμιάδιον; Latin: *Crux Gammata*; Sanskrit: *svástika* (स्वस्तिकि)); however, it was also used as a Proto-Christian cross in tombs. By its circularly rotating allegory the swastika provides a virtual resemblance to the periodic cyclical motion of the *Ouroboros*. As one condemned never to escape its own cycle and raise itself to a higher plane, the *Ouroboros* symbolizes eternal return, the endless cycle of rebirth and a continual repetition which betrays the dominance of a basic death-wish. Additionally, the representation of the Ennead of Heliopolis as a virtual circle (**Fig. 6b**), with a certain beginning, but without end, alludes also to the idea of creation of the initial powers of life out of the primordial chaotic abysmal ocean (*Nwn*), as well as to the periodical continuity of the immanent forces of nature, allegorized as the Ennead divinities.

Basically dragons³⁶ (**Fig. 7a–7b; 9a–9b**) are thought of as strict guardians (of treasures) or as symbols of evil and diabolical tendencies, hence the draconic symbol has an ambivalence, also alluding to the confrontation of the duality principles (cf. *καδοικεύς*³⁷). This hints to the neutralization of opposing tendencies, of e.g.: alchemical sulphur and alchemical mercury. Oppositely, the immanent, undeveloped nature is portrayed in the *Ouroboros*, actually the dragon eating its own tail. The dragon reflects the image of the active First Cause, the Demiurge, the force and spiritual vigour, being also a celestial symbol of the *vis vitalis* and the power of manifestation, ejaculating the primeval waters of the cosmic egg [Symbols 1996, 308. Cf. also Maravelia 2006a, 365–369; Maravelia 2007a, 1246ff, fig. 1]. Perhaps, the most striking significance of the serpent [Symbols 1996, 844–858 (art. “serpent”)] as an archetype, which can be also transposed to the symbolism of the *Ouroboros*, is its volatile character: it evades time which can be clocked; it evades space which can be measured; it surpasses logic which can be rationalized [Symbols 1996, 845]. Then it escapes to the lower reaches from which it came and into which it can be imagined as timeless, changeless and motionless (yet swift and *all-transformable* ~ *ἀλλοτριμορφοδίαιτον*) in the fullness of its life.

³⁶ On dragons see: [Symbols 1996, 307–310 (art. “dragon”).]

³⁷ See: [Symbols 1996, 142–145 (art. “caduceus”).] Interestingly, unlike its Roman Catholic counterpart, the bishopric staff in the Orthodox Church ends at two opposing and intertwined snake-heads, looking at each other, with a cross between them.

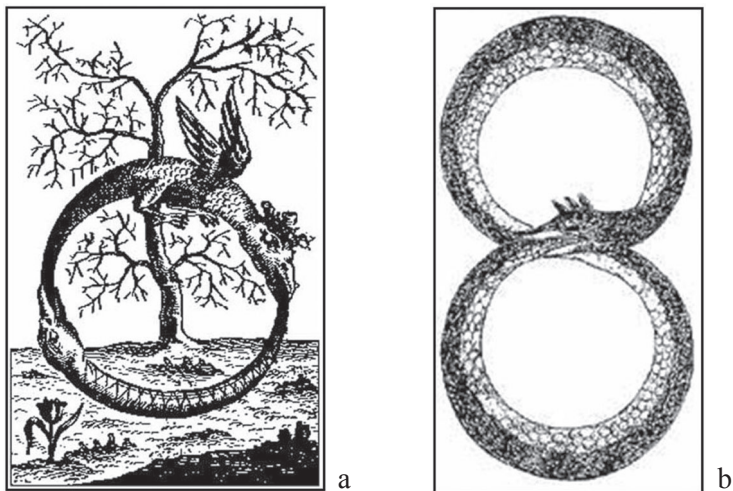

Fig. 7. *a* – An alchemical conception of a double and partly winged *Ouroboros* near a leafless tree. *b* – A twisted *Ouroboros*, reminding an inverted mathematical (and freemasonic) symbol of infinity.

There are two ways of sustaining something: it may either be carried or enfolded by creating an unbroken circle around it in order to prevent its falling apart. The second role corresponds – once again – to the self-biting serpent, the *Ouroboros* [Symbols 1996, 846]. In this context, the circumference complements the centre, so as to suggest Nicolaus Cusanus' notion of God himself. The *Ouroboros* is also the symbol of cyclical manifestation and return, sexual auto-intercourse (reminding of Atūm's primordial self-intercourse, too), perpetual self-fertilization, continuous transformation (e.g.: of forms, of death into life, and vice versa, & c.). In Bachelard's words, it is "the material dialectic of life and death, death springing from life and life from death". While it conjures up the image of the circle, it is predominantly the circle's dynamism that is the first wheel, apparently motionless because it revolves on its own axis, but with perpetual motion since it is continuously self-renewed. Universal life-giver, the *Ouroboros* provides the motive power not only of life but of time, creating both within itself (**Fig. 8a–8b**)! It is often depicted in the shape of a twisted chain (**Fig. 7b**), its links being the hours. Setting the stars in motion, it is also the first representation and the virtual "mother" of the zodiac.

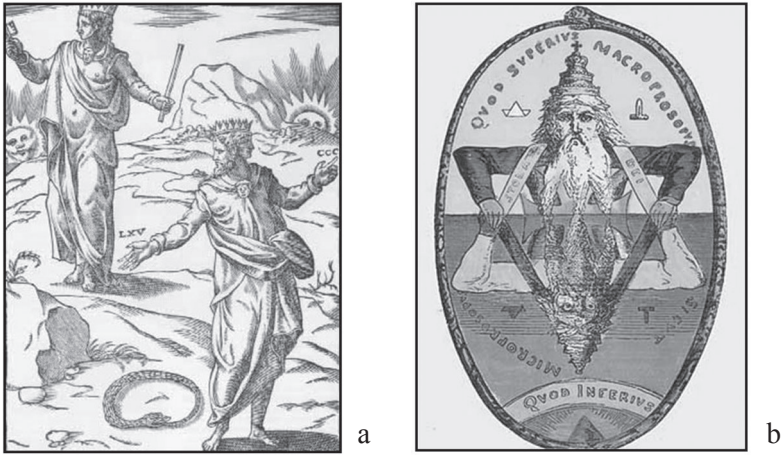

Fig. 8. *a* – Alchemical representation of a certain phase of the *Opus Magnum* with an *Ouroboros* on the ground. *b* – Another alchemical depiction of the antithetic macrocosmic and microcosmic levels, encircled by an *Ouroboros* and forming the hexagonal star, hinting to the characteristic *dictum* of the *Tabula Smaragdina*: “quod est superius est sicut quod est inferius”.

An old symbol of an old god of Nature dethroned by the spirit, the *Ouroboros* remained a powerful cosmographic and geographic deity; and – as such – was carved round the edges of the earliest representations of the world, like what is undoubtedly the earliest African *imago mundi*, the Benin Disc³⁸. Its sinuosities frame all things, bringing together opposites, the primeval oceans on which floats the square shape of the Earth. Terrifying in its anger, it becomes the psalmic *Leviathan* or the Nordic *Midgardorm*, which was – as the *Edda* states – older than the gods themselves, or even the Hellenic (Hesiodic) *Ωκεανός* encircling the Earth! It is finally the ultimate *substantia* of formless primeval matter and of watery Abyss from which everything came into being and into which everything will return, in order to be reborn in a perpetual cycle of *transformations* (*μεταμορφώσεις, μετενσωματώσεις*). In the Cosmology of the Gnostic Ophites, the sea-monster³⁹ (*Leviathan, Δράκων, Ouroboros*), as the celestial, primordial water, forms the outermost circle of the world of creation, which

³⁸ On this, see e.g.: [Frobenius 1936, 147–148]. The *Ouroboros* of the Benin Disc is hermaphrodite and himself twin (cf. also [Symbols 1996, 848]).

³⁹ E.g.: in *Psalmi* civ (ciii): 26. On the *Edda*, cf. e.g.: [Stange 2004].

is inaccessible to the experience of the senses, and shuts it off from the divine world of love and light [Roob 2001, 38]. There exist several depictions of how the ancient Pagans supposedly imagined the chaos: in one of them a dark figure symbolising Time (*Χρόνος*) dwells in the centre of the Earth, enclosed by the *Ouroboros*, the serpent of Eternity [Roob 2001, 188; De Hooghe 1744].

In the alchemic and freemasonic symbolism⁴⁰, the *Lost Word* (*Απωλεσθείς Λόγος*) of the murdered Master Mason Hiram is nothing but the lost member of Osiris. Finding this means bringing together the beginning and the end (A–Ω), completing the circle and consequently the *Ouroboros* [Roob 2001, 221] (**Fig. 9a–9b**).

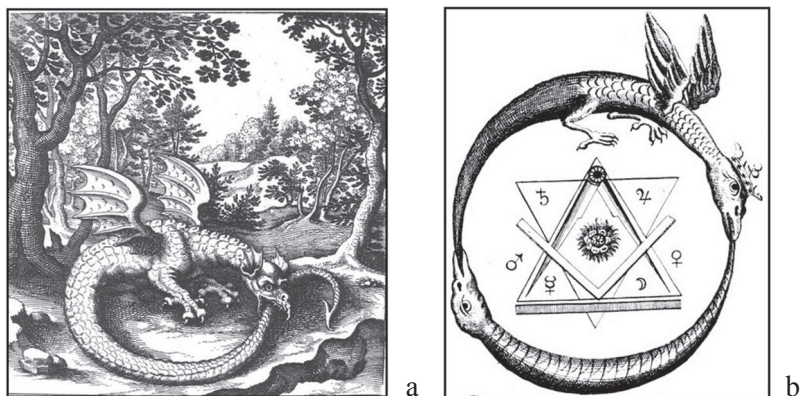

Fig. 9. a – Allegoric representation of a dragon, biting its own tail, like a virtual *Ouroboros*. **b** – A double and partly winged *Ouroboros*, encircling alchemical, astrological and freemasonic symbols, namely: the square, the compass and two triangles.

In the *Alchymia* of Andreas Libavius (1540–1616) the author describes the *Ouroboros* symbolically as the symbol *par excellence* of the second *fixatio* after the second *putrefactio* [Roob 2001, 300–303; Libavius 1606]. Other authors like A. Eleazar have also referred to a serpent symbolism that alludes to the *Ouroboros* [Roob 2001, 402;

⁴⁰ On the history and symbolism of Freemasonry, as well as on the Hiramic myth, see (between others) the following: [Béresniak 2000; Duchane 2007; Kirk MacNulty 2006; Lhomme *et al.* 2004; Naudon 1988; Naudon 2004]. On Alchemy and the *Ouroboros*, see [Sheppard 1962, 83–96]. The Hiram story can be found in the *Bible* (*I Reg.* 5–10, *passim*).

Eleazar 1760]. According to him, the *Ouroboros* is the cosmic spirit, which begets everything and transforms itself into all the natural entities. In Coptic the word *ouro* (ⲟⲩⲣⲟ) means *king* and in Hebrew the word *ob* (Ⲫ) means *snake* [Roob 2001, 403; Eleazar 1735]. In alchemical and magical literature one can also find the *Ouroboros* as a double snake alluding to the duality of nature [Roob 2001, 404; Kirchweger 1921]. Quicksilver was also compared to a self-biting snake and the ancients, according to Maier, were considering the *Ouroboros* as both “the change and the return of the year”, as well as “the beginning of the *Great Work (Opus Magnum)*, in which the poisonous moist dragon’s tail is consumed” [Roob 2001, 421; Maier 1618] (**Fig. 10a–10b**).

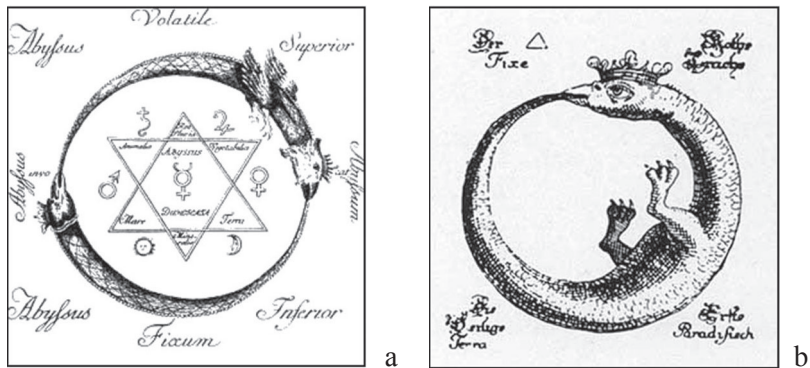

Fig. 10. a – A double *Ouroboros*, encircling the hexagonal star together with astrological and alchemical symbols, the central of which is that of mercury. **b** – A crowned dragon-like *Ouroboros* surrounded by alchemical symbols and descriptions.

In other instances the *Ouroboros* is also bestowed with demonic properties. For instance, Böhme claims that Devil may show his own image to the poor soul that wants to turn away from God, in the form of a snake (i.e.: the fire-wheel of essence) and tempts it [Roob 2001, 426; Böhme 1682]. According to Johannes Macarius, the Egyptian *scarab (hpr)* and the *Ouroboros* are also interrelated, as both are an expression of “ἐν τὸ πᾶν” (**Fig. 11a–11b**), the eternal transformation of the ever unchanging [Roob 2001, 672; Macarius 1657]⁴¹.

⁴¹ For **Fig. 11a**, cf. also [Reemes 2015, 284, 415; fig. 125].

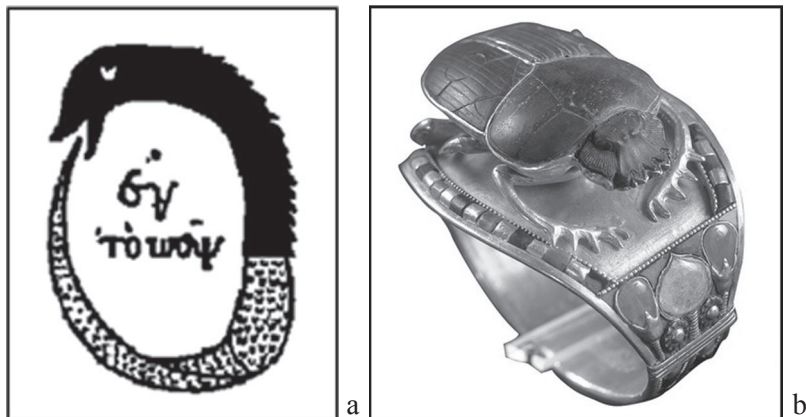

Fig. 11. a – The *Ouroboros* depicted in a black and white antithesis (with an ancient Hellenic *dictun*). **b** – A typical scarab bracelet for royal amuletic use, depicting the symbol of the newly born Sun. From the tomb of Tut‘an-khamūn (KV 62, c. 1320 BC), made of gold and semi-precious stones.

In Alchemy, the ninth key of Basil Valentine describes the brightly coloured phase in the *Opus Magnum*, known as *cauda pavonis* [Maravelia (Μαραβέλια) 2001, 254]; it occurs under the zodiac sign of Libra and shows that the matter is gradually dying. The threefold *Ouroboros* depicted there refers to the *tria prima* and the three large sections of the *Opus Magnum*, while the whole depiction is based on a reversed femininity (Venus’) symbol ♀, of the antimonic *prima materia* [Roob 2001, 678; Stolcius von Stolcenberg 1624]. Additionally, the idea of the colour circle or wheel develops out of the figure of the *Ouroboros*, constructed in the emblems of Nicolas Flamel from the two self-consuming dragons of light and darkness. The former symbolizes the dry, sulphurous principle, while the latter he called the *volatile black woman* and is the mercurial moisture [Roob 2001, 682].

In a cosmographic context, the ancient constellation of Draco was considered as a very important one by many nations⁴² (**Fig. 12a**). The archetypal conception of the celestial dragon by the ancients is also to be noted. According to the ancient astronomical and astrological

⁴² On the constellation of Draco see: [Maravelia 2006a, *Chap. III, n. 205*]; see also [le Bœuffle 1996, 53–68]. Cf. also [Allen 1963, 202–212; Cellarius 2006, *Tab. 23–26 & p. 212*].

beliefs, there was a celestial dragon encircling all the celestial spheres (**Fig. 12b**) that was also met in both the Babylonian and the Chaldaean mythologies⁴³. This circular cosmic serpent – reminding us the *Ouroboros* – was embracing the heavens and was considered as the principal cause of both the solar and the lunar eclipses⁴⁴. The modern constellation Draco corresponds to the ancient Egyptian northern asterism *Rrt*, depicting a divine female hippopotamus.

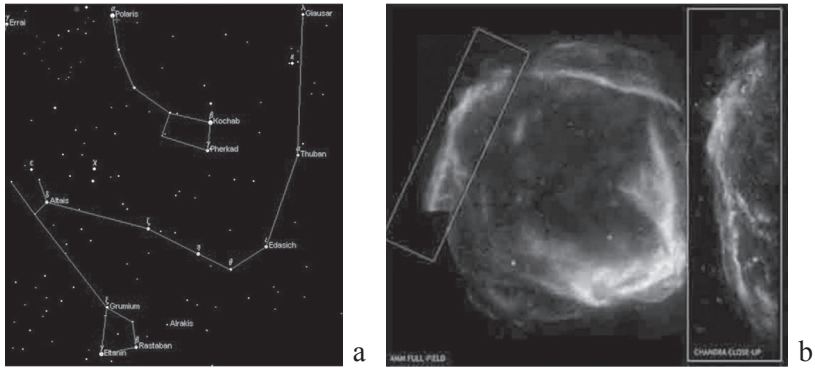

Fig. 12. *a* – The constellation of Draco situated between Ursa Major and Ursa Minor. *b* – A pseudo-colour photo of an interstellar nebula, virtually resembling a cosmic *Ouroboros*.

IV. Discussion and Conclusions

In our study not only the concept of time taken into its realization (hence the virtual *Einfühlung* of time *per se*), but also the time

⁴³ See [CCAG VIII, I, 194: “De Dracone Cælesti”. Cf. also CCAG X, 10: # 9; 40: # 22]. On the Orphic conception of the serpent as a divine cosmic symbol, see [Leisegang 1939].

⁴⁴ See: [CCAG VII, *Annexe, Codex* 7, 125; VIII, I, 199: “Τὴν μὲν σύστασιν ἔχουσιν ἐκ τῆς συμβλήσεως τῶν δύο παραλλήλων ἐκκέντρων κύκλων Ἥλιου τε καὶ Σελήνης αἱ δὴ κατὰ διάμετρον δύο συμβλήσεις Ἀναβιβάζων καὶ Καταβιβάζων. Τούτων τῶν δύο κύκλων ἡ περιφέρεια παρὰ τῶν Χαλδαίων Δράκων ὠνομάσθη καὶ αἱ τούτων συμβλήσεις ἢ μὲν κεφαλὴ τούτου ἢ δὲ οὐρὰ. [...] Λέγουσιν μὲν τὸν Ἀναβιβάζοντα εἶναι τὴν κεφαλὴν τοῦ λεγομένου Δράκοντος, τὸν δὲ Καταβιβάζοντα τὴν οὐρὰν τούτου καὶ αἱ σεληνιακαὶ καὶ αἱ ἡλιακαὶ ἐκλείψεις τότε γίνονται ὅτε πλησιάζουσιν εἰς τὰς συνόδους”]. At this point, we should also note that the North Pole of the orbital plane of the lunar orbit around the Earth lies in the constellation of Draco. Concerning the nodes and the eclipses, see [Maravelia 2006a, *Chap. II, § 1; fig II.2, II.5*].

presented in the three characteristic cases of the examined ancient Egyptian works of art were taken into account and were thoroughly discussed, with particular emphasis on the archetype of the *Ouroboros* and its semantics not only in the ancient Egyptian *forma mentis*, but also in Alchemy, Astronomy and some Esoteric Systems (like Alchemy and Freemasonry). Through the colourful prism of the metaphysical or theological conception of time and eternity, as they were meant by the ancient Nile-dwellers, we are in a position today to present plausible deductions about their relation to time, their quest for eternity and also examine the ways we could use in order to investigate the notions of time in relation to the specific art-forms created by them and studied here. The way the anonymous ancient Egyptian artists – for whom the meaning of *Art* (*hmt*) was not the same as it is for us nowadays, but that “art” was only used as a vehicle towards their virtual *θέωσις* in the hereafter and their quest for immortality, serving religion and the metaphysics of eternity – have conceived and have depicted time through their handicrafts (especially during the high Pharaonic Period, from c. 2575 BC down to c. 714 BC), also provides a solid means in order to assess which are the philosophically and aesthetically relevant notions of time in the history of art of the ancient Mediterranean nations, between which Egypt holds a very high pedestal. The importance of the sky-goddess Nūt, in the astronomical ceilings of the Ramesside and Late Period, towards the above, was paramount, as well as the symbolism of Aker and the depictions of the time-measuring astronomical *clepshydra*. No matter if the *Ouroboros* (*sd-m-r3*) was or was not a time- and/or eternity-symbol in the ancient Egyptian *forma mentis*, the protective enclosure formed by this archetypal serpent could be considered as a virtual receptacle of both space and time and as a *mutatis mutandis* limit to the Universe (*Ntt-Wn*), separating order ($\sim m^3t$) from chaos ($\sim isft$), bringing together a meta-physical space-time continuum, related to the firmamental periodicities, as well as to the alluded immortality and resurrection of the justified deceased *post mortem*.

Abbreviations

AntOr – Antiquo Oriente: Cuadernos del Centro de Estudios de Historia del Antiguo Oriente. Buenos Aires.

ASAE – Annales du Service des Antiquités de l'Égypte. Le Caire.

BAR – British Archaeological Reports. Oxford.

- BdÉ – Bibliothèque d'Étude / Institut Français d'Archéologie Orientale. Le Caire.
- BMD – British Museum Dictionary of Ancient Egypt. Cairo.
- BIFAO – Bulletin de l'Institut Français d'Archéologie Orientale. Le Caire.
- BSEg – Bulletin de la Société d'Égyptologie, Genève. Geneva.
- BSFÉ – Bulletin de la Société Française d'Égyptologie. Paris.
- CCAG (1898–1953) – *Catalogus Codicorum Astrologicorum Græcorum*, T. I–XII, Bruxelles.
- CD – Faulkner's Concise Dictionary of Middle Egyptian. Oxford.
- CMAG (1924) – *Catalogue des manuscrits alchimiques grecs*, Bruxelles.
- DE – Discussions in Egyptology. Oxford.
- EAT – Egyptian Astronomical Texts. Providence, RI.
- EES – Egypt Exploration Society. London.
- EG – Gardiner's Egyptian Grammar. Oxford.
- GM – Göttinger Miscellen: Beiträge zur Ägyptologischen Diskussion. Göttingen.
- IFAO – Institut Français d'Archéologie Orientale. Le Caire.
- JAS – Journal of Archaeological Science. New York.
- JEA – Journal of Egyptian Archaeology. London.
- JHIE – Journal of the Hellenic Institute of Egyptology. Athens.
- JNES – Journal of the Near Eastern Studies. Chicago.
- LÄ – Lexikon der Ägyptologie. Wiesbaden.
- MÄS – Münchner Ägyptologische Studien. München & Berlin.
- MDAIK – Mitteilungen des Deutschen Archäologischen Instituts, Abteilung Kairo. Wiesbaden & Mainz.
- OLA – Orientalia Lovaniensia Analecta. Leuven.
- OLP – Orientalia Lovaniensia Periodica. Leeuven.
- PM – Porter B. and Moss R. L. B. (1960–1964) (with Burney, E. W.): *Topographical Bibliography of Ancient Egyptian Hieroglyphic Texts, Reliefs and Paintings P: Royal Tombs and Smaller Cemeteries*, Oxford University Press, Oxford.
- Urk. – Urkunden des Ägyptischen Altertums. Leipzig & Berlin.
- VA – Varia Aegyptiaca. San Antonio, TX.
- YES – Yale Egyptological Studies. New Haven, CT.
- ZÄS – Zeitschrift für ägyptische Sprache und Altertumskunde. Berlin.

REFERENCES

- Aldred C. (1987), *The Egyptians*, Thames & Hudson, London.
- Aldred C. (1988), *Egyptian Art*, Thames & Hudson, London.
- Allen J. P. (1988), *Genesis in Egypt: The Philosophy of Ancient Egyptian Creation Accounts*, YES, Vol. 2, Yale University Press, New Haven.
- Allen R. H. (1963), *Star Names: Their Lore and Meaning*, Dover, New York.
- Assmann J. (1975), *Zeit und Ewigkeit im alten Ägypten*, C. Winter Universitätsverlag, Heidelberg.
- Assmann J. (1991), *Stein und Zeit: Mensch und Gesellschaft im alten Ägypten*, C. Becks, München.
- ASTRES (1996) = Bakhouche B. et al. (eds.), *Les Astres: I. Les Astres et les mythes. La description du ciel. II. Les correspondances entre le ciel, la terre et l'homme. Les "Survivances" de l'astrologie antique: Actes du Colloque International de Montpellier 23–25 Mars 1995*, I–II, Publications de la Recherche Université Paul Valéry, Montpellier III, Montpellier.
- Aveni A. F. (1989), *Empires of Time: Calendars, Clocks and Cultures*, Basic Books, New York.
- Bakir A. 'el-M. (1953), "nḥḥ and dt reconsidered", *JEA*, Vol. 39, pp. 110–11.
- Bakir A. 'el-M. (1974), "A Further Re-Appraisal of the Terms: nḥḥ and dt", *JEA*, Vol. 60, pp. 252–54.
- Barbour J. (1999), *The End of Time*, Oxford University Press, Oxford.
- Beckerath J. von (1997), *Chronologie des Pharaonischen Ägypten. Die Zeitbestimmung der Ägyptischen Geschichte von der Vorzeit bis 332 v. Chr.* MÄS, Bd. 46, Deutscher Kunstverlag, München.
- Béresniak D. (2000), *Symbols of Freemasonry*; translated by I. Monk, Editions Assouline, New York.
- Bergman J. (1979), "Nut–Himmelsgöttin–Baumgöttin–Lebensgeberin", *Humanitas Religiosa: Festschrift für H. Biezais*, Scripta Instituti Donneriani Abcensis, T. X. Stockholm, pp. 53–69.
- Billing N. (2002), *Nut: The Goddess of Life in Text and Iconography*. Uppsala Studies in Egyptology, 5, Uppsala University, Uppsala.
- Billing N. (2003), "Text and Tomb: Some Spatial Properties of the Goddess Nut in the Pyramid Texts", Hawass Z. and Brock L. P. (eds.),

Egyptology at the Dawn of the 21st Century: Proceedings of the 8th International Conference of Egyptologists, Cairo 2000, II, The American University in Cairo Press, Cairo, pp. 129–36.

Bisson de la Roque M. F. (1930), “Notes sur Aker”, *BIFAO*, T. 30, pp. 575–80.

Bleeker C. J. (1962), “L’idée de l’ordre cosmique dans l’ancienne Égypte”, *Revue d’histoire et de philosophie religieuse*, No. 2–3, pp. 193–200.

Böhme J. (1682), *Theosophische Werke*. Amsterdam.

Borchardt L. (1920), *Die Altägyptische Zeitmessung* (von Baßermann–Jordan, E., ed.), Berlin and Leipzig.

Borghouts J.–F. (1973), “The Evil Eye of Apophis”, *JEA*, Vol. 59, pp. 114–50.

Bourgoing J. de (2001), *The Calendar: Measuring Time*, Thames & Hudson, London.

Brandon S. G. F. (1951), *Time and Mankind*, Hutchinson & Co, London.

Broze M. (1999), “Les sept propos de Méthyer: Structure narrative et théorie du savoir dans la cosmogonie de Neith à Esna”, *BIFAO*, T. 99, pp. 63–72.

Buhl M. L. (1947), “The Goddesses of the Egyptian Tree Cult”, *JNES*, Vol. 6, pp. 80–97.

Burke W. L. (1983), *Spacetime, Geometry, Cosmology*, University Science Books, A Series of Books in Astronomy, CA.

Butterfield J. (1999), *The Arguments of Time*, Oxford University Press, Oxford.

Capra F. (1975), *The Tao of Physics*, Wildwood House, London.

CT = Buck A. de (1935–1961): *The Egyptian Coffin Texts*, Vol. I–VII, Oriental Institute Publications, Chicago.

Cellarius A. (2006), R. H. van Gent (ed.), *Atlas Cælestis, seu Harmonia Macrocosmica*, Taschen, Köln.

Corteggiani J.–P. (21986), *L’Égypte des Pharaons au Musée du Caire*, Hachette, Paris.

Cotterel B., Dickson F. P. and Kamminga J. (1986), “Ancient Egyptian Waterclocks: A Reappraisal”, *JAS*, Vol. 13, pp. 31–50.

Couchoud S. (1988), “Calcul d’un horloge à eau”, *BSÉG*, T. 12, pp. 25–34.

Crum W. E. (1939), *A Coptic Dictionary*, Oxford University Press, Oxford.

Cumont F. (1909), “Le mysticisme astral dans l’Antiquité”, *Bull. Acad. Belg.*, Bruxelles, pp. 256–89.

De Hooghe D. (1744), *Hieroglyphica oder Denkbilder der alten Völker*. Amsterdam.

Dodd J. E. (2nd1985), *The Ideas of Particle Physics: An Introduction for Scientists*, Cambridge University Press, Cambridge.

Duchane S. (2007), *Freemasonry*, Evergreen und Taschen, Köln.

Du Quesne T. (1996), “Squaring the Ouroboros: A Discussion of two New Studies of Egyptian Religion”, *DE*, Vol. 33, pp. 141–55.

EAT = Neugebauer O. and Parker R. A. (1960–1969), *Egyptian Astronomical Texts: I. The Early Decans; II. The Ramesside Star Clocks; III. Decans, Planets, Constellations and Zodiacs / Plates*, Brown University Press, Providence.

Eco U. (1970), *Il Problema Estetico in Tommaso d’Aquino*, Gruppo Editoriale Fabbri, Bompiani, Sonzogno, Etas S. p. A, Milano.

Eco U. (1987), *Arte e Belleza nell’Estetica Medievale*, Gruppo Editoriale Fabbri, Bompiani, Sonzogno, Etas S. p. A, Milano.

Eleazar A. (1735), *Donum Dei*, Erfurt.

Eleazar A. (1760), *Uraltes chymisches Werk*, Leipzig.

Eliade M. (1958), *Patterns in Comparative Religion*, Sheed and Ward, New York and London.

Faulkner R. O. (1973–1978), *The Ancient Egyptian Coffin Texts*, Vol. I–III, Aris & Phillips, Warminster.

Faulkner R. O. (2nd1998), *The Ancient Egyptian Pyramid Texts (with Supplement of Hieroglyphic Texts)*, Oxford at the Clarendon Press, Oxford.

Faulkner R. O. and Goelet O. (2nd1998), von Dassow, E. *et al.* (eds.), *The Egyptian Book of the Dead: The Book of going forth by Day: Being the Papyrus of Ani*, Chronicle Books, San-Francisco.

Frankfort H. (1933), *The Cenotaph of Sethi I at Abydos*, Vol. I–II. EES Memoirs, Vol. 39, EES, London.

Frobenius L. (1936), *Histoire de la civilisation africaine*; Translated by Back H. and Ermont D., Paris.

Goebs K. (2003), “*niswt nḥḥ*: Kinghip, Cosmos and Time”, Ha-wass Z. and Pinch-Brock L. (eds.). *Egyptology at the Dawn of the 21st Century: Proceedings of the 8th International Congress of Egyptologists, Cairo 2000*. Vol. II, The American University in Cairo Press, Cairo and New York, pp. 238–53.

- Grapow H. (1924), *Die bildlichen Ausdrücke des Ägyptischen*, J. C. Hinrichs, Leipzig.
- Guilhou N. (1984), “Temps du récit et temps du mythe: des conceptions égyptiennes du temps à travers le *Livre de la Vache Céleste*”, *Mélanges A. Gutbub*, Publications de la Recherche, Université de Montpellier, Institut d'Égyptologie, Montpellier, pp. 87–93.
- Guilhou N. (1989), *La vieillesse des dieux*, Publications de la Recherche, Université de Montpellier, Institut d'Égyptologie, Montpellier.
- Guilhou N. (2001), “Des ronds dans l'eau: *ḥw* et *ḥk3w*, rapports à l'espace et au temps”, Györy H. (ed.), *Mélanges offerts à Edith Varga*, Bulletin du Musée Hongrois des Beaux-Arts, Supplément. Budapest, pp. 131–36.
- Guilhou N. (ed.) (2016), *Liber Amicorum – Speculum Siderum: Nūt Astrophoros. Papers Presented to Alicia Maravelia*. Archaeopress Egyptology 17. Oxford: Archaeopress.
- Gunkel H. (1921), *Schöpfung und Chaos in Urzeit und Endzeit*, Berlin.
- Hannig R. (2000), *Großes Handwörterbuch Deutsch–Ägyptisch (2800–950 v. Chr.)*, Philip von Zabern, Mainz.
- Hannig R. (2009), *Großes Handwörterbuch Ägyptisch–Deutsch (2800–950 v. Chr.)*, Philip von Zabern, Mainz.
- Hart G. (1987), *A Dictionary of Egyptian Gods and Goddesses*, Routledge & Kegan Paul, London.
- Hawking S. (1988), *A Brief History of Time: From the Big Bang to Black Holes*, Bantam Press, London.
- Hawking S. (2001), *The Universe in a Nutshell*, Bantam Press, London.
- Hölbl G. (1986), “Eine ägyptische Wasseruhr aus Ephesus”, *Antike Welt*, Bd. 17/1, pp. 59–60.
- Hornung E. (1978), “Zeitliches Jenseits im alten Ägypten”, *Eranos Jahrbuch*, Bd. 47, pp. 269–307.
- Hornung E. (1982), *Der ägyptische Mythos von der Himmelskuh: eine Ätiologie des Unvollkommenen*. Freiburg.
- Hornung E. (1990), *The Valley of the Kings: Horizon of Eternity*, Cornell University Press, New York.
- Hornung E. (1996), *Conceptions of God in Ancient Egypt: The One and the Many*; Translated by J. Baines, Cornell University Press, Ithaca and New York.

Hornung E. (1999), *The Ancient Egyptian Books of the Afterlife*, Cornell University Press, Ithaca and London.

Jung C. G. (1956), *Symbols of Transformation*, Routledge, London.

Jung C. G. (1959), *The Archetypes and the Collective Unconscious*, Routledge, London.

Jung C. G. and Kerényi C. (1963), *Essays on a Science of Mythology*, New York.

Kákósy L. (1981), “The Astral Snakes of the Nile”, *MDAIK*, Bd. 37, pp. 255–60; Taf. 43.

Kákósy L. (1982), “Decans in Late-Egyptian Religion”, *Oikumene*, No. 3, pp. 163–91.

Kemp B. J. (2000), *Ancient Egypt: Anatomy of a Civilization*, Routledge, London.

Kircher A. (1636), *Prodromus Coptus sive Aegyptiacus*, Roma.

Kircher A. (1643), *Lingua Aegyptiaca Restituta*, Roma.

Kirchweger A. J. (1921), *Annulus Platonis (Aurea Catena Homeri)*, Berlin.

Kirk MacNulty W. (2006), *Freemasonry: Symbols, Secrets, Significance*, Thames & Hudson, London.

Kozloff A. (1992), “Ritual Implements and Related Statuettes”, Kozloff A. and Bryan B. (eds.), *Egypt's Dazzling Sun: Amenhotep III and his World*. Cleveland, pp. 331–48.

Kozloff A. (1993), “Star-Gazing in Ancient Egypt”, Berger C. et al. (eds.) *Hommages à J. Leclant*. IFAO / BdÉ 106/4. Le Caire, pp. 169–76.

Krupp E. C. (1980), “Egyptian Astronomy: The Roots of Modern Time Keeping”, *New Scientist* 85 (No. 1188), London, pp. 24–7.

LÄ = Helck, W. et al. (eds.) (1975–1989), *Lexikon der Ägyptologie*, Bd. I–VII, O. Harrassowitz, Wiesbaden.

Le Bœuffle A. (1996), “Autour du Dragon: Astronomie et Mythologie”, *ASTRES*, No. I, pp. 53–68.

Leisegang H. (1939), *The Mystery of the Serpent*, Leipzig.

Lhomme J., Maisondieu É. and Tomaso J. (2004), *Nouveau dictionnaire thématique illustré de la Franc-Maçonnerie*, Éditions Dervy, Paris.

Libavius A. (1606), *Alchymia*, Frankfurt.

Locher K. (2003), “The Decans of Ancient Egypt: Timekeepers for Worship, or Worshipped beyond Time?”, *Current Studies in Archaeoastronomy. Conversations Across Time and Space. Selected*

Papers from the Fifth Oxford International Conference at Santa Fe, 1996, Santa Fe NM, pp. 429–34.

Lurker M. (1986), *The Gods and Symbols of Ancient Egypt: An Illustrated Dictionary*, Thames & Hudson, London.

Macarius J. (1657), *Abraxas en Apistopistus*, Antwerp.

Maier M. (1618), *Atalanta Fugiens*, Oppenheim.

Maravelia A.-A. (2001), “Alchimeía kai Ermitismós: kleides tis apólytis gnósis í psychologikés archetypikés protypóseis”, *Drómoi tis gnósis*, Thessaloníki (Archétypo), pp. 249–86. (In Greek). [Μαραβελια Α.-Α. (2001), “Αλχημεία και Ερμητισμός: κλειδες της απόλυτης γνώσης ή ψυχολογικές αρχετυπικές προτυπώσεις”, *Δρόμοι της γνώσης*, Θεσσαλονίκη (Αρχέτυπο), pp. 249–86.]

Maravelia A.-A. (2003), “Cosmic Space and Archetypal Time: Depictions of the Sky-Goddess Nūt in Three Royal Tombs of the New Kingdom and her Relation to the Milky Way”, *GM*, Bd. 197, pp. 55–72.

Maravelia A.-A. (2006a), *Les astres dans les textes religieux en Égypte antique et dans les Hymnes Orphiques*, Archaeopress / BAR International Series No. 1527, Oxford.

Maravelia A.-A. (2006b), “Le ciel selon l’Hymne Orphique à Ouiranos et selon des textes funéraires égyptiens (PT, CT, BD): une comparaison préliminaire”, *AntOr*, No. 4, pp. 41–65.

Maravelia A.-A. (2007a), “La loi universelle et le temps selon les Orphiques et selon les Égyptiens”, Goyon J.-C. and Cardin C. (eds.), *Actes du Neuvième Congrès International des Égyptologues*, T. I–II. OLA. T. 150, Uitgeverij Peeters, Leuven, pp. 1243–50.

Maravelia A.-A. (2007b), «“Hwn ntry, iw^w nhlī” : Some Astronomical Hieroglyphs and their Cosmographic and Calligraphic Significance», *Abgadiyāt*, No. 2, pp. 36–50.

Maravelia A.-A. (2010), “In Quest of Time through the Ancient Egyptian Art: The *Ouroboros* Archetype in the Meta-Physics of Eternity”, *Parnassos*, No. 51, pp. 55–88.

Maravelia A.-A. (2012), “Ancient Egyptian Religion & Monotheism: A Meta-Physical & Quantum Mechanical Approach”, *Ancient Egyptian Science & Meta-Physics: Quintessence of Religious Allegories, Roots of Scientific Thought: Proceedings of the 1st Egyptological Conference of the Patriarchate of Alexandria: 6th May 2011*. *Ελληνικόν Ίνστιτούτον Αίγυπτιολογίας / JHIE*, Vol. 2. Athens, pp. 42–117 (in Greek with abstract in English).

Maravelia A. (2018), "Of Eternity, Everlastingness and Stars: Notions of Time, Space, Duration and the Firmament in the *Pyramid and Coffin Texts*", Chantrain G. and Winand J. (eds.), *Time and Space in Ancient Egypt, Proceedings of the Conference held in Louvain-la-Neuve (9–11 June 2016)*, Lingua Aegyptia Studia Monographica, Hamburg 2018, *in press*.

Martinelli T. (1994), "Geb et Nout dans les Textes des Pyramides. Essai de compréhension du caractère masculin de Geb et de la Terre, ainsi que du caractère féminin de Nout et du ciel", *BSÉG*, Vol. 18, pp. 61–80.

Maystre C. (1941), "Le *Livre de la Vache du Ciel* dans les tombeaux de la Vallée des Rois", *BIFAO*, T. 40, pp. 53–115.

Michalowski K. (1968), *Art of Ancient Egypt*, Harry N. Abrams, Inc., Publishers, New York.

Morgan J. D. (2000), "A Brief Survey of Ancient Time-Reckoning", *Archaeology & Arts*, No. 74, pp. 17–31.

Naudon P. (¹1988), *La Franc-Maçonnerie*, PUF, Paris.

Naudon P. (2004), *Histoire générale de la Franc-Maçonnerie*, Éditions Charles Moreau, Pantin.

Naville E. H. (²1971), *Das Ägyptische Totenbuch der XVIII–XX Dynastie aus Verschiedenen Urkunden zusammengestellt*, Bd. I–II, Akad. Druck und Verlagsanstalt, Graz (¹1886).

Nilsson M. P. (1920), *Primitive Time Reckoning: A Study in the Origins and First Development of the Art of Counting Time among the Primitive and Early Culture Peoples*, C. W. K. Gleerup, Lund.

Oakes L. and Gahlin L. (²2004), *Ancient Egypt: An Illustrated Reference to the Myths, Religions, Pyramids and Temples of the Land of the Pharaohs*, Hermes House, London.

Ogdon J. R. (1986), "Some Notes on the Name and the Iconography of the God *3kr*", *VA*, No. 2, pp. 127–35.

Papathanasiou M. (1990), "Stephanus of Alexandria: Pharmaceutical Notions and Cosmology in his Alchemical Work", *Ambix*, 37/3, pp. 121–33.

Piankoff A. (1934), "The Sky-Goddess Nūt and the Night Journey of the Sun", *JEA*, Vol. 20, pp. 57–61.

Piankoff A. (1949), "Une représentation rare sur l'une des Chapelles de Toutankhamon", *JEA*, Vol. 35, pp. 113–16.

Piankoff A. (1974), Jacquet-Gordon H. (ed.), *The Wandering of the Soul: Texts Translated with Commentary*. Bollingen Series, Vol. XL/6, Princeton University Press, Princeton (NJ).

Piankoff A. (2¹⁹⁷⁷), Rambova N. (ed.), *The Shrines of Tut-Ankh-Amon*. Bollingen Series, Vol. XL/2, Princeton University Press, Princeton (NJ).

Piankoff A. and Rambova N. (1954), *The Tomb of Ramesses VI*. Bollingen Series, Vol. XL/1, Princeton University Press, New York.

Piankoff A. and Rambova N. (1957), *Mythological Papyri*, Vol. I–II. Bollingen Series, Vol. XL/3, Princeton University Press, Princeton (NJ).

Posener G. (et al., eds) (2¹⁹⁹²), *Dictionnaire de la civilisation Égyptienne*, Hazan, Paris.

Prigogine I. (1980), *From Being to Becoming: Time and Complexity in the Physical Sciences*, W.H. Freeman & Co, New York.

PT = Sethe K. (1908–1910), *Die Altägyptischen Pyramidentexte*, Bd. I–II, J. Hinrichs, Leipzig.

Reemes D. M. (2015), *The Egyptian Ouroboros: An Iconological and Theological Study* (Ph.D. Dissertation), University of California, Los Angeles.

Reeves N. and Wilkinson R. H. (2¹⁹⁹⁷), *The Complete Valley of the Kings: Tombs and Treasures of Egypt's Greatest Pharaohs*, Thames & Hudson, London.

Roob A. (2001), *Alchemy and Mysticism: The Hermetic Museum*, Taschen, Köln.

Rovelli C. (2004), *Quantum Gravity*, Cambridge University Press, Cambridge.

Rusch A. (1922), *Die Entwicklung der Himmelsgöttin Nut zu einer Totengottheit*, J. Hinrichs, Leipzig.

Saleh M. and Sourouzian H. (1987), *Catalogue Officiel: Musée Égyptien du Caire*, Organisation des Antiquités Égyptiennes, Le Caire.

Sander-Hansen C. E. (1937), *Die religiösen Texte auf dem Sarg der Anchnesneferibre*, København.

Sauneron S. (1961), “La légende des sept propos de Méthyer au temple d’Esna”, *BSFÉ*, T. 32, pp. 43–8.

Sauneron S. (1970), *Le papyrus magique illustré de Brooklyn (Brooklyn Museum 47.218.156)*, The Brooklyn Museum, New York.

Scamuzzi E. (1965), *Egyptian Art in the Egyptian Museum of Turin: Paintings, Sculpture, Furniture, Textiles, Ceramics, Papyri*, Harry N. Abrams, Inc., Publishers, New York.

Seipel W. (1989), *Ägypten: Götter, Gräber und die Kunst: 4000 Jahre Jenseitsglaube*, Linz.

Sheppard H. J. (1962), “The Ouroboros and the Unity of Matter in Alchemy”, *Ambix*, No. 10, pp. 83–96.

Silioti A. (1999), *Guide to the Valley of the Kings*, Barnes & Noble, New York.

Spalinger A. (1996), “Some Times”, *RdE*, T. 47, pp. 67–77.

Stange M. (ed.) (2004), *Die Edda: Götterlieder, Heldenlieder u. Spruchweisheiten der Germanen*, Matrix, Wiesbaden.

Sloley R. W. (1931), “Primitive Methods of measuring Time with Special Reference to Egypt”, *JEA*, Vol. 17, pp. 166–78.

Stolcius von Stolcenberg D. (1624), *Viridarium Chymicum*, Frankfurt.

Symbols 1996 = Chevalier J. and Gheerbrant A. (1996), *Dictionary of Symbols*; Translated by J. Buchanan-Brown, Penguin, London.

Tarasenko N. (2005), “Drevneyegipetskiy Uroboros – Semantika Obraza”, *Universitet*, No. 4, Kyiv. (In Russian).

Tarasenko M. (2006), “Mythological Allusions connected with Cosmogony in Chapter 17 of the *Book of the Dead*”, Backes B., Munro I, and Stöhr S. *Totenbuch-Forschungen: Gesammelte Beiträge des 2. Internationalen Totenbuch-Symposiums, Bonn, 25. bis 29. September 2005*, Studien zum Altägyptischen Totenbuch, Bd. 11, Harrassowitz, Wiesbaden, pp. 339–55.

Tarasenko M. (2007) «“Ruti-Scene” in Ancient Egyptian Religious Art (19–21 Dynasties)», Kormysheva E. (ed.), *Cultural Heritage of Egypt and Christian Orient*, Vol. 4, Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences and Golenischev Egyptological Centre, Russian State University for the Humanities, Moscow, pp. 77–122. (In Russian).

Tarasenko M. (2017), “Studies on *BD 17* Vignettes: Iconographic Typology of *Rw.tj*-Scene (New Kingdom – Third Intermediate Period)”, Rosati G. and Guidotti M.-C. (eds.), *Proceedings of the XI International Congress of Egyptologists, Florence, Italy 23–30 August 2015*, Archaeopress, Oxford, pp. 619–25.

Wallenwein E. H. (1995), *Das altägyptische Universum: Frühgeschichte der Astronomie und Kosmologie: Ursprünge des modernen Bildes von Raum und Zeit*, Julius Groos Verlag, Heidelberg.

Wallin P. (2002), *Celestial Cycles: Astronomical Concepts of Regeneration in the Ancient Egyptian Coffin Texts*. Uppsala Studies in Egyptology, 1, Uppsala University Press, Uppsala.

Wb. = Erman A. and Grapow, H. (eds.) (1926–1931), *Wörterbuch der Ägyptischen Sprache*, Bd. I–V, J. Hinrichs, Leipzig.

Weinberg S. (1978), *Les trois premières minutes de l'univers*; translated by J.-B. Yelnik, Seuil, Paris.

Westendorf W. (1974), “Zweiheit, Dreiheit und Einheit in der altägyptischen Theologie”, *ZÄS*, Bd. 100, pp. 136–41.

Wilkinson R. H. (1992), *Reading Egyptian Art: A Hieroglyphic Guide to Ancient Egyptian Painting and Sculpture*, Thames & Hudson, London.

Witt C. de (1951), *Le rôle et le sens du lion*, Brill, Leiden.

Žába Z. (1956), *Les Maximes de Ptahhotep*, Académie Tchécoslovaque des Sciences, Prague.

Zivie-Coche C. (1991), “Les cosmogonies, la création et le temps”, Dunand F. and Zivie-Coche C., (eds.), *Dieux et hommes en Égypte*, Paris, pp. 52–79.

Zukav G. (1979), *The Dancing Wu Li Masters: An Overview of the New Physics*, Rider, London.

A. Маравелія

Коливання часу в давньоєгипетській релігії та мистецтві:

Уроборос як архетип для метафізики вічності

У цій статті розглядається не лише концепт часу, як реалізації (звідси й віртуальне *Einführung* часу як такого), а й детально обговорюється час, що репрезентований на давньоєгипетських витворах мистецтва з конкретним акцентом на архетипі *Уробороса* (єг.: *sd-m-r3*), і його семантика як у його давньоєгипетських уявленнях, так і в алхімії. Завдяючи барвистій призмі метафізичної або теологічної концепції часу та вічності, як їх розуміли стародавні мешканці долини Нілу, ми наразі можемо відтворити їхні правдоподібні уявлення про час, прагнення до вічності, а також перевірити способи, якими ми могли б скористатися, щоб досліджувати поняття часу щодо конкретних створених ними художніх форм і вивчити їх. Те, як анонімні давньоєгипетські художники, для яких значення мистецтва (*hmt*) було відмінним від того, яким воно є для нас сьогодні, оскільки для них “мистецтво” використовувалося тільки як засіб для віртуального *θέωσις* і прагнення до вічності, задумали і зобразили час на своїх артефактах (особливо в період розквіту епохи фараонів: із 2575 р. до н. е. по 714 р. до н. е.), також дає надійні підстави для того, щоб оцінити філософські та естетично значущі уявлення про час в історії мистецтва стародавніх середземноморських народів, серед яких Єгипет займає дуже високе місце.

Ключові слова: *Уроборос*, давньоєгипетський світогляд, час, вічність, мистецтво, стародавня космологія, сучасна космологія, алхімія, масонство, (юнгівські) архетипи

А. Маравелия

**Колебание времени в древнеегипетской религии и искусстве:
Уроборос как архетип для метафизики вечности**

В данной статье рассматривается не только концепт времени, как реализации (отсюда и виртуальное *Einführung* времени как такового), но и подробно обсуждается время, представленное на древнеегипетских произведениях искусства с конкретным акцентом на архетипе *Уробороса* (ег.: *sd-m-r3*), и его семантика не только в древнеегипетских представлениях, но так же и в алхимии. Благодаря красочной призме метафизической или теологической концепции времени и вечности, как их понимали древние обитатели долины Нила, мы в настоящее время можем представить их правдоподобное отношение ко времени, стремление к вечности, а также проверить способы, которыми мы могли бы воспользоваться, чтобы исследовать понятие времени в отношении конкретных созданных ими художественных форм и изучить их. То, как анонимные древнеегипетские художники, для которых значение искусства (*hmt*) было не таким, каким оно есть для нас сегодня, так как для них “искусство” использовалось только как средство для виртуального *θεωσις* и стремления к вечности, задумали и изобразили время на своих артефактах (особенно в период расцвета эпохи фараонов: с 2575 г. до н. э. по 714 г. до н. э.), также дает надежные основания для того, чтобы оценить философские и эстетически значимые представления о времени в истории искусства древних средиземноморских народов, среди которых Египет занимает очень высокое место.

Ключевые слова: *Уроборос*, древнеегипетское мировоззрение, время, вечность, искусство, древняя космология, современная космология, алхимия, масонство, (юнговские) архетипы

Стаття надійшла 18.03.2018

* This paper is a revised and corrected continuation and development of a previous one [see Maravelia 2010]. The author would like to thank Dr. *Mykola Tarasenko* (Kyiv) for his kind invitation of her paper for *Oriental Studies* and for some bibliographical information.

UDC 94(32):299.31

W. Sherbiny

PhD in Egyptology (Universiteit Leuven – Belgium)

Independent Scholar

wael.sherbiny@gmx.com

ECHOES OF A LOST LEGACY. THE RECENT RESEARCH ON THE SO-CALLED BOOK OF TWO WAYS IN ANCIENT EGYPT

The so-called Book of Two Ways forms parts of the ancient Egyptian Coffin Texts. These religious texts appeared on some of the box-shaped coffins for most of the first half of the second millennium BC and slightly earlier. In its standard form, the so-called Book of Two Ways is a mixture of texts and images and is exclusively attested on the insides of coffins from a certain cemetery in Middle Egypt. This brief contribution sheds light on few results of the recent research on this intriguing and highly complex composition. A survey of the newly discovered and rediscovered documents challenges both the centrality of the geographical distribution of this composition and the originality of some of its pictorial-textual elements. This state of affairs opens up interesting interpretative possibilities as far as the editorial transmission history and the mechanisms of the contextual adaptability are concerned. These new findings ultimately call into question some of the widely-held opinions concerning the so-called Book of Two Ways.

Keywords: Book of Two Ways, Coffin Texts, Book of the Dead, Her-mopolis, religious texts, ancient Egypt, funerary literature, iconography, ritual, cult, Underworld Books.

Sources of the so-called Book of Two Ways

The so-called Book of Two Ways is a composition of magico-religious texts and images in a certain sequence. It is attested on the

© 2018 W. Sherbiny; Published by the A.Yu. Krymskyi Institute of Oriental Studies, NAS of Ukraine on behalf of *The Oriental Studies*. This is an Open Access article distributed under the terms of the Creative Commons Attribution License (<https://creativecommons.org/licenses/by-nc-nd/4.0/>).

insides of a number of coffins that date back to the ancient Egyptian Middle Kingdom (2055–1650 BC) originating from a single cemetery in Middle Egypt. It was the cemetery of the fifteenth province of Upper Egypt [Helck 1974, 106–109; Gomaà 1986, 287–304] known for its capital which the Greeks called “Hermopolis”. It housed the main cult center of the god Thoth who was associated with Hermes in the Graeco-Roman Period [Baines & Malek 2000, 126f; Kessler 2001, 94–97]. This geographical concentration of the sources led many researchers to suggest a Hermopolitan origin of this composition as one of the creations of the theologians at Hermopolis [Bonnet 1952, 882; Stadler 2009, 99–103].

Intriguingly, variants of a certain segment from this composition are attested in other regions. These include few Middle Kingdom coffins from the cemetery of Beni Hassan in Middle Egypt [de Buck 1956, 194; 1961, 107–108] and a burial chamber of an early Middle Kingdom tomb at Kom El Hisen in the western Delta [Silverman 1988, 73–82 and 50–52; 1989, 29–53; 1990, 853–876]. These attestations, however, have been mainly interpreted as variants of some excerpts from the so-called Book of Two Ways. Processes of text borrowing from a Hermopolitan source and a subsequent tailoring of the material to local traditions have been generally assumed to play dominant role in explaining these occurrences. However, recent scholarship has started to cast doubt on the Hermopolitan origin of several components of this composition [Sherbiny 2017a].

In the beginning of the twenty-first century a precursor of a spell that was only attested in the so-called Book of Ways surfaced among the fragments of the Pyramid Texts of the king Merenere (2287–2278 BC) from the Old Kingdom [Pierre-Croisau 2004, 268, 278, and *fig. 17*]. Furthermore, an interesting variant of a certain spell has been attested on a coffin from Lisht [Sherbiny 2017a, 17, 200f, 242]. Although this coffin was already known to the Coffin Texts project staff who assigned to it the siglum L1NY [Lesko 1979, 8], only a few number of its Coffin Texts were published. The spell occurs on the headboard of this Lisht coffin in the context of an old offering ritual. It is even introduced by Pyramid Texts spells [Allen 2006, 20–25] that had been positively recorded for the first time on the

subterranean chambers of the king Unas from the 5th Dynasty (2375–2345 BC).

An even more interesting piece of evidence has been retrieved earlier this century as well. Contrary to all the previous attestations of the entire so-called Book of Two Ways or parts thereof which came from funerary contexts, the new document may point to another direction. It is a fragmentary leather roll kept now in the Cairo Museum [Sherbiny 2017b]. Although its provenance is unknown, it can be conveniently dated to sometime between the late Old Kingdom and early Middle Kingdom on paleographical and linguistic grounds. Interestingly, this unique document includes a large segment combining texts and images from the so-called Book of Two Ways that can only be compared with the most lavishly illustrated example of this composition as attested on the Hermopolitan coffin of Sepi in the Cairo Museum¹. There is no clear indication in the text that refers to its origin, and nothing can prove that it is Hermopolitan either. This is in fact the first time a complete pictorial-textual segment of this composition occurs in a document which might not have been come from Hermopolis. The manuscript can be compared with few other religious papyri of similar age, such as the three Gardiner papyri II–IV, and the “papyrus Golenishchev”².

The survey of the evidence at hand alters the widely-held opinions about the Hermopolitan origin of several segments of this composition. The picture that emerges here is that both textual and pictorial variants similar (or almost identical – as in the case of the Cairo leather roll) to the material attested on the Hermopolitan coffins, were already known in other areas in Egypt and documented on much older material. Hence both the temporal and spatial boundaries of this intriguing composition are certainly extended beyond the apparent monopoly of the Middle Kingdom theologians of Hermopolis.

Publication History

The earliest publications of the so-called Book of Two Ways at the hands of Schack-Schackenburg [1903] and Lacau [1904] were the

¹ For color images see, [Forman & Quirke 1996; Sherbiny 2017a].

² For these and additional manuscripts, see [Buchberger 1993, 40; Sherbiny 2017a, 16 and 22; 2017b].

primary sources of studying this composition (**Fig. 1**). This situation changed when the seventh volume of the *The Egyptian Coffin Texts* of the Chicago Oriental Institute saw the light of day [de Buck 1961]. Not only did de Buck include the previously published manuscripts of the so-called Book of Two Ways, but he also added a good number of new sources that were never published before from the museum collections in Cairo, Europe, and the United States of America. Nevertheless, the lack of both photographs (which were solely available for the editors of the Coffin Texts but were never published) and facsimiles of the original manuscripts drew thick veil on many iconographical elements that did not receive much attention by the textually biased Chicago Coffin Texts project [cf. Sherbiny 2009]. It is only recently that the quality of de Buck's treatment of the iconographic material of this composition started to lose the credence they once enjoyed [Sherbiny 2017a, *passim*]. In addition, one of the early sources (B6C), which was previously thought to transmit a purely textual version of the composition, turned out now [Sherbiny 2017c] to be the earliest illustrated source of the so-called Book of Two Ways in its standard textual-pictorial arrangement (**Fig. 2**).

The so-called Book of Two Ways versus the Underworld Books

A recurrent idea in the Egyptological literature about this composition has to do with considering it a precursor to the famous “underworld” books or the cosmographies attested on the royal tombs of the New Kingdom, such as the Amduat and the Book of the Gates, and the like [e.g. Altenmüller 1970; Hornung 1972, 15–17; Hermsen 1991; Rößler-Köhler 2003]. It is then assumed to be as a guide to the Hereafter placed at the feet of the deceased in the coffin, and offering an imaginary map of the Netherworld.

Although some elements may seem to be somehow comparable, the general structure and formulation is very different. Contrary to the circular descriptions in the third person about the sun god and the passage through different temporal regions and their specific beings [Quack 2006, 595], the textual and pictorial characteristics of so-called Book of Two Ways are different [Sherbiny 2017a, 25ff]. As in many other spells from the Coffin Texts outside this composition, a

great deal of utterances recorded in the text represents recitations, originally in the first person singular of an anonymous speaker on his way to a certain destination. The text in some of the sources, mainly the early coffins, features the name of the deceased who appears to be spoken about instead of being the speaker as in the original first person formulations. This kind of deliberate change and adaptation of the text to the funerary context may allude to an original *Sitz im Leben* of these utterances which may have not been intrinsically funerary in the first place.

Here and Hereafter

The recent analysis of several sections of this complex composition points to a certain ritual background to some segments which seem to have been derived from the divine cult in the Egyptian temples. Not only did the processes of editing such religious texts take place in these temples, but also some ritual episodes were alluded to in the course of the composition. Interestingly, part of the material incorporated into the so-called Book of Two Ways seems to have originated in both the Osirian and solar cult centers. This background was rather reflected in the old manuscripts, which were once kept in the great temple of the god Thoth in Hermopolis, and from which the entire composition was eventually edited. Thus it was not necessarily an expression of actual religious practices in this temple. Interestingly, Barguet had already reached a similar conclusion long time ago [Barguet 1969]. He interpreted several texts against the background of initiating a priest into the realm of the divine and passing through sacred spaces within a divine cult temple. Although Barguet's approach was generally too speculative and not all his arguments can be easily accepted, the impressions the composition made on him seem to be (at least partially) consistent with some of the results of the recent research³. Needless to say a detailed appreciation of this view of this long and complex composition cannot be justifiably expressed in this succinct contribution. However, we may briefly refer to two examples.

Earlier scholars suggested that most of the textual material of the famous Book of the Dead chapters 144/147 was interwoven from, or

³ E.g. [von Lieven 2002; Quack 2002].

at least inspired by, the many textual elements in the so-called two ways section in our composition⁴. This chapter from Book of the Dead mainly concerns the passage through seven heavily guarded gates (**Fig. 3**) leading to the sanctuary of Osiris. The non-funerary background of similar passages related to the gates is made clear by the publication of much later manuscripts. It is a papyrus kept in the Metropolitan Museum (MMA 35.9.21) that goes back to the Ptolemaic Period [Goyon 1999, 3–7]. Here the slender adaptation of the Book of the Dead chapters in the funerary liturgy of this papyrus (specifically from col. 7,16 until col. 8,5) clearly suggests a ritual origin of the text in the Osirian cult [Goyon 1999, 19, 34–35, *pls. VII–VII*; Quack 2006, 595; von Lieven 2012].

It has been also noticed that Book of the Dead chapter 137A, which concerns a certain nocturnal rites involving lighting a torch, is associated with an approach to these Osirian gates [Budge 1898, 309; Luft 2008; 2009]. An interrelationship between these two chapters found also expression in their spatial disposition on the walls of some later tombs and Book of the Dead manuscripts [Eigner 1984, 180–182; Quirke 2013, 307 and 310]. The application of similar material in ritual context including offerings turns up also in other texts from the Middle Kingdom and earlier [Franke 1994, 223–235].

Intriguingly, an allusion to the same nightly ritual in reference to the torch in analogous cultic milieu (using the same phraseology of these early texts and the later Book of the Dead chapter 137A!) turns up also in the so-called Book of Two Ways. In the close vicinity, clear references to the gates and their powerful gatekeepers and to offerings prepared for Osiris are mentioned [Sherbiny 2017a, 253, 263, 284, and 300]. These findings suggest that these rites had much longer transmission history before they found their expression in the famous Book of the Dead, which probably goes back to the Old Kingdom. They also draw our attention to a different conceptual setting of the so-called two ways section that probably had little to do with mapping the Hereafter and guiding the deceased in a nether-worldly journey to his final resurrection and an eternal life in the Elysian Fields. Such romanticized idea of the life after death with its

⁴ E.g. [Waitkus 1983; Hornung 1979, 502ff; Quirke 2013, 323ff].

allegorical borrowing from Judeo-Christian traditions might seem very attractive for the modern mind. However, the situation described briefly above unmistakably refers to a specific mechanism that situates the text protagonist in a ritual landscape inspired by the acts of a living ritualist in a divine cult.

Insights into a lost legacy

The picture that eventually emerges is that the Hermopolitan theologians most probably had access to manuscripts of older age and from different religious genres. These manuscripts had probably some iconographical and textual elements. However, they heavily treated and edited this material and attempted to interpret the obscure passages as far as they could. Although this procedure was not always successful, it proved to be an active and dynamic interaction with this old material on the part of the Hermopolitan theologians and scribes⁵. The so-called Book of Two Ways represents an exclusively Hermopolitan tradition as part of the local coffin decoration program. However, it seems to be a deliberate compilation of older textual and pictorial material that were combined, reworked, and arranged in a “canonical” order. The outcome of these processes was a pictorial-textual composition that was pragmatically used as a local tradition in decorating the coffin floorboards of the elite. This predilection to include rare and old material that was not used in the coffin decoration program of the other provinces has preserved to us some echoes of a lost world of ancient Egyptian iconographical and textual legacy.

⁵ E.g. [Sherbiny 2017a, 213].

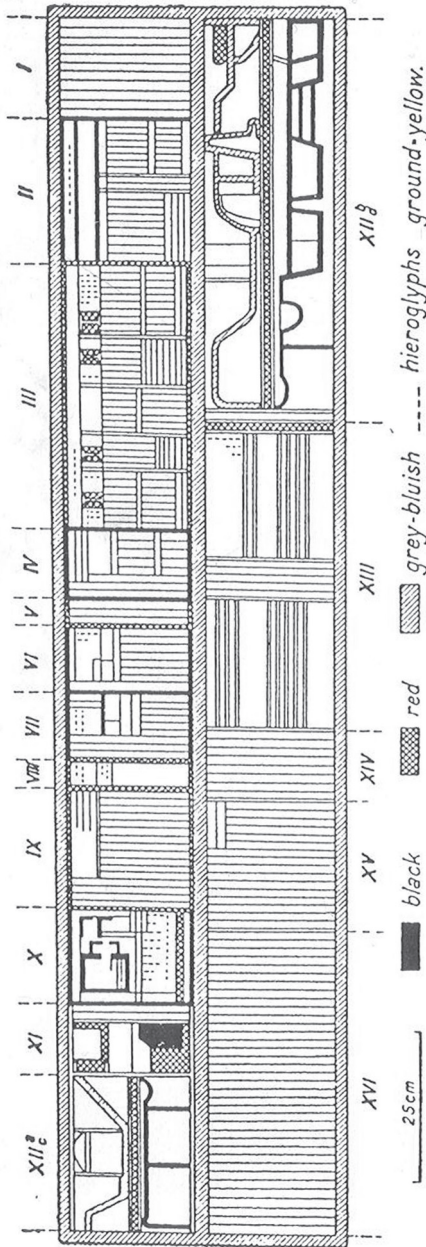

Fig. 1. A plan of the so-called Book of Two Ways on the coffin floorboard of a dignitary called Sen, which was published by Schack-Schackenburg in 1903, and is now kept in the Berlin Museum (after [Bonacker 1950, 9, fig. 2])

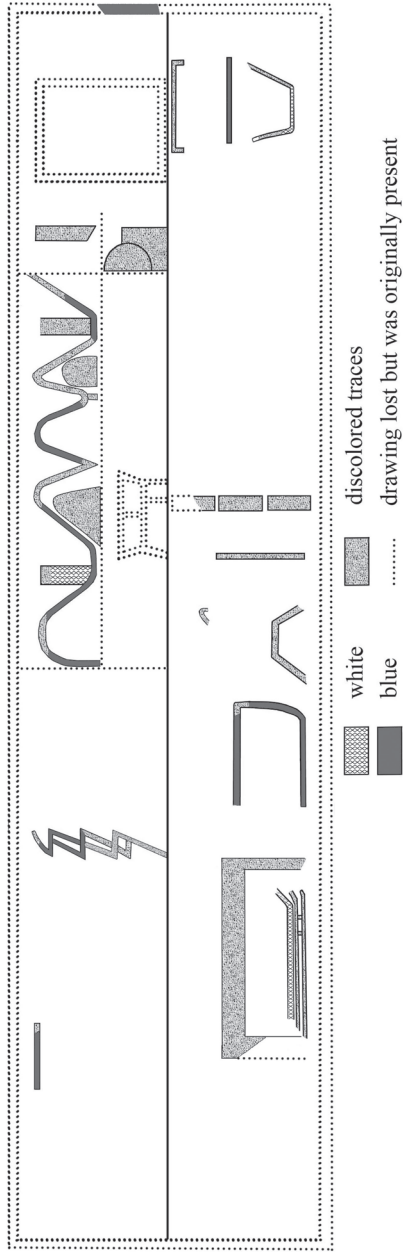

Fig. 2. A plan of the floorboard of a coffin now kept in the Cairo Museum bearing the hitherto earliest attestation of the so-called Book of Two Ways in its standard pictorial-textual form.

The drawing was meticulously made by Joanna Wisniewska indicating all the visible traces of the depictions and their original colors.

© Wael Sherbiny

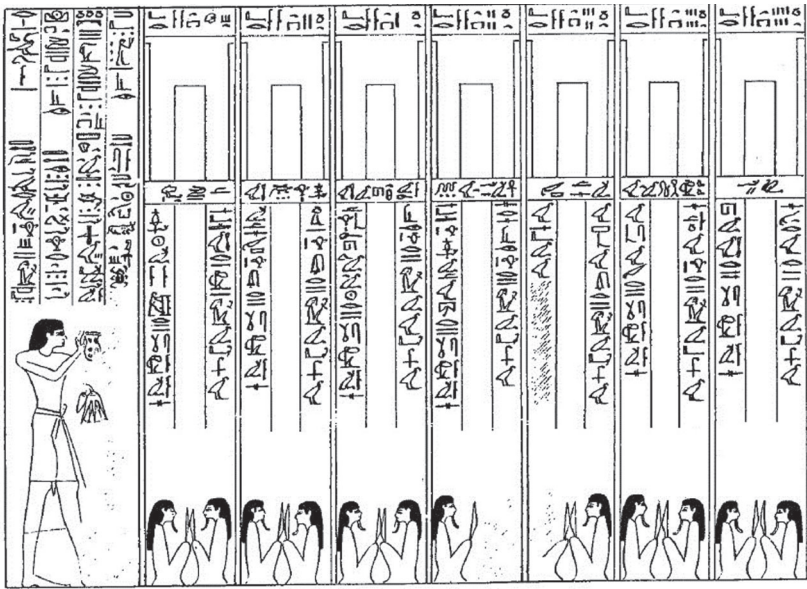

Fig. 3. Book of the Dead chapter 144 – pBrocklehurst II
(after [Navelle 1886, pl. CLIV]).

The vignette shows the seven complex gates in numerical order depicted above and their guardians below

REFERENCES

- Allen J. (2006), *The Egyptian Coffin Texts Volume 8: Middle Kingdom Copies of Pyramid Texts*, University of Chicago Press, Chicago.
- Altenmüller H. (1970), “Jenseitsbücher, Jenseitsführer”, Spuler B. (ed.), *Ägyptologie: Literatur*, Handbuch der Orientalistik, Erste Abteilung 1 (2), Brill, Leiden and Cologne, pp. 69–81.
- Baines J. and Malek J. (2000), *Cultural Atlas of Ancient Egypt*, Checkmark Books, New York.
- Barguet P. (1969), “Essai d’interprétation du Livre des Deux Chemins”, *Revue d’Égyptologie*, № 21, pp. 7–17.
- Bonacker W. (1950), “The Egyptian ‘Book of the Two Ways’”, *Imago Mundi*, № 7, pp. 5–17.
- Bonnet H. (1952), *Reallexikon der ägyptischen Religionsgeschichte*, de Gruyter Verlag, Berlin.
- Buchberger H. (1993), *Transformation und Transformat: Sargtextstudien I*, Harrassowitz, Wiesbaden.

de Buck A. (1961), *The Egyptian Coffin Texts. Vol. VII: Texts of Spells 787–1185*, University of Chicago Press, Chicago.

Budge E. A. W. (1898), *The Book of the Dead: The Chapters of Coming Forth by Day: The Egyptian Text According to the Theban Recension in Hieroglyphic edited from numerous papyri, with a translation, vocabulary, etc.*, Kegan Paul, Trench, Trübner, London.

Eigner D. (1984), *Die monumentalen Grabbauten der Spätzeit in der thebanischen Nekropole*, Verlag d. Österreich. Akad. d. Wiss., Vienna.

Forman W. and Quirke S. (1996), *Hieroglyphs and the Afterlife in Ancient Egypt*, British Museum Press, London.

Franke D. (1994), *Das Heiligtum des Heqaib auf Elephantine: Geschichte eines Provinzheiligtums im Mittleren Reich*, Heidelberger Orientverlag Heidelberg.

Gomaà F. (1986), *Die Besiedlung Ägyptens während des Mittleren Reiches I: Oberägypten und das Fayyūm*, Harrassowitz, Wiesbaden.

Goyon J.-C. (1999), *Le papyrus d'Imouthès Fils de Psintaès au Metropolitan Museum of Art de New-York (Papyrus MMA 35.9.21)*, Metropolitan Museum of Art, New York.

Helck W. (1974), *Die altägyptischen Gaue*, Harrassowitz, Wiesbaden.

Hermesen E. (1991), *Die zwei Wege des Jenseits: Das altägyptische Zweivegebuch und seine Topographie*, Universitätsverlag and Vandenhoeck & Ruprecht, Freiburg and Göttingen.

Hornung E. (1972), *Ägyptische Unterweltbücher: Eingeleitet, übersetzt und erläutert*, Artemis Verlag, Zürich and München.

Hornung E. (1979), *Das Totenbuch der Ägypter: Eingeleitet, übersetzt und erläutert*, Artemis Verlag, Zürich and München.

Kessler D. (2001), "Hermopolis", Redford D. (ed.), *Oxford Encyclopedia of Ancient Egypt*, Vol. 2, Oxford University Press, Oxford.

Lacau P. (1904), *Sarcophages antérieurs au Nouvel Empire, Catalogue général des antiquités égyptiennes du Musée du Caire – Nos 28001–28086*, T. 1, IFAO, Le Caire.

Lesko L. (1979), *Index of the Spells on Egyptian Middle Kingdom Coffins and Related Documents*, Berkeley University Press, Berkeley (California).

von Lieven A. (2002), "Mysterien des Kosmos: Kosmographie und Priesterwissenschaft", Assmann J. & Bommas M. (eds.), *Ägyptische Mysterien?*, Fink, München, pp. 47–58.

von Lieven A. (2012), “Book of the Dead, Book of the Living: Book of the Dead as Temple Texts”, *Journal of Egyptian Archaeology*, № 98, pp. 249–67.

Luft D. (2008), “Ein weiterer Ritualtext im Totenbuch: Überlegungen zur Funktion des Totenbuches anhand Tb 137”, Rothöhler B. and Manisali A. (eds.), *Mythos & Ritual: Festschrift für Jan Assmann zum 70. Geburtstag*, Berlin, pp. 83–93.

Luft D. (2009), *Das Anzünden der Fackel: Untersuchungen zu Spruch 137 des Totenbuches*, Studien zum altägyptischen Totenbuch, Bd. 15, Harrassowitz, Wiesbaden.

Naville E. (1886), *Das ägyptische Totenbuch der XVIII. bis XX. Dynastie*, Bd. I–II, Berlin.

Pierre-Croisier I. (2004), «Nouvelles identifications de Textes des Sarcophages parmi les “nouveaux” Textes des Pyramides de Pépy Ier et de Mérenrê», Bickel S. & Mathieu B. (eds.), *D’un monde à l’autre: Textes des Pyramides & Textes des Sarcophages. Actes de la table ronde internationale, “Textes des Pyramides versus Textes des Sarcophages”*, IFAO – 24–26 septembre 2001, Le Caire, pp. 263–78.

Quack J. F. (2002), “Königsweihe, Priester, Isisweihe”, Assmann J. and Bommas M. (eds.), *Ägyptische Mysterien?*, Fink, Munich, pp. 95–108.

Quack J. F. (2006), “Review of Backes, ‘Zweiwegebuch’”, *Journal of American Oriental Society*, № 126, pp. 594–96.

Quirke S. (2013), *Going out in Daylight – prt m hrw: The Ancient Egyptian Book of the Dead: Translation, Sources, Meaning*, GHP Egyptology, London.

Rößler-Köhler U. (2003), “Religion und Macht. Das altägyptische ‚Zweiwegebuch‘: Zum Schicksal eines Vorläufers des königlichen Amduat während der 12. Dynastie”, Gielen M. and Kügler J. (eds.), *Liebe, Macht und Religion. Interdisziplinäre Studien zu Grunddimensionen menschlicher Existenz (Gedenkschrift Helmut Merklein)*, Stuttgart, pp. 113–38.

Schack-Schackenburg H. (1903), *Das Buch von den zwei Wegen des seligen Toten (Zweiwegebuch): Texte aus der Pyramidenzeit nach einem im Berliner Museum bewahrten Sargboden des Mittleren Reiches*, Leipzig.

Sherbiny W. (2009), “A note on the arrangement of textual elements accompanying the drawings in Coffin Texts Spells 1120, 1122, and 1123”, *Göttinger Miszellen*, № 222, pp. 77–87.

Sherbiny W. (2017a), *Through Hermopolitan Lenses: Studies on the So-called Book of Two Ways in Ancient Egypt*, Brill, Boston and Leiden.

Sherbiny W. (2017b), “The so-called Book of Two Ways on a Middle Kingdom religious leather roll”, Guidotti M. & Rosati G. (eds.), *Proceedings of the XI International Congress of Egyptologists, Florence, Italy 23–30 August 2015*, Archaeopress, Oxford, pp. 590–92.

Sherbiny W. (2017c), “The earliest source of the so-called Book of Two Ways as a coffin floorboard decoration from the early Middle Kingdom”, Tomorad M. & Popielska-Grzybowska J. (eds.), *Egypt 2015: Perspectives of Research: Proceedings of the Seventh European Conference of Egyptologists, 2nd–7th June 2015, Zagreb, Croatia*, Archaeopress, Oxford, pp. 87–96.

Silverman D. (1988), *The Tomb Chamber of Hsw the Elder: The Inscribed Material at Kom El-Hisn, Part 1: Illustrations*, American Research Center in Egypt, Winona Lake.

Silverman D. (1989), “Textual criticism in the Coffin Texts”, Simpson W. K. (ed.), *Religion and Philosophy in Ancient Egypt*, New Haven, pp. 29–53.

Silverman D. (1990), “A spell from an abbreviated version of the Book of Two Ways in a tomb in the western Delta”, Israelit-Groll S. (ed.), *Studies in Egyptology Presented to Miriam Lichtheim*, Jerusalem, pp. 853–76.

Stadler M. (2009), *Weiser und Wesir: Studien zu Vorkommen, Rolle und Wesen des Gottes Thot im ägyptischen Totenbuch*, Mohr Siebeck, Tübingen.

Waitkus W. (1983), “Anmerkungen zu der Verteilung der Dämonennamen aus TB 144/147 im ‘Zweiwegbuch’”, *Göttinger Miszellen*, № 62, pp. 79–83.

В. Шербіні

Відлуння загубленої спадщини.

Останні дослідження т. зв. “Книги двох шляхів”

у Стародавньому Єгипті

Так звана “Книга двох шляхів” є частиною давньоєгипетських гробничних текстів. Ці релігійні тексти з’явилися на деяких коробчастих саркофагах протягом більшої частини першої половини II тис. до н. е. і навіть раніше. У своїй стандартній формі так звана “Книга двох шляхів” являє собою поєднання текстів та зображень, засвідчених суто на

внутрішніх поверхнях саркофагів, що походять з певного некрополя в Середньому Єгипті. Ця коротка стаття проливає світло на деякі результати недавніх досліджень цієї інтригуючої та дуже складної композиції. Огляд недавно відкритих і знову відкритих документів кидає виклик як думці щодо центрального географічного місця появи цього корпусу, так і оригінальності деяких його графіко-текстових елементів. Такий стан справ відкриває цікаві можливості інтерпретації щодо історії редагування та механізмів контекстної адаптації. Запропоновані нові висновки в кінцевому підсумку ставлять під сумнів деякі вельми поширені думки щодо так званої “Книги двох шляхів”.

Ключові слова: “Книга двох шляхів”, гробничні тексти, Книга мертвих, Гермополь, релігійні тексти, Стародавній Єгипет, похоронна література, іконографія, ритуал, культ, книги про загробний світ

В. Шербини

Эхо утерянного наследия.

**Последние исследования т. н. “Книги двух путей”
в Древнем Египте**

Так называемая “Книга двух путей” является частью древнеегипетских гробничных текстов. Эти религиозные тексты появились на некоторых коробчатых саркофагах в течение большей части первой половины II тыс. до н. э. и даже ранее. В своей стандартной форме так называемая “Книга двух путей” представляет собой сочетание текстов и изображений, засвидетельствованных исключительно на внутренних поверхностях саркофагов, происходящих из определенного некрополя в Среднем Египте. Эта краткая статья проливает свет на некоторые результаты недавних исследований этой интригующей и очень сложной композиции. Обзор недавно открытых и вновь открытых документов бросает вызов как мнению о центральном географическом месте появления этого корпуса, так и оригинальности некоторых его графико-текстовых элементов. Такое положение дел открывает интересные возможности интерпретации в отношении истории редактирования и механизмов контекстной адаптации. Предложенные новые выводы в конечном итоге ставят под сомнение некоторые из широко распространенных мнений относительно так называемой “Книги двух путей”.

Ключевые слова: “Книга двух путей”, гробничные тексты, Книга мертвых, Гермополь, религиозные тексты, Древний Египет, погребальная литература, иконография, ритуал, культ, книги о загробном мире

Стаття надійшла 07.05.2018

UDC 94(3):292.21

**VARIOUS MANIFESTATIONS OF ISIS CULT IN THE REGION
OF ISTRIA, ILLYRICUM AND PANNONIA AND ITS DIFFUSION
TO THE CENTRAL EUROPEAN REGION (2nd c. BC – 4th c. AD)**

M. Tomorad

M.A., M.Sc., PhD, Associated Professor

Department of History

Croatia Studies, University of Zagreb

Borongajska 83d, Zagreb, 10000, Croatia

E-mail: mladen.tomorad@zg.t-com.hr; mtomorad@hrstud.hr

The first Ancient Egyptian artefacts in Istria and *Illyricum* started to appear in the middle of the First Millennium BC, but without any proof of their worshippers. At the beginning of the 1st century AD the Egyptian cults became very popular in Adriatic and Pannonian region. The first epigraphic evidences of Isiac cults appeared during the reign of the Emperor Claudius with the appearing of the first collegiums of Isis and Serapis in Salona. By the end of the 1st century AD they had spread to *Pannonia* at north. Among the substantial number of the Ancient Egyptian deities that are documented in this region, various manifestations of the Isis cults were the most popular. In this article the author presents the spread of the Isis cults in Istria, *Illyricum* and *Pannonia*; various manifestations of the Isis cult and ethnic groups and professions, which were involved in its diffusion. At the end of the article, the author also discusses various sanctuaries, which have been discovered in this region so far.

Keywords: Isis, Egyptian cults, manifestations of Isis cult, diffusion, ethnic groups, professions, Istria, *Illyricum*, *Pannonia*

1. Introduction

The first Ancient Egyptian artefacts started to appear in *Illyricum* and Istria during the Greek colonization of the eastern Adriatic region (c. 8th – 3rd BC) [Šišić 1925, 75; Mihovilić 2002, 506; Cambi 2002,

© 2018 M. Tomorad; Published by the A.Yu. Krymskyi Institute of Oriental Studies, NAS of Ukraine on behalf of *The Oriental Studies*. This is an Open Access article distributed under the terms of the Creative Commons Attribution License (<https://creativecommons.org/licenses/by-nc-nd/4.0/>).

14; Katić 2002, 425; Marin 2002, 415–421; Matijašić 2009, 69–70, 78; Tomorad 2015, 169]. According to the latest archaeological results and historical analysis of its findings the first penetration of such artefacts can be traced from the 7th c. BC (amulets, scarabs, shabtis, beads, statuettes) [Tomorad 2015, 170–171]. During the Hellenistic Period such artefacts started to appear in substantial numbers on the islands and inland [Tomorad 2015, 171] along with the great number of Ptolemaic coinage [Brunšmid 1897, 42, 46, 63–64; Truhelka 1889, 38–43; Mirnik 1981, 37–38, 45–48; Mirnik 1982, 151; Mirnik 1987, 371, 380–386; Šešelj 2009, 321; Tomorad 2015, 171–173]. One of the oldest elements of the Isis cult is the small bronze sistrum discovered in the pre-Roman settlement Nesactium which could be dated in the early 2nd c. BC¹. The first syncretistic form of her cult appeared in Loron near Poreč (ancient *Parentium*) the north-west region of Istria in the 1st c. BC in a form of Isis Fortuna². From the 1st c. AD various manifestations of Isis cult (Isis, Isis *lactans*, Isis *Myrionyma*) or syncretistic forms of her cult (Isis Augusta, Isis Fortuna, Isis Panthea) started to appear in the whole region commonly in company with other Egyptian gods (Osiris, Serapis, and Harpocrates). The oldest inscription about collegium Isidis in this region (*Salona*, Dalmatia) was discovered in *Auternum Vestinorum* (Pescara, Italy) [CIL IX.3338]. The cult of Isis and various manifestations of her cult penetrated Istria and all regions of *Illyricum* until the beginning of the 4th c. [Perc 1968; Selem 1971; Selem 1972; Budischovsky 1977; Selem 1980, 1–75; Selem 1997; Jurkić-Girardi 2001; Giunio 2002; Bugarski-Mesdjian 2004, 619–632; Jurkić-Girardi 2005, 147, 203–205, 216–217, 224–225; Tomorad 2005b, 447–448; Tomorad 2015]. With the rising of Christianity at the beginning of the 4th c. AD the popularity of Isis cults gradually became weaker and weaker until they were prohibited by Emperor Theodosius I and his sons Arcadius and Honorius at the end of the 4th c. AD [CTh XVI.10.10; CTh XVI.10.11; CTh XVI.10.12; CTh, II.8.22; CTh, XVI.10.13; CTh, XVI.10.16].

¹ Pula: The Archaeological museum of Istria, A-5048; cf. [Puschi 1914, 59–60; Perc 1968, 157–158 no. 14; Budischovsky 1977, 173; Džin 2001, 18–19; Tomorad 2003, 49, fn. 193; Giunio 2002, 26–27; Tomorad 2005a, 17; Tomorad 2007, 48–49 no. 3; Tomorad 2015, 175 fig. 128].

² Poreč: Museo del territorio parentiano, unknown inventory number.

2. The phases of the diffusion of Isis cult in Istria and *Illyricum*

The penetration and diffusion of the Ancient Egyptian cults to the territory the east Adriatic coast and *Illyricum* probably happened during several phases. According to the previous archaeological and historical studies, and the latest typological research of ancient Egyptian artefacts kept in the various museum collections in this region, we can identify four main phases of penetration and dissemination in this region:

1) during the first half of the 1st millennium BC when the first ancient Egyptian artefacts were probably traded by the Phoenician and Greek merchants;

2) during the Greek colonization of the eastern Adriatic coast when more intensive connections were established and when the first dissemination probably started (late Bronze age-early Iron Age, around 9th c. to the end of the 3rd c. BC);

3) the period of the Roman conquest of *Illyricum* (the end of 3rd c. BC to the end of Augustus' reign);

4) during the Roman rule of *Illyricum* (the 1st c. to the first half of the 4th c. AD), dissemination started during the reign of Emperor Claudius, and it became more vital during the reign of the Flavian Dynasty (AD 69–96). Egyptian cults (Osiris, Serapis, Harpocrates, Bes, Apis, etc.) with syncretistic elements (Isis Panthea, Isis Fortuna, Hermes-Thoth, Jupiter-Ammon, Serapis with lions etc.) appeared during the 1st c. and their popularity continued until the middle of the 3rd c. AD. With the rising of Christianity at the beginning of the 4th c. AD we can see a gradual decline in popularity of all pagan cults which were, at the end of the fourth century, completely prohibited by emperor Theodosius [*CTh* XVI.1.2; *CTh* XVI.10.8; *CTh* XII.1.112; *CTh* IX.16.11; *CTh* XVI.10.10 – XVI.10.12; *CTh*, II.8.22; *CTh*, XVI.10.13; *CTh*, XVI.10.16].

The first Egyptian artefacts came to *Illyricum* in the first half of the 1st millennium BC but the real penetration and diffusion of the Egyptian cults started during the Roman conquest of *Illyricum* (3rd c. BC – early 1st c. AD) when the considerable number of various Egyptian artefacts (amulets, shabtis, statuettes of pre-Hellenistic version of Egyptian gods) appeared in the eastern Adriatic coast. In the previous historical and archaeological studies of these artefacts in most cases they were not dated, but authors suggested that they arrived after the Roman conquest of *Illyricum*.

In the 4th c. BC Greek geographer Pseudo-Skylax described the women in the societies of *Liburnes* and *Iapodesas* women who had more influential positions and sexual freedom [Ps. Skyl., 21; Suić 1955, 121–185; Shipley 2011]. P. Selem used it for his hypothesis that the prominent positions of women in their societies could enable a more influential perception of the ancient Egyptian goddess Isis during the Roman colonization and the Romanization of *Dalmatia* [Selem 1971, 299], but without any presumption that the dissemination of the ancient Egyptian cults could start earlier than the first century AD. In the region around Zadar, Nin, Lika, and the border between Bosnia and Croatia several Egyptian artefacts have been discovered so far. During an archaeological excavation in 1932, in Ostrožac near Bihać (Bosnia and Herzegovina), shabti was discovered in a Roman grave (1st c. BC)³. In another the 1st c. Roman grave, from an unknown site in Lika, a statuette of Serapis and shabti was discovered during 1940's⁴. In *Aenona* shabti and pseudoshabti (Third Intermediate Period, Ptolemaic Dynasty – early Roman Period)⁵ were discovered along with several oil lamps with carved Isis, Serapis and Jupiter Ammon, and a statue of Isis (1st c. AD)⁶; in Iader a terracotta oil lamp with Isis and Serapis (1st c. AD)⁷ and a bronze amulet of a mummified figure (Ptolemaic Dynasty – 1st c. AD)⁸. All these findings document the presence of Egyptian artefacts and divinities in that region from at least the 1st c. BC and possibly earlier.

More than one hundred Egyptian artefacts (shabtis, amulets, beads, scarabs, bronze statuettes of divinities etc.) were discovered along the eastern Adriatic coast from Istria to *Epidaurum* (today Cavtat), and *Pannonia* region⁹. The biggest numbers of Egyptian artefacts were

³ Zagreb: Archaeological museum, Main inventory book 348. Unpublished.

⁴ Zagreb: Archaeological museum, Main inventory book 358. Unpublished.

⁵ Zagreb: Archaeological museum, E675–E676.

⁶ Zadar: Archaeological museum, L. 163 (t.k. 4379, I.e. 6820), L. 878 (375, I.a. 1383/2, t.k. 4427), L. 495 (I.e. 7298).

⁷ Zadar: Archaeological museum, 3672.

⁸ Zadar: Archaeological museum, without inventory number.

⁹ Zagreb: Archaeological museum, E561-5, E675, E766, Main inventory book 348; Split: Archaeological museum, 1221, AV372-375, B214-218, B757, G1622-32, G1676, G1886-1887, H374-378; H5503-5507, H2604, H5459-5462, I11, I1185; Pula: The Archaeological museum of Istria, A5210,

discovered in Salona¹⁰, the middle Dalmatia region¹¹, on the islands of Korčula, Hvar, and Vis¹². Most of them were discovered during 19th century, and today we do not know much about the archaeological context of these findings except the location of the discovery. According to their typology, iconography, and the artistic style of crafting, they should be dated from the Late Period to the Ptolemaic Dynasty. These artefacts most likely came to the eastern Adriatic region from the early 3rd c. BC to the end of the 1st c. BC. Were they just part of the goods which merchants sold to local communities or were they the first evidence of Egyptian cults which penetrated the eastern Adriatic region during this period? Sadly, we do not possess any archaeological evidence that could provide an answer to that question. If we compare these findings with the material discovered in Spain, France, Italy, Aegean and North Africa there is a great possibility that those artefacts could have arrived to the eastern Adriatic coast and inland before the Romanization of *Illyricum* during the 1st c. AD [Tran Tam Tih 1971; Tran Tam Tih 1972; Dunand 1973; Budischovsky 1977; Hölbl 1979; Padró i Parcerisa 1980–1985; Hölbl 1986; Tomorad 2000, 8–9;

A5220-5221, A5523-5224, A5048; Sinj: Franciscan monastery, Archaeological collection, R299-300; Osijek: Museum of Slavonia, 194962, AA-1340-1344, AA-1406, AA-1432-34, AA-1605-1606, AA-2590, AA-2665, AA-2670, AA-6148, AA-6243, AA-19469. Several artefacts without inventory numbers are also kept in private collections Lik, Marović and Domančić, and in museum collections in Trieste, Senj, Hvar, Graz, Ptuj, Szekszárd, and Vienna.

¹⁰ The ten shabtis crafted from the 26th to the Ptolemaic Dynasty (coll. Marović, Zagreb: Archaeological museum, E561-5), ten bronze statuettes of Osiris (Split: Archaeological museum, H374-8, H5006, H5459, H5461-3), five statuettes of Isis-Hathor nursing Horus (Split: Archaeological museum, H5003-5, H5007, H5460), and Wedjet-eye amulet (Split: Archaeological museum, G1629).

¹¹ The nine shabtis crafted from the 18th Dynasty to the Late period (Split: Archaeological museum, B212-216, G1623-1624, G1626, FB-757), the four scarabs (Split: Archaeological museum, AV373, G1632, G1886-1887), pearl with hieroglyphic signs (Split: Archaeological museum, AV372, 374–375), the fragments of the Ancient Egyptian artefacts with or without hieroglyphic signs (Split: Archaeological museum, B217-218, B757), Wedjet-eye amulet (Split: Archaeological museum, G1676).

¹² Shabti (27th Dynasty-Ptolemaic Dynasty; coll. Domančić), shabti (27th Dynasty – Ptolemaic Dynasty, Split: Archaeological museum, G1625), the two Wedjet-eye amulets and the pendant amulet with falcon with crown (Split: Archaeological museum, G1627-8, G1631).

Bricault 2001; Tomorad 2015]. They could be a crucial element in confirming that the first worshippers of Egyptian cults were already present in that region. If this thesis is correct then the first active penetration of ancient Egyptian divinities probably happened between the end of the 3rd c. BC until the end of the 1st c. BC, before the end of the Roman conquest of *Illyricum*. Sadly, from this period we do not have any epigraphic evidence which could confirm the existence of Egyptian cults.

The earliest surviving epigraphic evidence of Isaic cult and communities were dated to be from the 1st c. AD In *Auternum Vestinorum* (today Pescara, Italy) two epigraphic inscriptions from the 1st c. AD document the presence of *collegium Serapis* [*CIL* IX.3337 = *SIRIS* 475, 677 = *RICIS* 615/0401] and *collegium Isidis* [*CIL* IX.3338] in *Salona*. These collegiums could have developed from the previous individual worshippers or even small communities of worshippers of Egyptian divinities (Isis, Serapis, Osiris, and Harpocrates) which are documented on bronze figurines discovered along the eastern Adriatic coast. They could be imports from Egypt, Italy, the eastern Mediterranean or Aegean region during the period from the 3rd to the 1st centuries BC or they could have been looted from ancient Egyptian tombs and sold during the Greco-Roman Period. The findings discovered in the Roman settlements on the eastern Adriatic coast and inland, which date from the 1st c. AD until the end of the 3rd c. AD, have a different typology from the artefacts from the Late and Ptolemaic Periods. Does it mean that this typological older material came from an earlier period than the artefacts from the Roman Period? We cannot confirm such a hypothesis but that is possible. The most important reason which could backup such hypothesis is the type artefacts discovered during this period; these artefacts were not the product of the Roman Period. Since the 1st c. AD genuine Egyptian artefacts were mostly copied for cultic purposes in moulds from a bit different material. Commonly Egyptian artefacts from the Late and Ptolemaic Period were made from faience or terracotta and Roman imitations of these artefacts used less quality materials for its production. Iconography of Egyptian gods also changed since the late Roman Republic which can also determine the difference between the genuine Egyptian artefacts, which came from the Late Period or Ptolemaic Egypt, from the products of the Roman Empire.

The first worshippers of Egyptian gods and goddesses were probably present along the coast and inland in the communities of various Illyrian tribes, and in locations where Greeks established their colonies and trading posts which developed prominent communications with the Aegean region, Egypt and North Africa (e.g. Etruscans, Phoenicians, Cartago etc.). One of the most interesting artefacts from the region is a small bronze sistrum discovered in the pre-Roman settlement of *Nesactium* (today Vizače near Pula)¹³. It is dated from the early 2nd c. BC to the 1st c. AD. It was found in 1908 during archaeological excavations in Nesactium, in a grave with an urn and a terracotta oil lamp which were dated to the second century BC. Later it was not dated, or it was dated to the 1st c. AD [Puschi 1914, 59–60; Gnirs 1915, 121; Perc 1968, 157–158, no. 14; Budischovsky 1977, 173; Džin 2001, 18–19; Tomorad 2003, 49 *fn.* 193; Giunio 2002, 26–27; Tomorad 2005a, 17, 48–49 no. 3; Tomorad 2015, 179–180]. The reason for different dating is probably the typical thinking that Egyptian cults appeared in that region from the 1st c. AD. Since the pharaonic period sistrams were, in the ancient world, typical symbols of the cults of Isis and Hathor. According to the typology, iconography and comparisons with similar sistrams from various museums around the world, this sistrum can be dated to the Ptolemaic Period. It could be evidence of some worshipper of Isis or Hathor who lived around *Nesactium*, or evidence of early dissemination of Egyptian divinities in Istria. Bronze figurines of the Egyptian divinities Neith, Harpocrates, Apis and Osiris, discovered in Istria, are all product of the Ptolemaic Period (the 3rd to the 1st c. BC) which could have come to Istria anytime during that period. Sadly, the archaeological context for all these findings was not preserved, and the only confirmed location is Bale (ancient *Valle*), where a larger bronze Osiris statuette was unearthed. These artefacts were most likely brought to Istria from Italy of some Greek settlement at the south Adriatic during the first wave of the diffusion of the Isaic cults in Mediterranean. Newly opened Egyptian artefacts from Krk (ancient *Curricum*) discovered in the late Hellenistic graves related to the civil war between Pompey and Julius Caesar in this region and they were dated in the early second half of the 1st c. BC [Tomorad 2015, 175, 184–192].

¹³ Pula: The Archaeological museum of Istria, A-5048.

The next phase of dissemination of Egyptian cults happened during the period of the Romanization of the Istria peninsula, *Illyricum* and *Pannonia* during the 1st c. AD [Matijašić 2009, 87–221; Domić-Kunić and Džino 2013]. According to previous studies the settlers from Italy were the first members of Roman society which introduced the cult of Isis and Serapis in *Pannonia* [Wessetzky 1961; Móscy 1962, col. 734–736; Pinterović 1967, 26–27; Lengyel & Radan 1980, 185–193; Selem 1980, 1–75; Rendić-Miočević and Šegvić 1998, 10]. The oldest artefacts from this period are two oil lamps with the relief of Isis from *Potovio* (Ptuj, Slovenia)¹⁴, usually dated to the reign of the Emperor Claudius I (41–54 AD) [Saria 1937, 23; Perc 1968, 192 nos. 40–41; Selem 1972, 34, 37; Selem 1980, 19 nos. 31–32; Selem 1997, 136 nos. 8.23–4]. During the same period, at the territory of the other Illyrian tribe *Colapiani* in *Dalmatia*, two shabtis from terracotta¹⁵ were discovered near the ancient *Aequum* (today Čitluk, small village near Sinj, Croatia). The typology of these shabtis [Tomorad 2006, 285–286, nos. 1–2] suggests the possibility that they could come to the area around *Aequum* sometime during the last centuries BC or during the 1st c. AD. The other artefact that probably belonged to this phase is the statue of the goddess Isis which is sitting on the throne with two lions beneath her legs. It was discovered during the early 1950's around Senj [Degmedžić 1952, 251–54, pl. 1 and 4]. L. Bricault dated it from the 1st c. BC to the 1st c. AD [Bricault 2001, maps XXVI–XXVII, 119, 125, 129] when ancient *Senia* (today Senj) was used as the stronghold against the nearby Illyrian tribes *Japodes* and *Liburnes*. The artefact, which could be dated to the period of the Flavian Dynasty, was discovered in Pola. It is a marble fragment of a head depicting the Egyptian goddess Hathor¹⁶, which was excavated from an amphitheatre in Pula during the archaeological season of 1932–1933. It was found among building material and mortar during the reconstruction work of the visitors' seats, together with a coin of the Roman emperor Galba

¹⁴ Graz: Landesmuseum Joanneum, 5683, 8310.

¹⁵ The first shabti from green coloured enamelled terracotta typologically is the typical shabti produced during the 26th Dynasty in Egypt. The second shabti from brown terracotta was probably crafted during the Late or Ptolemaic Period. Sinj: *Franciscan monastery, Archaeological collection*, R299-300.

¹⁶ Pula: Archaeological museum of Istria, A-8712.

[Degrassi 1933, 395–396; Perc 1968, 148–150; Jurkić-Girardi 2001, 14–15; Tomorad 2003, 48 *fn.* 180; Tomorad 2005a, 16–17, 45–46]. There are many other artefacts that could be dated to the 1st c. AD. They were discovered in *Tergeste*, *Aegida* (Kopar), Loron near Poreč, *Pola*, Galizana, Savudrija, *Aenona*, *Iader*, *Aternum* (Pescara), *Salona*, Oklaj Promine, *Poetovio*, Sv. Križ, *Andautonia*, *Siscia*, and *Mursa*. They were dedicated to Bes (Oklaj Promine)¹⁷, Isis¹⁸, *Aegida*¹⁹, *Aenona*²⁰, *Poetovio*²¹, *Siscia*²², Isis Fortuna (*Tergeste*²³, *Silbonis*²⁴, *Lika*²⁵, *Andautonia*²⁶), Isis with Horus (Sv. Križ²⁷, Isis Panthea (*vicus Galisanus*, modern Galizana)²⁸, Isis and Serapis (*Aenona*²⁹, *Iader*³⁰), Isis, Serapis, Liber, Libera and Anubis (*Iader*³¹), Jupiter Ammon

¹⁷ Bronze vessel shaped in form of Bes. Split: Archaeological museum, H4427.

¹⁸ Tergeste (Oil lamp with sistrum. Trieste: Museo civico archeologico, without inventory number).

¹⁹ Altar dedicated to Isis. Verona: Museo civico archeologico, without inventory number. CIL V.484.

²⁰ Stone statue of Isis without head. Zagreb: Archaeological museum, A34.

²¹ Oil lamps from terracotta with relief. Graz: Landesmuseum Joanneum, 5683, and 8310.

²² Gemme from the red jasper with Isis relief. Zagreb: Museum of contemporary art – archaeological collection of Benko Horvat, 581.

²³ Bronze statuettes of Isis Fortuna. Trieste: Museo civico archeologico, 2457, 2466, 3440, and one without inventory number.

²⁴ Bronze statuette of Isis Fortuna. Pula: Archaeological museum of Istria, A4620.

²⁵ Bronze statuette of Isis Fortuna. Zagreb: Archaeological museum, A4633.

²⁶ Bronze statuette of Isis Fortuna. Ščitarjevo: Archaeological park Andautonia, without inventory number. Unpublished.

²⁷ Bronze statuette of Isis with Horus. Wien: Naturhistorisches Museum – Prähistorische Abteilung, 55419.

²⁸ Votive stone ara with the symbols of the cult of Isis. Pula: Archaeological museum of Istria, A41.

²⁹ Round oil lamps from brown-red terracotta with relief of Isis and Serapis. Zadar: Archaeological museum, L.163, and L.878.

³⁰ Round oil lamp from brown-red terracotta with relief of Isis and Serapis. Zadar: Archaeological museum, 3672. Unpublished.

³¹ Altar with inscription dedicated to Isis, Serapis, Liber, Libera, Anubis and Harpocrates. Verona: Museo lapidario Maffeiano, without inventory number. CIL III.2903.

(*Pola*³², *Asseria*³³, *Andautonia*³⁴, *Siscia*³⁵), Osiris, Isis and Nephthys (*Mursa*³⁶) and Serapis (*Pola*³⁷).

Many of the Egyptian artefacts “re-discovered” in various museums, during the project *Croato-Aegyptica* (cca. 40–50 artefacts from the Archaeological Museum in Split) are still not analysed or published. Due to the lack of archaeological context for the most of these findings, we will probably never find out when and how they came to Istria and *Illyricum*. According to typology, iconography and crafting techniques of these artefacts, we can presume that many of them could have arrived during the 1st or 2nd centuries AD. In his articles and books, P. Selem [Selem 1963, 94–107; Selem 1969, 125–144; Selem 1971, 291–332; Selem 1972, 7–104; Selem 1980, 1–75; Selem 1997] made a hypothesis that some of them could have been crafted in local workshops related to the worshippers of Egyptian cults but there is no evidence that can support such a hypothesis. It is possible that such workshops existed near the sanctuaries or temples in the main centres of Isaic cults, but we still do not have any archaeological evidences that can support such theory.

The next large group of artefacts mostly came to *Illyricum* during the 2nd c. AD and during the reign of Severus Dynasty with the major influence of the syncretism of the various divinities (e.g. Jupiter Ammon, Isis Fortuna, Isis Tyche, Hermes Thot, Mercury Thot, Harpocrates Helium, Serapis with lions, etc.). The biggest group is devoted to Serapis and crafted as the marble tomb stele with a head of Serapis with kalathos or only kalathos between two lying lions. They were discovered in Pannonia region of *Illyricum* in *Sirmium* (today Sremska

³² Monolith blocks of an altar parapet with relief of Jupiter Ammon. Pula: Archaeological museum of Istria, A391, A393, and A16602.

³³ Tomb stone of Vatica Aplif(ilia) Tituae and Pasinae Voltisae with relief of Jupiter Ammon. Zadar: Archaeological museum, 213.

³⁴ Round oil lamp from red terracotta with relief of Jupiter Ammon. Ščitarjevo: Archaeological park Andautonia, without inventory number. Unpublished.

³⁵ Round oil lamp with relief of Jupiter Ammon. Zagreb: Archaeological museum – Ancient department, unknown inventory number.

³⁶ Egyptian stele of Pedi-Hor-pa-khered. Osijek: Museum of Slavonia, AA-2590.

³⁷ Tomb stone of Obelia Maximae dedicated to Serapis. Pula: Archaeological museum of Istria, 313.

Mitrovica)³⁸, *Bassiana* (today Petrovci)³⁹, *Teutoburgium* (today Dalj)⁴⁰, near Križevci⁴¹ and in Koprivnica⁴². Other monuments with syncretistic elements were mostly bronze statuettes (Isis Fortuna⁴³, Isis Tyche, Hermes Thot, Mercury Thot, and Harpocrates Helium) or parts of architectural decorations of city forums in *Pola* and *Iader* (e.g. Jupiter Ammon). In *Aqua Iasae* couple of stone artefacts dedicated to Serapis and Nymphs⁴⁴, Isis and Serapis⁴⁵ and Isis Fortuna⁴⁶ were discovered during the archaeological excavations in 2011 and 2012. They were dated to the 2nd and the 3rd c. AD.

There is also a group of artefacts which were produced or brought to *Illyricum* during the 3rd c. BC or the first half of 4th c. AD. Such artefacts are mostly genuine Ancient Egyptian funerary steles and tombstones discovered in *Emona* (Ljubljana) and *Mursa* (Osijek). Along with all these artefacts there are many epigraphic monuments with votive and funerary inscriptions (altars, cippus of the tombstone, etc.), and with theophoric names: *Apio*⁴⁷, *Aur(elius)*

³⁸ Eight of them are today kept in lapidarium of the Museum of Sirmium in Sremska Mitrovica and three in the Archaeological museum in Zagreb (inv. nos. 164a-b, 165).

³⁹ Zagreb: Archaeological museum, A161-163.

⁴⁰ Osijek: Museum of Slavonia, AA-6148.

⁴¹ Križevci: City museum, 26.

⁴² Koprivnica: City museum, unknown inventory number.

⁴³ Bronze statuette of Isis Fortuna discovered in Proložac near Imotski. Imotski: Local history museum, unknown inventory number.

⁴⁴ Badly damaged inscription dedicated to Serapis and the Nymphs was found in the ruins of spring pool's north wall was discovered in 2011: *Seraphi / Sancto et / Nymphis / Salutaribus / Caecilius / Saturninus [---]*.

⁴⁵ Altar dedicated to Isis and Serapis from marble stone was discovered in 2012: *Isidi et / Serapidi Avg(usti) / sacrvm / C(alus) Val(erius) Priscvs / Avg(ustalis) C(oloniae) V(lpiae) T(raianae) P(oetoviensis) ET / Catienia / Fortvnata Con(iux) / Sive oricclio / V(otum) S(olvit) L(ibens) M(erito)*.

⁴⁶ Slab with a relief regarding religious festivity in honour of Isis Fortuna was discovered during archaeological seasons 2011 and 2012 in the structure of the southern wall and in the ruins of the northern wall of the spring pool. On the right side of the stone slab image of Isis Fortuna was carved. Inscription: *Imp(eratore) [Commodo] VII et helvio pertenaci II Co(n) S(uslibus) P[-]Ve(?)Ivnis*.

⁴⁷ From *Clambetae* (today Gradina near Obrovac). It was kept in Kruševo and today it seems to be lost. ... *Turrani[us] / Dasantis f. Verus / p. Sibi et Apio avo. ILJUG 2858 [Selem 1997, 59 no. 1.17]*.

*Isiodoru(s)*⁴⁸, *T(itus) Anni(ius) Isiodo(rus)*⁴⁹, *Isiodor(ae)*⁵⁰, *Isiciae Firminae*⁵¹, *Papiriae Isiadi*⁵², *Isia(e)*⁵³, *Aeflania Isias*⁵⁴, *Serafio*⁵⁵, *Pomponius Serapion*⁵⁶, *L. Cornelio Serapion*⁵⁷, which can be dated from the 1st to the 4th c. AD.

In previous publications artefacts without any knowledge of the archaeological context discovered in *Illyricum* and Istria were mostly dated during the prolonged period from the 1st to the end of the 4th c. AD. For the genuine Ancient Egyptian artefacts, I did prolong this dating for reasons which I already argument in previous sections of this article. These artefacts are the great number of Ancient Egyptian

⁴⁸ From *Pola*: [...*qui? Quae? Vixi*]t ann(is) / [...] *Isido(rus)* / [...] *loc(us)* in / [(*ronte*) *p(edes)*...] / in *agro(o)* [*p(edes)*...] [Mlakar 1957, 446]. From *Salona*: *Aur(elia) Parasc[eu]e* / *hic est po(i)ta vix[it]* / *ann(os) LX qui[us]* / *memoria(m) fa[br(ica)vit?]* / *vivus mari[us]* / *eius Aur(elius) Isiodoru[s]* / *qu(i) et Edasterius*. Split: *Archaeological museum*, A310 [CIL III.8935].

⁴⁹ From *Pola*: *T(itus) anni(ius) / Isido(rus) / loc(us) in fr(onte) [p(edes)-] / in agr(o) I[X]*. Pula: *Archaeological museum of Istria*, A4118 [Mlakar 1957, 444–446].

⁵⁰ There are confusing data about this inscription, it was found in *Iader* or *Aenona* at the end of the nineteenth century [Selem 1997, 50 no. 1.5, and 58 no. 1.16]: *Isidor(ae) / an(norum) XIX / M(arcus) Minicius / Zasimus / v(ivus) f(ecit) / delicatae suae*. [CIL III.10004].

⁵¹ From *Salona*: *D.M. / Isiciae Firminae / coniugi / Fl(avius) Fortunatus / maritus b(ene) m(erenti) p(osuit) / D. Ann. P.m. XXXV*. Split: *Archaeological museum*, unknown inventory number [Selem 1997, 81 no. 2.32].

⁵² From *Dugopolje*. Split: *Archaeological museum*, A5966. *D(is) M(anibus) Papiriae Me/ellicae def(unctae) / ann(orum) XXXIII L(ucius) Oclat(ius) Hygin(us) / coniugi b(ene) m(erenti) et riss (fratris?) Mercurio / et Aristoni et / Papiriae Isiadi / et P(ap)iriae Thasidi* [Cambi 1993, 164–165 no. 7].

⁵³ From *Pola*: [-] *sibi [et] / G(aio) op[-] / Isia(e) / L(ucio) Col[-] / Arch[-] / et S(a[-] / Feli[-] / [-]*. Pula: *Archaeological museum of Istria*, 339.

⁵⁴ From *Pola*. *Aeflanisa / Isias / Istr[i]ae [v(otum) s(olvit) l(ibens) m(erito)]*. Pula: *Archaeological museum of Istria*, 439 [CIL V.101].

⁵⁵ From *Salona*. [*c(o)n(i)ugi/ bene me / renti L(ucius) Ul(p)iu(s) / Serafio*. Split: *Archaeological museum*, A-4144 [Bulić 1910, 30].

⁵⁶ From Pučišć on the island of Brač: *Pomponio Serapioni carissimo / Lucilia Aufidia mater / b(ene) m(erito) posuit*. Split: *Archaeological museum*, without inventory number. [CIL III.3101].

⁵⁷ From the unknown site in the Middle Dalmatia: *L. Cornelius Serapion. / L. Creperius Hearcla (sevir) et creperia Apis* [CIL III.3176].

shabtis (discovered in Kazale in Istria, Čitluk, Ostrožac near Bihać, Nin, island of Hvar, *Salona*, the Middle Dalmatia, Daruvar, *Mursa*, Ilok, or unknown sites in Pannonian region), various amulets (discovered at the island of Hvar and in the Middle Dalmatia), stele of Pedi-hor-pa-khered from *Mursa*⁵⁸, gems (discovered in *Pharos*, *Salona*, the Middle Dalmatia, *Mursa*, *Siscia* and *Stolac*), various statuettes of the Egyptian divinities (discovered in *Marsonia*, *Mursa*, *Siscia*, the region of Istria, Knin, *Salona*, the middle Dalmatia, and *Epidaurum*), lamps (discovered in *Poetovio*, *Andautonia*, *Aenona*, *Iader*, and *Salona*), and various other artefacts (vessels, reliefs, inscriptions etc.).

Aegyptiaca related with the Egyptian divinities could be imports from the Roman Egypt, Italy or the eastern Mediterranean and Aegean region during the period from the early 1st century to the middle of the 4th c. AD. Some artefacts, like Nilotic relief discovered in *Salona* in 1891⁵⁹ and the architectural decorations of the Diocletian palace in Split (sphinxes brought from Karnak in Egypt, one Ptolemaic statue of prince or king, columns etc.) which had been previously analysed in the context of Egyptian cults on the eastern Adriatic coast should be reconsidered as the Roman “*Aegyptiaca*”, as they probably had nothing to do with Egyptian cults or divinities.

With the rising of Christianity at the beginning of the 4th c. AD we can observe a gradual decline in the popularity of Egyptian and Oriental cults which were, at the end of the 4th c., completely prohibited by emperor Theodosius in AD 391/392 [*CTh* XVI.10.11; *CTh* XVI.10.12; Tomorad 2015b, 150].

3. Various manifestations of Isis cults in Istria and *Illyricum*

In the region of Istria and *Illyricum* (the Roman provinces of *Dalmatia* and *Pannonia*) appeared various forms of Isis cults and its syncretistic forms (Tables 1–3). The Graeco-Roman form of Isis cult was the very popular, but among its syncretistic forms the most popular were Isis Augusta and Isis Fortuna. The possible worshippers of Isis cult could be also seen in various forms of theophoric names which were mentioned in the previous chapter of this paper.

⁵⁸ Osijek: Museum of Slavonia, AA-2590.

⁵⁹ Split: Archaeological museum, D-150.

Table 1: Various forms of Isis cult in Istria

Manifestation of the goddess Isis	Location	Type of artefact	Dating	Museum collection
Isis	<i>Aegida</i> (Koper, Slovenia)	Altar dedicated to Isis	1 st c. AD	Museo civico archeologico, Verona
Isis	<i>Pola</i> (Pula, Croatia)	Head of the statue of the woman with Isaic hairstyle	Roman Empire	The Archaeological museum of Istria, Pula
Isis	<i>Tergeste</i> (Trieste, Italy)	Oil lamp with sistrum	1 st c. AD	Museo civico archeologico, Trieste
Isis Augusta	<i>Emonia</i> (Novigrad, Croatia)	Altar devoted to Isis Augusta	Roman Empire	Lapidarium J. Malavec Street no. 12 in Novigrad
Isis Augusta	<i>Parentium</i> (Poreč, Croatia)	Altar devoted to Isis Augusta	Roman Empire	<i>CIL</i> V.347
Isis Augusta	<i>Pola</i> (Pula, Croatia)	Fragment of the small altar from limestone	Roman Empire	The Archaeological museum of Istria, Pula
Isis Augusta	<i>Tergeste</i> (Trieste, Italy)	Altar devoted to Isis Augusta	Roman Empire	<i>CIL</i> V.517. Museo civico archeologico, Trieste
Isis Fortuna	Loron near Poreč	Bronze statuette of Isis Fortuna	1 st c. BC	Museo del territorio parentino, Poreč
Isis Fortuna	<i>Pola</i> (Pula, Croatia)	Bronze statuette of Isis Fortuna	1 st c. AD	Unknown location
Isis Fortuna	Silbonis (Savudrija, Croatia)	Statuette of Isis Fortuna	1 st c. AD	The Archaeological museum of Istria, Pula: inv. no. A4620

Isis Fortuna	<i>Tergeste</i> (Trieste, Italy)	Bronze statuette of Isis Fortuna	1 st c. AD	Museo civico archeologico, Trieste: inv. no. 2457
Isis Fortuna	<i>Tergeste</i> (Trieste, Italy)	Bronze statuette of Isis Fortuna	1 st c. AD	Museo civico archeologico, Trieste: inv. no. 2466
Isis Fortuna	<i>Tergeste</i> (Trieste, Italy)	Bronze statuette of Isis Fortuna	1 st c. AD	Museo civico archeologico, Trieste: inv. no. 3440
Isis Fortuna	<i>Tergeste</i> (Trieste, Italy)	Bronze statuette of Isis Fortuna	1 st c. AD	Museo civico archeologico, Trieste: without inventory number
Isis <i>lactans</i>	<i>Tergeste</i> (Trieste, Italy)	Bronze statuette	Roman Empire	Museo civico archeologico, Trieste
Isis Panthea	<i>Ager Polensis</i> (Galižana, Croatia)	Altar of <i>Q(intus) Latatius Iucundus</i> dedicated to Isis (with reliefs of sistrum, cistella, ascia, patera, baculus, gladius etc.)	2 nd – 3 rd c. AD	<i>CIL</i> V.10. The Archaeological museum of Istria in Pula: inv. no. A41 (former inv. no. 229)
Isis with Harpocrates	<i>Tergeste</i> (Trieste, Italy)	Statuette of Isis with Harpocrates	Roman Empire	Museo civico archeologico, Trieste
Sistrum	<i>Nesactium</i> (Vizače, Croatia)	Bronze sistrum	3 rd – 2 nd c. BC	The Archaeological museum of Istria, Pula: inv. no. A5048

Table 2: Various forms of Isis cult in Dalmatia

Manifestation of the goddess Isis	Location	Type of artefact	Dating	Museum collection
Isis	<i>Aenona</i> (Nin, Croatia)	Marble statue of Isis	1 st c. AD	The Archaeological museum, Zagreb: inv. no. A34
Isis	<i>Auternum Vestinorum</i> (Pescara, Italy)	Epigraphic inscription which mentioned the existence of <i>collegium Isidis</i> in Salona	1 st c. AD	<i>CIL</i> IX.338 Museo civico archeologico, Pescara
Isis	<i>Bigeste</i> (Ljubuški Humac, Croatia)	Rectangular cippus with a sistrum	Late 1 st c. AD	The National museum of Bosnia and Herzegovina, Sarajevo
Isis	Bostan, Croatia	Statue of Isis or her priestess from alabaster	2 nd – early 3 rd c. AD	The Museum Narona, Vid near Metković
Isis	<i>Narona</i> (Vid near Metković, Croatia)	A tombstone with Isaic features and relief with two sistrums	Roman Empire	<i>CIL</i> III.1864. The Museum Narona, Vid near Metković
Isis	<i>Salona</i> (Solin, Croatia)	The fragment of the inscription with the Isis name	Roman Empire	<i>CIL</i> III.12873
Isis	<i>Salona</i> (Solin, Croatia)	Isis statue	Late Roman Empire	Kunsthistorisches Museum, Vienna: inv. no. VI 395

Isis	<i>Salona</i> (Solin, Croatia)	Stele of <i>Iulia Restuta</i> from Salona, with Isaic features on the relief	End of 3 rd – early 4 th c. AD	The Archaeological museum, Zagreb: inv. no. 317
Isis	<i>Varvaria</i> (Bribirska Glavica, Croatia)	Altar dedicated to the goddess Isis	First half of 2 nd c. AD	The Museum of the city of Šibenik, Šibenik. Previously kept in the Lapidarium of <i>Varvaria</i> in Bribirska Glavica
Isis and Serapis	<i>Aenona</i> (Nin, Croatia)	Oil lamp with Isis and Serapis	1 st c. AD	The Archaeological museum, Zadar: inv. no. 163 (former inv. no. 4379)
Isis and Serapis	<i>Aenona</i> (Nin, Croatia)	Oil lamp with Isis and Serapis	1 st c. AD	The Archaeological museum, Zadar: inv. no. 375 (former inv. no. 878)
Isis and Serapis	<i>Municipium S.</i> (Komine near Pljevlje, Bosnia and Herzegovina)	Altar devoted to the cults of Isis and Serapis	2 nd – 3 rd c. AD	The National museum of Bosnia and Herzegovina, Sarajevo
Isis and Serapis	<i>Pharos</i> (island of Hvar, Croatia)	<i>Intaglio</i> gemma from red carnelian with a bust of Isis and Serapis	1 st – 2 nd c. AD	The Archaeological museum, Zagreb

Various manifestations of Isis cult in the region of Istria, Illyricum ...

Isis and Serapis	Unknown location in the region of Zadar, Croatia	Oil lamp from light brown terracotta	1 st c. AD	The Archaeological museum, Zadar: inv. no. 3672
Isis Fortuna	Proložac, Croatia	Bronze statuette of Isis Fortuna	First half of the 2 nd c. AD	“Zavičajni muzej”, Imotski
Isis Fortuna	Unknown site in the region of Lika, Croatia	Bronze statuette of Isis Fortuna	1 st c. AD	The Archaeological museum, Zagreb: inv. no. A4633
Isis Hathor nursing Horus or Harpocrates	Salona (Solin, Croatia)	Bronze statuette	Ptolemaic Period	The Archaeological museum Split: inv. no. H5003
Isis Hathor nursing Horus or Harpocrates	Salona (Solin, Croatia)	Bronze statuette	Ptolemaic Period	The Archaeological museum Split: inv. no. H5004
Isis Hathor nursing Horus or Harpocrates	Salona (Solin, Croatia)	Bronze statuette	Ptolemaic Period	The Archaeological museum Split: inv. no. H5005
Isis Hathor nursing Horus or Harpocrates	Salona (Solin, Croatia)	Bronze statuette	Ptolemaic Period	The Archaeological museum Split: inv. no. H5007
Isis Hathor nursing Horus or Harpocrates	Salona (Solin, Croatia)	Bronze statuette	Ptolemaic Period	The Archaeological museum Split: inv. no. H-5460
Isis Hathor nursing Horus or Harpocrates	Salona (Solin, Croatia)	Terracotta amulet	30 th Dyn. – 1 st c. AD	The Archaeological museum Split: inv. no. G-1622

<i>Isis lactans</i>	Fojnica, Bosnia and Herzegovina	A silver statuette of Isis	Not dated	It was kept in Cimeliotheca Musei Nationalis Hungarici in Budapest. It seems to be lost
<i>Isis lactans</i>	Salona (Solin, Croatia)	A sculpture of Isis with the pedestal decorated with flowers and shield	Not dated	Lost
<i>Isis lactans</i>	Unknown	An amulet pendant representing <i>Isis lactans</i>	Roman Empire	The Archaeological museum Split
Isis Thermouthis	Aenona (Nin, Croatia)	Oil lamp with a representation of crocodile, the sacred animal of Isis Thermouthis	Roman Empire	The Archaeological museum, Zadar: inv. no. 584/6
Isis Thermouthis	Aenona (Nin, Croatia)	Oil lamp with a representation of naked young boy which is riding a crocodile, the sacred animal of Isis Thermouthis	Roman Empire	The Archaeological museum, Zadar: inv. no. 597/6
Isis, Serapis, Liber, Libera, Anubis and Harpocrates	Iader (Zadar, Croatia)	Inscription dedicated to Isis, Serapis, Liber and Libera	2 nd – 3 rd c. AD	CIL III.2903. Museo lapidario Maffeiano, Verona

Table 3: Various forms of Isis cult in *Pannonia*

Manifestation of the goddess Isis	Location	Type of artefact	Dating	Museum collection
Isis	<i>Aqua Iasae</i> (Varaždinske Toplice, Croatia)	Inscription dedicated to Isis and Serapis	Discovered in 2012. 2 nd – 3 rd c. AD	<i>Aqua Iasae</i> museum, Varaždinske Toplice
Isis	<i>Poetovio</i> (Ptuj, Slovenia)	Bronze <i>tabula ansata</i> dedicated to Isis	Roman Empire	<i>CIL</i> III.15184. The Ptuj regional museum, Ptuj: inv. no. 1010
Isis	<i>Poetovio</i> (Ptuj, Slovenia)	Fragment of <i>tabula ansata</i> dedicated to Isis	Roman Empire	The Ptuj regional museum, Ptuj: inv. no. 4082
Isis	<i>Poetovio</i> (Ptuj, Slovenia)	Oil lamp with relief of Isis	Middle of 1 st c. AD	Landesmuseum Joanneum, Graz: inv. nos. 5683
Isis	<i>Poetovio</i> (Ptuj, Slovenia)	Oil lamp with relief of Isis	1 st c. AD	Landesmuseum Joanneum, Graz: inv. nos. 8310
Isis	Sesvete in Požeška valley, Croatia	Bone handle of a dagger with the carved Isis with the vulture crown	Not dated. Unpublished	The Museum of Požega
Isis	<i>Sirmium</i> (Sremska Mitrovica, Serbia)	Head of Isis or her priestess	Middle of 2 nd c. AD	The Archaeological museum, Zagreb: inv. no. A35

Isis	<i>Siscia</i> (Sisak, Croatia)	Head of Isis or her priestess	Reign of Commodus (AD 180–192)	The Archaeological museum, Zagreb: inv. no. A36
Isis	<i>Siscia</i> (Sisak, Croatia)	Jasper gem with Isis relief	1 st c. AD	The Museum of contemporary art, Zagreb: inv. no. 524
Isis and Serapis	<i>Aqua Iasae</i> (Varaždinske Toplice, Croatia)	Inscription dedicated to Serapis and Isis	Discovered in Autumn 2012. 2 nd – 3 rd c. AD	At the restoration. It will be kept in <i>Aqua Iasae</i> museum, Varaždinske Toplice
Isis and Serapis	<i>Poetovio</i> (Ptuj, Slovenia)	Altar with inscription dedicated to Isis and Serapis	Roman Empire	The Ptuj regional museum, Ptuj: inv. no. 31
Isis Augusta	<i>Poetovio</i> (Ptuj, Slovenia)	Altar with inscription dedicated to Isis Augusta	2 nd . c. AD	<i>CIL</i> III.4015. It seems to be lost
Isis Augusta	<i>Poetovio</i> (Ptuj, Slovenia)	Base of Isis statue with inscription dedicated to Isis Augusta	2 nd . c. AD	<i>CIL</i> III.4016. It seems to be lost
Isis Augusta	<i>Siscia</i> (Sisak, Croatia)	Altar with inscription dedicated to Isis Augusta	Roman Empire	<i>CIL</i> III.3944. The National museum of Slovenia, Ljubljana: inv. no. 146
Isis Augusta	<i>Siscia</i> (Sisak, Croatia)	Bronze <i>tabula ansata</i> dedicated to Isis Augusta	2 nd c. AD	The Archaeological museum, Zagreb: inv. no. A531

Various manifestations of Isis cult in the region of Istria, Illyricum ...

Isis Fortuna	<i>Aqua Iasae</i> (Varaždinske Toplice, Croatia)	Inscription with stone slab with relief of Isis Fortuna	Discovered in 2011/2012. 2 nd – 3 rd c. AD	<i>Aqua Iasae</i> museum, Varaždinske Toplice
Isis Fortuna	<i>Andautonia</i> (Ščitarjevo, Croatia)	Bronze statuette of Isis Fortuna	1 st c. AD	The Archaeological park <i>Andautonia</i> , Ščitarjevo
Isis Myrionyma	<i>Poetovio</i> (Ptuj, Slovenia)	Altar with inscription dedicated to Isis <i>Myrionyma</i>	Middle of the 2 nd c. AD	<i>CIL</i> III.4017. It was kept in Landesmuseum Joanneum, Graz, inv. no. 491. It seems to be lost
Isis with Horus	Sv. Križ, Slovenia	Bronze statuette of Isis with Horus	Ptolemaic Period	Naturalhistorisches Museum, Vienna: inv. no. 55419
Isis, Anubis and Harpocrates	<i>Emona</i> (Ljubljana, Slovenia)	Mould from terracotta with the images of Isis, Anubis and Harpocrates	4 th c. AD	Kunsthistorisches Museum, Vienna: inv. no. V2739
Isis, Serapis and Harpocrates	<i>Emona</i> (Ljubljana, Slovenia)	Mould from terracotta with the images of Isis, Serapis and Harpocrates	4 th c. AD	Kunsthistorisches Museum, Vienna: inv. no. V2738
Osiris, Nephtis and Isis	<i>Mursa</i> (Osijek, Croatia)	Egyptian stele of Pedi-Horpa-khered	Ptolemaic Period	The Museum of Slavonia, Osijek: MSO AA-2590

As we can see from the previous tables (Tables 1–3) various forms of Isis cult appeared in all regions of Istria and *Illyricum* from the 2nd c. BC until the 4th c. AD. Her cult slowly penetrated the eastern Adriatic and its inland at least from the end of 3rd c. BC, and diffused to the region of Pannonia in the 1st c. AD. Various forms of her cult, or its syncretistic forms (e.g. Isis Augusta, Isis Fortuna, Isis Hathor, Isis Myrionyma, Isis Thermouthis) reached its peak at the 2nd and early 3rd c. AD. She was commonly associated with Osiris, Serapis and Harpocrates with who she appeared on various monuments in *Illyricum*. Her sanctuaries were not yet discovered in Istria and the western Balkan region but existence of some are confirmed on various epigraphic inscriptions [*CIL* IX.338] and other archaeological remains. According to the previous historical interpretations scholars (e.g. Schmid, Saria, Selem, Suić) made hypothesis which could lead to confirmation of her sanctuaries in *Aenona*, *Iader*, *Narona* and *Siscia* but none of them are located yet [Schmid 1936, 150–157; Saria 1937, 28; Suić 1969, 87; Selem 1980, 44; Selem 1997, 176–177]. The future archaeological excavations could confirm locations of the temples in *Poetovio* and *Salona* where Iseum probably existed. Altars devoted to Egyptian or syncretistic gods were discovered at the forum in *Pola* and *Iader* which could probably confirm that such gods were worshipped there with the other Roman and Oriental gods and goddesses. In the settlements where the Egyptian temples did not exist, Orientals and other worshippers of Egyptian divinities probably worshipped their gods in small chapels in private buildings [Pinterović 1967, 53; Selem 1997, 177] or in the temples of other gods. For example, in *Nemus* in Italy worshippers of Isis shared the temple with the worshippers of Diana [Malaise 1972b, 63–65]. The Egyptian gods could be worshipped that way for example in *Pola*, *Iader*, *Narona*, *Siscia*, *Mursa* and maybe in *Aenona*.

4. Ethnic groups and the professions related with the the diffusion of various manifestations of Isis cult in Istria, Balkan and Pannonian region

According to the various epigraphic evidences we can sometime determine the group of bearers of the diffusion of the Isis cults, their occupation and in some cases to confirm their ethnic groups (e.g. Orientals, Egyptians, and Alexandrinus etc.) according their names or

other relevant sources. The epigraphic inscriptions and other archaeological sources can confirm the basic professions which were commonly connected with the diffusion of the cults of Egyptian divinities. They are: 1) sailors, 2) merchants, 3) soldiers, 4) the Roman custom and administration officials, and 5) citizens, slaves and freedmen of the unknown profession.

In the region of Istria and *Illyricum* the Romans established several transit roads: 1) *Aquileia–Emona–Siscia–Mursa–Sirmium–Singidunum–Naissus–Serдика*⁶⁰; 2) *Aquileia–Emona–Celeia–Aquincum*; 3) *Aquileia–Emona–Celeia–Savaria–Vindobona* and 4) *Aquileia–Senia–Iader–Salona–Narona–Epidaurum*. Through these roads and the main ports (*Aquileia*, *Ravenna*, *Salona*) these group of professions could easily spread the beliefs of the Egyptian divinities. The commerce and probably the first penetration of the Egyptian cults started during the 2nd c. BC, and from the 1st and the 2nd c. AD their diffusion was even more intensive. In almost every important urban and administrative centre of the Balkan region along with *Pannonia* (today in Austria and Hungary) traces of the Egyptian divinities can be found. The Egyptian cults were the most common along these important trading routes, and outside these major roads the Egyptian cults appeared very rarely. That fact is usually connected with the “level” of the Romanization of territories outside the *limes* of frequent communication and it was typical for the whole Roman Empire.

Sailors and sea merchants were commonly considered as one of the most important bearers of the Isiac cults. In my previous papers about the role of sailors and merchants in the Roman Fleets [Tomorad 2005b; Tomorad 2005c] I discussed their role so for this purpose I will only give one example from Adriatic region. At the previous mentioned inscriptions from *Auternum Vestinorum* (the 1st c. AD) *Lucius Cassius Hermodorus* was mentioned as the member of collegium *Isidis* [*CIL* IX.3338] and collegium *Serapis* [*CIL* IX.3337 = *SIRIS* 475, 677 = *RICIS* 615/0401] in *Salona*. He was a well-known Egyptian ship owner and a boatman who sailed between the two coasts of the Adriatic Sea and some other parts of the Mediterranean. Other inscription with the name seaman *Hermodorus* was found in the other regions of the Roman Empire and it was also connected with the maritime

⁶⁰ The very detailed study about the Roman roads in Southern Pannonia in: [Gračanin 2010, 9–69].

tradition of Alexandria in Egypt [CIL III.4796; Selem 1972, 86]. The other merchants connected with Isiac and the other Egyptian cults lived in this region. In *Savaria (Pannonia Superior)* there is an evidence of a merchant called *Barbarus*, probably Romanized native from *Aquileia* who had the title of pontifex in the cult of Isis [Tomorad 2005b, 447]. According to the earlier studies of V. Wessetzky [Wessetzky 1961, 20] and L. Balla [Balla 1963, 225–237] it seems that *Savaria*, as the most important centre of the cult of Isis in *Pannonia Superior*, was the centre where merchants and citizens played the role of the carriers of the Isiac cults.

So far almost every history of the Roman religion has addressed the Roman soldiers and their officers as the one of the most common profession which help the diffusion of the various Oriental (Mithras, Cybele, Jupiter Dolichenus, etc.) and the Egyptian cults all over the Roman Empire. The major military centres in *Illyricum* and *Pannonia* were stationed on the river Sava in Siscia and Sirmium, on the river Drava in *Poetovio* and *Mursa* and on the river Danube in *Vindobona*, *Carnuntum*, *Brigetio*, *Aquincum*, *Singidunum*, *Viminacium*, *Incernisa* and *Ratiaria*. These centres were also the places where Egyptian cults the most commonly appeared and where the soldiers from Oriental and North African provinces were mostly stationed [Barkóczy 1964, 285–290].

The serving soldiers and officers in the Roman legions and auxiliary troops, along with their veterans commonly worshipped Mithras, Isis and Serapis on their surviving tombstones and other commemorative inscriptions [Hofmann 1905; Schober 1923]. Some of them had family (wife and children) who also worshipped the same cults as they husbands and fathers. [Saller and Shaw 1984, 124–156]. In the region of Pannonia we can find traces of the formation of the families among the soldiers in some garrisons [Forni 1953, 216–217 (*Legio I Adiutrix*), 228–229 (*Legio X Gemina*), 230–231 (*Legio XIV Gemina*), 236 (*Legio XXX Ulpia Victrix*); Saller and Shaw 1984, 144]. Such connections can easily help the diffusion of the worship of the Oriental and the Egyptian divinities from soldier (father-husband) to his brother, sister or wife and children. Such relations were probably very common in some regions of the Empire. There are not many epigraphic inscriptions which are discovered in the territory of *Illyricum* and nearby provinces which can without doubt proved that soldiers

worshipped Egyptian cults but that does not mean that many of them exist. Soldiers surely built the Mithreum and probably never discovered Iseum in *Poetovio* [Selem 1972, 83] and they were probably connected with sanctuaries of the Egyptian divinities in *Pannonia* (e.g. Iseum in *Savaria*). The epigraphic inscription of *Cneius Pompeius Politanus* probably from the late 2nd or the early 3rd c. AD is the only military inscription found in the eastern borders of Dalmatia which could connect one of the Roman soldiers who worshipped the cult of Serapis and Isis⁶¹. It was discovered in Čačak (Serbia). In military garrison in *Teutoburgium* cornice of a sepulchral stele with a lion pairs and head of Serapis and kalathos was discovered but almost whole inscription on it is sadly lost. D. Pinterović⁶² and later P. Selem⁶³ connected it with the one of the officers of *ale II Aravacorum* (AD 85) or *ale I Civium romanorum* (AD 101 to 107) which were stationed in *Teutoburgium*. Similar monuments were found in the whole region of *Pannonia* (in Austria, Slovenia, Hungary, Croatia and Serbia). The bronze bust of Zeus Serapis (?) discovered in the same *castrum* could maybe relate to the Roman soldiers. In the northern *limes* in *Aquincum* (*Pannonia Inferior*) Egyptian and the other Oriental cults appeared from the early 2nd c. AD [Topál 2003, 269]. In *Vindobona* (*Pannonia Superior*) the epigraphic inscription document that L. Quirinalis Maximus, the military tribune of *Legio X Gemina* dedicated two inscriptions to *I. O. M. Serapidi*⁶⁴. Another military tribune *M. Porcius Verus* served in *Cohors Milliaria Hemesenorum* in *Intercisa* at the end of the 2nd or at the first half of the 3rd c. AD. He dedicated his inscription to Isis and Serapis [Alföldy 1965, 87–90].

The soldiers from the Oriental provinces of the Roman Empire were stationed along the Pannonian *limes* in garrisons in *Carnuntum*,

⁶¹ *Serapi et Isidi / Cn(eius) Pomp(eius) / Politanus / trib(unus) coh(ortis) II (mil. Delm.)* [Vulić 1948, 253, no. 494; Alföldy 1962, 280, 282–283, 294; Perc 1968, 217, no. 65; Vidman 1969, 679a; Selem 1972, 27 no. 14; Cambi 1971, 103; Selem 1997, 120 no. 7.1].

⁶² Pinterović dated it to the late 1st c. AD [Pinterović 1958, 38–40].

⁶³ Selem dated it to the early 2nd c. AD [Selem 1972, 83; Selem 1980, 23–24 no. 38; Selem 1997, 145 no. 9.6].

⁶⁴ *I. O. M. Serapidi / pro salute Imp. L. Sept. Severi / pii Pertinac. Aug. Arabici / Aiaden perthici Maximi et / Imp. M. Aureli Antonini Aug. / (i. f.) L. Quirinalis Maximus / trib. Milit. Leg. X. gem / p. f. v. s. l. L. M. CIL III.4560. I. O. M. Sarapidi idem / Maximus* [CIL III.4561].

Brigetio, Aquincum, Ulesia Castra and *Intercisa*. They often have oriental names like Faladus, Paladus, Alados, Afalados, Bassus etc. [Balla 1963, 226–229; Póczy 2002, 166, 168–169]. All of these soldiers could be the potential carriers of the Oriental and the Egyptian cults. Thanks to the past research of D. Pinterović [Pinterović 1967, 33] we know about the substantial number of Roman soldiers from Africa and eastern provinces who served their legions and auxiliary troops in *Pannonia* or who made their homes as veterans in the various towns in the region of the southern *Pannonia* (e.g. *Siscia, Marsonia, Mursa, Cibalae, Sirmium* etc.). In *Singidunum* on the border between *Pannonia* and *Moesia Superior* we find one of the veterans who dedicated his inscription to Isis⁶⁵. In the same province we find *L. Mantennius Sabinus, legatus consularis* in AD 229 who was the son of the prefect of Egypt in AD 193–194 [Stein 1940, 96]. We cannot prove that he or his family helped the diffusion of the Egyptian cults, but such possibility surely exists.

The epigraphic sources well document the very common worship of the Oriental and Egyptian cults among the various kind of the Roman bureaucracy. Near the borders of the provinces we could find custom officials which served in stations of *Publicum Portorii Illyrici*. Such custom stations were placed along the eastern region of Alps, along the coast of the eastern Adriatic shores and along the great rivers Sava, Drava and Danube in Pannonian region. The lower ranked Roman custom officials, usually freedmen and slaves, worked in these stations commonly worshipped Serapis, Isis and various other Oriental cults. The biggest number of inscriptions related with the Oriental cults in this region was discovered along the roads which went from *Aquleia* to *Poetovio* and *Senia*. In *Poetovio* couple of inscriptions dedicated to Isis and Serapis which were related with the Roman custom officials were found. Dedicand of the first inscription⁶⁶

⁶⁵ *D[ea]e (vel Isidi) Nor[e]ia[e] sacrum p[r]o s[al]u[e] d(ominorum) n(ostrorum) Diocleti[an] i et Maximiniani Aug(ustorum) ordo[a]m[pl] is[s(imus)?] co[l]l(oniae)] S[ing(iduni)] per M(arcos) Aur(elios) ... et Ssostonem II viros, curante Simplicio vet(erano), d(ominis) n(ostris) Diocletiono [III] et Ma[x]imiano Aug(ustis) cos [CIL III.1660].*

⁶⁶ *Isidi / Aug(ustae) / Sacrum / Marti/alis / Firmini / Q. Sabini / Verani / t(ertiae?) p(artis?) / conduc(toris) / portori / Illyrici / ar[k]ari vic(arius) / voto / suscepto / d(onum) d(at) / sac(erdotibus) T. Fl(avio) / Martiale/et Fl(avio) Marul(lino) fil(io) [CIL III.4015].*

was *Martialis* who worked as *vicarius arcarius* of *Q. Sabinius Veranus*, who was one of the three lease-holders (*conductores*) of *portori Illyrici* in *Poetovio* [Selem 1972, 72; Selem 1997, 128, no. 8.7] during the reign of Emperor Antonini Pius. The other two were *A. Caius Antoninus Rufius* and *Titus Julius Saturninus* [Selem 1972, 74]. He dedicated this inscription to Isis Augusta during the time when Isaic priests in *Poetovio* were *Titus Flavius Martiale* and his son *Flavio Marullino*. This is also the only document which could prove the existence of the Isaic sanctuary in *Poetovio*. *Fructus, Servus vilicus* [Selem 1972, 72; Selem 1997, 128 no. 8.7] of the same *Q. Sabinius Veranus*, dedicated another inscription from *Poetovio* to Isis *Myrionimae*⁶⁷.

In the first half of the 3rd c. AD, during the reign of Alexander Severus, *Epaproditus tabularius dispensator* in *Poetovio* dedicated another inscription to *Serapi Augusto*⁶⁸. The Oriental name *Epaphroditus*, both *conductoris*, are known from other two inscriptions. The first was found in *Poetovio* [CIL III.15184] and the second in *Nicopolis ad Istrum* [CIL III.7434] in *Moesia Inferior*. The last epigraphic document from *Poetovio* is *tabula ansata* with inscription from *Apollinaris*, who was probably the slave, and who dedicated it to Isis⁶⁹. We found another custom official with the name *Apollinarius* in *Dacia*. He also dedicated one inscription to Isis [CIL III.7837]. Was he the same one as *Apollinarius* from *Poetovio* is hard to determine but for sure this inscription well document the popularity of the Isis cult among custom officials. *Sarmentius Geminus* dedicated one inscription from *Senia* to *Serapis*⁷⁰. P. Selem made hypothesis that he was the Oriental slave who worked in custom station in *Senia* according to the fact that the main other dedicands of the gods Mithras, Serapis and the goddess Isis in this region were custom officials [Selem 1972, 74]. Selem also connected the Orientals from *Aquileia* and *Tergeste*, the probably the most important centres of the Oriental cults in the northern Adriatic region, with northern *Dalmatia*. He also determined one of the probable ways of diffusion of Egyptian cults during the 2nd

⁶⁷ [Is]idi / [Mi]rrio[ny]mae / [pro] Fructo / [Sabi]ni Verani / [co]nduct(oris) [CIL III.4017].

⁶⁸ Serapi / Aug(usto) / sacrum / Epap(h)roditus / Alexandri / Aug(usti) disp(ensatoris) / tabularius / v(otum) s(olvit) l(iebens) m(erito) [CIL III.4044].

⁶⁹ Apollinar(is) / Isid(i) v(otum) s(olvit) l(ibens) m(erito) [CIL III.15185].

⁷⁰ Sarmentius / Geminus / Sarapidi deo sancto [CIL III.15092].

and the 3rd c. AD which went from *Aquileia*, through *Tergeste* and *Senia* to the north to *Poetovio* or along the coast of east Adriatic to the south [Selem 1972, 74–77]. In the other important stations in this region (*Salona*, *Aequum*, *Siscia*, *Sirmium*) none inscription dedicated to the Egyptian cults were found. But we found one more inscription in Guberevac (*Moesia Superior*) near the *limes* of the three Roman provinces (*Pannonia Inferior*, *Moesia Superior* and *Dalmatia*) where the person with theophoric name *Ision* served as *servus villicus* of *vertigal Illyricum* [CIL III.8163]. In this small station one bronze statue of Isis Fortuna was also discovered which could prove the worship of the Isiac cults in that region. P. Lisičar stated that it was found in 1956 [Lisičar 1961, 129–130]. It seems that he was wrong and that it was found two years earlier in 1954 and that it was bought for the museum during the same year⁷¹.

Along with the various custom officials the worship of the Oriental and Egyptian cults was very popular among the higher ranked public officials. During their lifetime they often served in various regions and provinces of the Roman Empire usually as procurators or *legatus Augusti pro praetore*. During the 2nd c. AD several *legatus* served before and after their service in Africa, Syria, and the other Oriental provinces in Pannonia⁷². According to V. Wessetzky *legatus Augusti pro praetore* called *Avitianus* worshipped Neptun Serapis in *Pannonia Inferior* in the early 3rd c. AD⁷³. His inscription was discovered in Csiv near Vörösvar in Hungary. This unnamed *legatus* was according to the studies of G. Alföldy and V. Wessetzky later identified as *Avitianus* who also served in Rome in AD 218 [Wessetzky

⁷¹ Today it is kept in the National museum in Beograd, inv. no. 2778/III. It was also mentioned by Veličković [1972, 62 no. 92], and Anđelković [1991, 68 fn. 22]. I would like to thank my colleague *Branislav Anđelković* from the Department of Archaeology, Faculty of Philosophy at the University of Beograd for this valuable information.

⁷² E.g. *P. Afranius Flavius*, *Q. Marcius Turbo Gallonius Fronto Pulicius Severus Iulius Priscus*, *M. Nonius Macrinus*, *C. Vettius Sabinianus*, *Claudius Maximus*, *M. Pontius Laelianus*, *C. Vettius Sabinianus*, *Julius Fidus Aquila*, *T. Claudius Xenophon* during the 2nd c. AD [Stein 1944, 14–16, 31, 78–79; Fitz 1963, 249–253, 258–259, 306–311, 318–319, 322–324].

⁷³ *Iovi Optimo M. / Neptuno Serapi(di) / pro salute victoria / et perpetuitate / Imp. Caesaris / M. Aureli ... p. Fellicis Aug ... / ... us Antianus (leg) / eius pr. Prov. Pann. Inf* [CIL III.3637].

1961, 51–52]. This last example can prove the possibility that some of previously mentioned public officials, which served in *Pannonia* could be introduced into the Isaic mystery cults during their service in Africa, Egypt and the East and that later they could carry their new religion to *Illyricum* and *Pannonia*.

In *Poetovio Caius Ulpus Aurelius Gaianus* who might serve as *praefectus vehiculorum* dedicated the inscriptions to Isis and Serapis⁷⁴. This inscription was discovered in Spojdna Hajdina in Ptuj at November 26, 1936 [Saria 1937, 23, no. 7]. B. Saria compared this inscription with two completely the same inscriptions from *Virinum* [CIL III.4802] and *Mediolanum* [CIL V.5797] which were dedicated by *Ulp. Gaianus* who as *praefectus vehiculorum* made these inscriptions. *Ulp. Gaianus* might be the same from *Poetovio* the one which in AD 167 served as *iuridicus Alexandriae* [Saria 1937, 23; Selem 1972, 80–81]. In *Virinum (Noricum)* another public officials *Q. Septueius Clementis, Ti. Claudius Heraclaea, Cn. Octavius Secundus* and *Q. Septueius Valens*, which served as *conductoris ferariarum* in *Noricum* dedicated their inscription to Isis [CIL III.4809]. The dating of these inscriptions in the middle of the 2nd c. AD seems to be right. This interesting hypothesis could prove my own hypothesis that the various public officials could diffused the Isaic cults to the western Balkan provinces and *Pannonia* directly from Egypt.

At the eastern borders of Dalmatia in *Municipium S.* we find altar with inscription dedicated to Isis and Serapis⁷⁵. It was created by the *curator rei publicae Marcus Ulpus Gellianus* who served in at least five places in Dalmatia (*Arbensium, Metlensium, Splonistarum, Malvesatium* and *Municipium S.*) [Sergejevski 1940, 20–22 no. 4]. This inscription was dated from in the 2nd c. AD to the early 3rd c. AD. In *Ephesus* we found very interesting *procurator T. Claudio T. f. Pappiria Xenophonti* who served as *procurator* in Africa, Asia, *Illyricum (Moesia Inferiorum, Pannonia, and Dalmatia)*, Dacia and Egypt [CIL III.6575]. He could easily spread Egyptian cults to every place where he served if he worshipped Isaic cults; sadly there is no evidence of that. In *Pola* we find an inscription dedicated to Isis from *Lucius*

⁷⁴ *C(aius) Ul(pius) Aur(elius) / Caianu[s] / I(sidi) V(ictrici) et Ser(apti) / pro salu[te] / [s]ua suorum[q(eue)] / omniu[m] / v(otum) s(olvit) l(ibens) m(erito).*

⁷⁵ *Serapidi / et Isidi M(arcus) / Ulp(ius) Gellia/nus eq(ues) r(omanus) / cur(ator) Arben/si(um) Metlensi(um) / Splonista(rum) / Malvesari(um).*

Valerius Memor (Isidi sacrum ex monit eius d(ono) d(edit) L(ucius) Valerius Memor VI vir Aug(salis) l(ocus) d(atus) p(ublice)) who served as the priest of the cult of Augustus [CIL V.265]. One of the other possible carriers of the diffusion could be the *T. Aurelius Calpurnianus Apollonides* who served as *procurator* in *Alexandria*, *Egypt*, *Histria*, *Dalmatia*, *Thracia* and *Moesia Inferior* in the middle of the 2nd c. AD [Stein 1940, 113].

During the period of the Romanization of *Illyricum* some natives started to worship the cult of Egyptian goddess Isis. In some cases, their affection and worship for the new goddess is only present in artistic presentation of Isaic sistrum⁷⁶. Sadly inscriptions in many cases do not give any information about their profession. Such inscriptions were discovered in *Galežana*⁷⁷, *Pola*⁷⁸, *Senia*⁷⁹, *Iader*⁸⁰, *Varvaria*⁸¹, *Salona*⁸², *Poetovio*⁸³. The similar inscriptions can be found in nearby surrounding provinces and regions (the Hungarian parts of *Pannonia Inferior* and *Pannonia Superior*, in *Noricum* and the *Italian Regio X*).

⁷⁶ *T. Flavio Blod f(ilio) / Plasso patri pientissimo an(no) L / et Flaviae Tattae matri / an(no) XXXX bene meritae / et Flavio Epicado fratri / anno XII et. T. Flavio Laedion / aed(ile) IIII vir(o) i(ure) d(icunod) Narona Laedio f(ecit) vivi sibi et s(uis) f(illius)*. Inscription from *Bigeste* [Sergejevski 1947, 16–17].

⁷⁷ *[I]sidis inprio Q(uintus) Lutatius Iucundus* [CIL V.10].

⁷⁸ *Isidi / Aug(uste) sac(rum) / v(otum) s(olvit) l(ibens) m(erito)* [Mlakar 1957, 455].

⁷⁹ *Sarmentius / Geminus / Sarapidi deo sancto* [CIL III.15092].

⁸⁰ *Isidi Serapi Liber[o] / Liberae voto / suscepto pro salute / Scapulae filii sui / P. Wuinctius Paris / s(olvit) l(ibens) m(erito)* [CIL. III.2903].

⁸¹ *Isidi / sac(rum) / Raecia Mar/cella* [Kuntić-Makvić 1982, 151].

⁸² *D(is) M(anibus) / Aur(elio) Satrio / qui vixit a/m(os) VIII m(enses) IIII / et Aur(elianae) Max(imae) quae vi/cit ann(os) VI m(enes) III fili(i)s piisimis Aur(elius) Flav(us) et Cer(ēs) par(entes) et Is(idis) Vic(tricis) Ur(aniae?) et Sa(rapidis) Con(servatoris) alum(n)is s(u)is P(ublicus) Hipetius et* [CIL III.8921]. *[c]o(n)i/ugi bene me/renti L(ucius) Ul(p)iu(s) / Serafio* [Bulić 1910, 30].

⁸³ *Isidi / Aug(ustae) / signum / cum bas(i) / Victorin(us) / ex voto / posuit* [CIL III.4016]. *Apollinar(is) / Isid(i) v(otum) s(olvit) l(ibens) m(erito)* [CIL III.15184]. *Is[idi] / Val(erius) A[...]/ P(ublicus) [M...]. IlJug 271* and *Siscia [Isi(idi) / Aug(ustae) ... / P. Anton(inus) ... / .. n ..* [CIL III.3944]. *Isidi Aug(ustae) / sac(rum) Vol(cenia) / Maxima / ex vi(su) vo(tum) so(lvit) l(aeta) l(ibens) m(erito)* [IlJug 531].

The previously mentioned theophoric names also proved valuable information about the existence of the popularity of the cults of Isis and Serapis among the population who lived in the cities and surrounding ager. These theophoric names commonly used in Egypt (e.g. *Apion, Serapion, Serapia*, etc.) does not have to prove the ethnicity of their owners like some older scholars thought in their works. Thylander and Alföldy both connected the persons with the names Serapio, Serapion etc. with the persons who came from Egypt [Thylander 1952, 161; Alföldy 1969, 189, 195 fn. 191]. Some sources (e.g. bronze statues of Isis and Serapis from *Salona* or marble statue of Isis from *Aenona*) were previously mentioned in the context of the possible sanctuaries in *Salona* and *Aenona* but there is also possibility that they could be linked with the wealthier higher classes of the Roman citizens who lived in those cities. Of course, that cannot be proved but that is likely possible. Other bronze statuettes of the Egyptian gods and goddesses were commonly found in almost in every city in this region which can prove that Egyptian cults were very popular among citizens in the cities. The recently discovered inscriptions, statuettes and other monuments from *Andautonia, Aquae Iasae, Križevci, Koprivnica, and Požega* etc. proved that the Egyptian cults were even more popular in the northern Croatia that it was previously thought.

5. Sanctuaries of Isaic cults in Istria, Illyricum and Pannonia

The sanctuaries of the Egyptian gods and goddesses are rarely archaeologically documented at the territory of the western Balkan and Pannonia. The best known Iseum in Pannonia was discovered in the middle of 1950's in *Savaria* (today Szombathely in Hungary) on the Danube limes of the Roman Empire. According to the latest research it was probably erected during the 2nd c. AD⁸⁴. In 2002 another Iseum was discovered in *Scarbantia* (today Sopron in Hungary) in the area later occupied by the Benedictine (former Franciscan) Monastery [Mráv and Gabrieli 2011, 201–238]. In many other cases later Christian churches and monasteries were built in the area of previous pagan shrines and sanctuaries so the example from Sopron is one of good examples for such practice. In very important military base

⁸⁴ *Iseum Savariense*: <http://www.iseumsavariense.hu/hu/a-savariai-iseum>, May 2, 2016. The recent studies about Iseum in Savaria see: [Mezős 2002, 129–145; Sosztarits 2002, 163–172; Szentlélek 2002, 193–199].

camp in *Carnuntum* Egyptian sanctuary has not yet been discovered but it surely existed at least the sanctuary of Serapis and maybe another of Isis. According to the research of the monumental building inscription from the reign of Caracalla (AD 213) it has been proven that an organized collegium of Egyptian deities existed in *Carnuntum* [Weber 1985, 649; Jobst 1998, 38]. Similar shrines or temples were according to the research by L. Bricault erected in more than 210 other cities of the Roman Empire [Bricault 2005, 256–257]. The common sanctuaries such as Iseum and Serapeum are not yet discovered in Istria and the western Balkan region but existence of some are confirmed. In previous historical interpretations historians made hypothesis which could lead to confirmation of sanctuaries of Egyptian gods in *Aenona*, *Iader*, *Salona*, *Narona*, *Siscia* and *Poetovio* but none of them are located yet. The future archaeological excavations could confirm locations of the temples in *Poetovio* and *Salona* where *Iseum* and maybe *Serapeum* probably existed. The epigraphic inscription from *Poetovio*⁸⁵ confirms the existence of the Isaic priests *T. Flavio Martiale* and his son *Flavio Marullino* in the first half of the 2nd c. AD. In 1935 very unusual W-building was discovered in Spodnja Hajdini on the outskirts of ancient *Poetovio*. The central room of this building with dimensions 10 × 5.75 m is surrounded by the three corridors 2.80 × 3.75 m wide. In the first publication of these findings W. Schmid made hypothesis about the temple of Jupiter as part of forum of *Poetovio* [Schmid 1936, 150–157]. In 1937 B. Saria ruled out previous hypothesis and made the new one about the temple of Isis, the possible Iseum [Saria 1937, 28]. This badly preserved remains seem to be are very similar to the Iseum in *Pompeii* [Malaisse 1972, 239–242]. In 1936 interesting altar with inscription dedicated to *Isidi Victrici et Serapi* was discovered very close to the location of possible Egyptian temple [Ptuj: Ptuj regional museum, 31; *IlJug* 269] that discovery allowed P. Selem to confirm existence of the temple of Isis and Serapis around Spodnja Hajdina in *Poetovio* [Selem 1980, 44; Selem 1997, 176–177]. Was this temple the place where *T. Flavio Martiale* and his son *Flavio Marullino* were priests of Egyptian divinities? For now, it

⁸⁵ *Isidi / Aug(ustae) / Sacrum / Marti / alis / Firmini / Q. Sabini / Verani / t(ertiae?) p(artis?) / conduc(toris) / portori / Illyrici/ar[k]ari vic(arius) / voto / suscepto / d(onum) d(at) / sac(erdotius) T. Fl(avio) / Martiale / et Fl(avio) Marul / lino fil(io) [CIL III.4015].*

is hardly to confirm that hypothesis. The epigraphic documents from Pescara⁸⁶ confirm the existence of the sanctuaries of Isis and Serapis in Salona during the 1st or the 2nd c. AD. On them the ship owner *Lucius Cassio Hermodoro* was mentioned as the member of the Serapis and Isis collegium in *Salona*. At the territory of *Salona* and the surrounding area of the Middle Dalmatia the considerable number of Egyptian artefacts was discovered along with the statues or statuettes of Isis, Serapis and other Egyptian divinities. They were probably connected with the worshippers of the collegiums of the Egyptian divinities in *Salona*. The two bronze statues of Isis and Serapis were found in 1820 probably somewhere near the location of these temples⁸⁷. Sadly, exact location of these findings is not known.

The statue of Isis from white marble dated to the 1st c. AD probably stood in some temple in *Aenona*⁸⁸. Was that Iseum, or some temple dedicated to various gods is very hard to confirm. The documentation of the location of this monument is very poor and we do not have the information of the exact location where it was discovered during the 19th century. M. Gorenc connected it with *Augusteum* near the *Aenona* forum [Gorenc 1952, 51]. M. Suić made hypothesis about the existence of the possible temple outside the city near the sea [Suić 1969, 87]. In the last fifty years none new archaeological evidence was discovered which could confirm the existence of Isis temple in *Aenona*. In nearby *Iader* several Egyptian divinities were worshipped but for now we cannot confirm the existence of the real temple. Altars devoted to Egyptian or syncretistic gods were discovered at the forum in *Pola* and *Iader* which could probably confirm that such gods were worshipped there with the other Roman and Oriental gods and goddesses.

⁸⁶ *L. Cassio Hermodoro nauclero / qui erat in collegio / Serapis Salon(itano). Per // freta, per maria tra / iectus saepe per und(as) / qui non debuerat/obitus remanere / in Atern(o), set mecum // coniunx si vivere / nolueras, at Styga / perpetua val rate / funerea utinam / tecu(m) comitata // fuisse(m). Ulpia Candi / da domu Salon(itana) con(iugi) / b(ene) m(erenti) p(osuit) [CIL IX.3337]. Atern(i?) qui fuit in colle(egio) Isid(is) [CIL IX.3338].*

⁸⁷ Wien: Kunsthistorisches Museum, VI.395 [Drexler 1890, 41–42; Selem 1997, 70–73, nos. 2.5 and 2.6].

⁸⁸ Zagreb: Archaeological museum, Antique Department, 34.

In the settlements where the Egyptian temples were not built the cults were probably worshipped in small chapels in private buildings [Pinterović 1967, 53; Selem 1997, 177] or in the temples of other gods, e.g. in *Nemus* in Italy worshippers of Isis shared the temple with the worshippers of Diana [Malaise 1972, 63–65]. The Egyptian gods could be worshipped that way for example in *Pola*, *Iader*, *Narona*, *Siscia*, and *Mursa* and maybe in *Aenona*.

REFERENCES

Alföldy G. (1962), “Die Auxiliartuppen der Provinz Dalmatien”, *Acta archaeologica Academiae Scientiarum Hungaricae*, Vol. XIV.3-4, pp. 259–96.

Alföldy G. (1965), “Ein Denkmal des Serapis-Isis-Kultes in Pannonien”, *Bulletin du Musée István Királym Alba Regia*, Vol. 4/5, pp. 87–90.

Alföldy G. (1969), *Die Personnamen in der römischen Provinz Dalmatia*. Heidelberg.

Anđelković B. (1991), “Arheološki materijal bliskoistočnog porekla u Srbiji”, *Glasnik Srpskog arheološkog društva*, Vol. 7, pp. 67–77.

Balla L. (1963), “Östliche ethnische elemente in Savaria“, *Acta archaeologica Academiae Scientiarum Hungaricae*, Vol. XV.1-4, pp. 225–37.

Barkóczy L. (1964), “The population of Pannonia from Marcus Aurelius to Diocletian”, *Acta archaeologica Academiae Scientiarum Hungaricae*, Vol. XVI, pp. 285–90.

Bricault L. (2005) “Iseum et Serapeum”, in *Thesaurus cultus et rituum antiquorum (ThesCRA) IV: Cult places representation of cult places*, Los Angeles, pp. 251–59.

Bresciani E. (1997), “La Iside di Medinet Madi”, in E. A. Arslan (ed.), *Iside, il mito il misterio e la magia*, Milano, pp. 37–41.

Brunšmid J. (1897), “Nekoliko našašća novaca na skupu u Hrvatskoj i Slavoniji V. Našašće italskih i afrikanskih novaca u Mazinu”, *Vjesnik hrvatskog arheološkog društva*, n.s. Vol. II, pp. 42–103.

Budischovsky M.-Chr. (1977), *La Diffusion des cultes isiaques autour de la mer Adriatique, I. Inscriptions et monuments*, Leiden.

Bugarski-Mesdjian A. (2004), “Les cultes Orientaux en Dalmatie Romaine”, *Vjesnik za arheologiju i historiju dalmatinsku*, Vol. 96, pp. 563–718.

Bulić F. (1910), “Escavi nella necropoli antica pagana di Salona detta Hortus Metrodori negli anni 1909. e. 1910”, *Bullettino di archeologia e storia Dalmata*, Vol. XXXIII, p. 30.

Cambi N. (1971), “Nove potvrde egipatskih kultova u antičkoj provinciji Dalmaciji”, *Vjesnik za arheologiju i historiju dalmatinsku*, Vol. LXV–LXVII, pp. 85–107.

Cambi N. (1993), “Stele iz kasnoantičke grobnice u Dugopolju”, *Vjesnik za arheologiju i historiju dalmatinsku*, Vol. 86, pp. 147–81.

Cambi N. (2002), *Antika*. Zagreb.

Drexler W. (1890), *Mythologischen Beiträge. Heft 1. Des Cultus der ägyptischen Gottheiten in den Donauländer*. Leipzig.

Džin K. (2001), “Egipatske votivne figurice u lararijima”, in K. Džin (ed.), *Egipatska religija i antička Istra*, Pula, pp. 18–21.

Fitz J. (1963), “Legati Augusti pro praetore Pannoniae Inferioris”, *Acta Antiqua Academiae Scientiarum Hungaricae*, Vol. XI.3-4, pp. 245–324.

Forni G. (1953), *Il reclutamento delle legioni da Augusto a Diocleziano*. Milano – Roma.

Giunio K. A. (2002), “Egyptian Gods on the Eastern Adriatic Coast”, in H. Györy and Z. Mráv (eds.), *Aegyptus et Pannonia I – Acta Symposii anno 2000*, Budapest, pp. 21–63, pl. 3–17.

Gorenc M. (ed.) (1952), *Antikna skulptura u Hrvatskoj*, Zagreb.

Gračanin H. (2010) “Rimske prometnice i komunikacije u kasnoantičkoj južnoj Panoniji”, *Scrinia Slavonica*, Vol. 10, pp. 9–69.

Hart G. (2005), *The Routledge Dictionary of Egyptian Gods and Goddesses*. London – New York.

Hoffiler V. and Saria B. (1938), *Antike Inschriften aus Jugoslawien I: Noricum und Pannonia Superior (IlJug)*, Zagreb.

Hofmann H. (1905), *Römische Militärgrabsteine der Donauländer*, Wien.

Jobst H. (1998), “The cult of the Oriental deities in Carnuntum”, in F. Jenő (ed.), *Religions and Cults in Pannonia*, Szekesfehervár, pp. 37–42.

Jurkić-Girardi V. (2001), “Egipatska religija i antička Istra”, in K. Džin (ed.), *Egipatska religija i antička Istra*, Pula, pp. 5–17.

Jurkić-Girardi V. (2005), *Duhovna kultura antičke Istre, knjiga I: Kultovi u procesu romanizacije antičke Istre*, Zagreb.

Katić M. (2002), "Greeks and the hinterland of western Balkans", in N. Cambi, S. Čače and B. Kirigin (eds.), *Grčki utjecaji na istočnoj obali Jadrana*, Split, pp. 423–33.

Lisičar P. (1961), "Isis–Fortuna spomenici o kultu Izide, Fortune i Izide–Fortune u našoj zemlji", *Starinar Srpske akademije nauka*, n. s. Vol. XII, pp. 125–132.

Kuntić-Makvić B. (1982), "Žrtvenik iz Varvarije posvećen božici Izidi", *Arheološki radovi i rasprave*, Vol. VIII–IX, pp. 151–57.

Malaisse M. (1972a), *Les conditions de pénétration et de diffusion des cultes égyptiens en Italie*, Leiden.

Malaisse M. (1972b), *Inventaire préliminaire des documents égyptiens découverts en Italie*. Leiden.

Marin E. (2002), "Novi helenistički nalazi iz Salone i Narone", in N. Cambi, S. Čače and B. Kirigin (eds.), *Grčki utjecaji na istočnoj obali Jadrana*, Split, pp. 415–21.

Matijašić R. (2009) *Povijest hrvatskih zemalja u antici do cara Dioklecijana*, Zagreb.

Mezős T. (2002), "A new concept for the Reconstruction of the Iseum of Szombathely", in H. Györy and Z. Mráv (eds.), *Aegyptus et Pannonia 1 – Acta Symposii anno 2000*, Budapest, pp. 129–45.

Mihovilić K. (2012), "Grčki i helenistički nalazi u Istri i Kvarneru", in N. Cambi, S. Čače and B. Kirigin (eds.), *Grčki utjecaji na istočnoj obali Jadrana*, Split, pp. 499–519.

Mirnik I. (1981), "Coin Hoards in Yugoslavia", *British Archaeological Reports* 95, pp. 36–49.

Mirnik I. (1982), "Skupni nalazi novca iz Hrvatske III: Skupni nalaz afričkog brončanog novca i aes rude iz Štikade", *Vjesnik Arheološkog muzeja u Zagrebu*, 3. s. Vol. XV, pp. 149–167, tab. 1–6.

Mirnik I. (1987), "Circulation of North African etc. currency in Illyricum", *Arheološki vestnik*, Vol. 38, pp. 369–92.

Mlakar Š. (1957), "Neki novi antikni nalazi u Istri", *Jadranski zbornik* 2.

Mráv Z. and Gabrieli G. (2011), "A Scarbantiai Iseum és feliratos emlékei", *Arrabona*, Vol. 49/1, pp. 208–13.

Perc B. (1968), *Beiträge zur Verbreitung ägyptischer Kulte auf dem Balkan und in den Donauländern zur Römerzeit (mit besonderer Berücksichtigung des Quellenmaterials aus dem Gebiet des heutigen Staates Jugoslawien)*, [PhD dissertation], München.

Pinterović D. (1958), "Novi i neobjavljeni rimski spomenici s terena Murse i okolice", *Osječki zbornik*, Vol. VI, pp. 23–61.

Pinterović D. (1967), "Mursa u svjetlu novih izvora i nove literature", *Osječki zbornik*, Vol. XI, pp. 23–66.

Póczy K. (2002), "Veränderungen des Hintergrundes der Ägyptischen Kulte in Pannonien im 1.-4. Jahrhundert", in H. Györy and Z. Mráv (eds.), *Aegyptus et Pannonia 1 – Acta Sympsii anno 2000*, Budapest, pp. 163–72.

Puschi A. (1914), "Nesazio. Scavi degli anni 1906, 1907 e 1908", *Atti e memorie della Societa istriana di archeologia e storia patria*, Vol. 30, pp. 3–75.

Saller R. S. and Shaw B. D. (1984), "Tombstones and Roman family relations in the Principate: Civilians, Soldiers and Slaves", *The Journal of Roman Studies*, Vol. LXXIV, pp. 124–56.

Saria B. (1937), "Spomeniki egiptovskih božanstev v Poetoviju", *Časopis za zgodovino in narodopisje*, Vol. XXXII, pp. 20–28.

Schmid W. (1936), "Poetovio. Raziskavanja Muzejskeg društva v Ptujju 1935", *Časopis za zgodovino in narodopisje*, Vol. XXX/3, pp. 150–57.

Schober A. (1923), *Die römischen Grabsteine von Noricum und Pannonia*, Wien.

Selem P. (1971), "Boginja s tisuću imena – Neki aspekti pojave egipatskih bogova u dalmatinsko-panonskom krugu", *Hrvatski znanstveni zbornik*, Vol. 1, pp. 291–332.

Selem P. (1972), "Egipatski bogovi u rimskom Iliriku", *Godišnjak Centra za balkanološka ispitivanja*, Vol. IX, pp. 7–104.

Selem P. (1980), *Les religions orientales dans la Pannonie Romaine. Partie en Yougoslavie*, Leiden.

Selem P. (1997), *Izidin trag: egipatski kultni spomenici u rimskom Iliriku*, Split.

Sergejevski D. (1940), "Rimski natpisi novi i revidirani", *Glasnik Zemaljskog muzeja Nezavisne Države Hrvatske u Bosni i Hercegovini*, Vol. LII, pp. 15–26.

Sergejevski D. (1947), *Vodič po zbirci kamenih spomenika Zemaljskog muzeja u Sarajevu*, Sarajevo.

Soszarits O. (2002), "Topographische und chronologische Problemen des Iseums von Savaria", in H. Györy and Z. Mráv

(eds.), *Aegyptus et Pannonia I – Acta Sympsi anno 2000*, Budapest, pp. 163–72.

Stein A. (1940), *Die Legaten von Moesien*, Budapest-Leipzig.

Suić M. (1969) “Antički Nin (Aenona) i njegovi spomenici”, *Radovi Instituta JAZU u Zadru*, Vol. 16–17, pp. 61–104.

Szentléleky T. (2002), “Einige wichtige Fragen im Zusammenhang mit der Bearbeitung des Iseums von Savaria”, in H. Györy and Z. Mráv (eds.), *Aegyptus et Pannonia I – Acta Sympsi anno 2000*, Budapest, pp. 193–99.

Šešelj L. (2009), *Promunturium Diomedis: Svetište na rtu Ploča i jadranska pomorska trgovina u helenističkom razdoblju*, [PhD Dissertation], Zadar.

Šišić F. (1925), *Povijest Hrvata u vrijeme narodnih vladara*, Zagreb.

Thylander H. (1952), *Étude sur l'épigraphie Latine*, Lund.

Tiradritti F. (1998), *Isis, the Egyptian goddess who conquered Rome*, Cairo.

Tomorad M. (2003), *Egipat u Hrvatskoj – egipatske starine u hrvatskoj znanosti i kulturi*, Zagreb.

Tomorad M. (2005a), “The Egyptian antiquities in Croatia”, *PalArch* Vol. 2.1, pp. 1–33.

Tomorad M. (2005b), “Egyptian cults in major Roman fleets”, in M. Šegvić and I. Mirnik (eds.), *Illyrica antiqua – ab honorem Duje Rendić-Miočević*, Zagreb, pp. 441–50.

Tomorad M. (2005c), “Egyptian cults of Isis and Serapis in Roman Fleets”, in A. Amenta, M. M. Luiselli and M. N. Sordi (eds.), *L'acqua nell'antico Egitto: vita, rigenerazione, incantesimo, medicamento – Proceedings of the First International Conference for Young Egyptologists (Chianciano Terme, 15–18 October 2003)*, Roma, pp. 241–53.

Tomorad M. (2005d), “Egyptian artefacts in the Archaeological museum of Istria in Pula (Croatia)”, *Journal of Egyptological Studies*, Vol. 2, pp. 43–58.

Tomorad M. (2014), “Egipat od rimskog i bizantskog razdoblja do arapskih osvajanja (30. godina pr. Kr.-645. godina) – Egypt during the Roman and Byzantine period until the Arab conquest (30 BC–AD 645)”, *Prilozi Instituta za arheologiju*, Vol. 31, pp. 239–50.

Tomorad M. (2015a), “The early penetration of Ancient Egyptian artifacts and dissemination of the cults of Egyptian divinities in Istria and Illyricum (1st millennium BC – 1st century AD)”, M. Tomorad (ed.), *A History of Research into Ancient Egyptian Culture Conducted in Southeast Europe*, Oxford, pp. 167–200.

Tomorad M. (2015b), “The end of Ancient Egyptian religion: The prohibition of paganism in Egypt from the middle of the 4th to the middle of the 6th century AD”, *The Journal of Egyptological Studies*, Vol. IV, pp. 147–64.

Tomorad M. (2016), “The phases of penetration and diffusion of Egyptian artefacts and cults in the region of Istria and Illyricum (from the 7th c. BC to the 4th c. AD)”, in H. Györy (ed.), *Aegyptus et Pannonia V*. Budapest, pp. 185–226, pl. 69–81.

Tomorad M. (2017), “The Ancient Egyptian shabtis discovered in the regions of Roman Illyricum (Dalmatia, Pannonia) and Istria: provenance, collections, typological study and dating”, in G. Rosati, and M. C. Guidotti (eds.), *Proceedings of the XI International Congress of Egyptologists, Florence Italy 23–30 August 2015*, Archaeopress, Oxford, pp. 650–55.

Tomorad, M. (2018), “Ancient Egyptian collection of the Franciscan Monastery at the island of Košljun: A case study of the possible evidence of the earlier penetration of the Ancient Egyptian artefacts in Illyricum”, in M. Milićević Bradač, and D. Demicheli (eds.), *The Century of the Brave: Roman conquest and indigenous resistance in Illyricum during the time of Augustus and his heirs – Proceedings of the International Conference, Zagreb, 22–26. 9. 2014*, Zagreb, pp. 397–405.

Topál J. (2003), “Ägyptische und Orientalische Götter und Kulte”, in C. Póczy (ed.), *Forschungen in Aquincum 1969–2002, Aquincum Nostrum* Vol. 2, Budapest, pp. 274–83.

Truhelka Ć. (1889), “Afrikanski novci od tuća, nađeni na Vrankamenu kod Krupe”, *Glasnik Zemaljskog muzeja u Bosni i Hercegovini*, Vol. I, pp. 38–43.

Veličković M. (1972), *Rimska sitna bronzana plastika u Narodnom muzeju. Antika*, Beograd.

Vidman L. (1969), *Sylloge inscriptionum religionis Isacae et Sarpiae* (SIRIS), Berlin.

Vulić N. (1948), “Antički spomenici naše zemlje”, *Spomenik Srpske akademije nauka*, Vol. XCVIII.

Weber E. (1985), “Drei Inschriften aus dem Bereich der Austria Romana 1: Ein Serapisheiligtum in Carnuntum”, in E. Weber and G. Dobesch (eds.), *Römische Geschichte, Altertumskunde und Epigraphik. Festschrift für Artur Betz*, Wien, pp. 650–58.

Wessetzky V. (1961), *Die ägyptischen Kulte zur Römerzeit in Ungarn*, Leiden.

Wilkinson R. H. (2003), *The Complete Gods and Goddesses of Ancient Egypt*, London and New York.

М. Томорад

**Різні прояви культу Ісиди в районах Істрії,
Іллірику та Паннонії і його поширення
в Центральноєвропейському регіоні
(II ст. до н. е. – IV ст. н. е.)**

Перші стародавні єгипетські артефакти в Істрії та Іллірику почали з'являтися вже в середині I тисячоліття до н. е., але без будь-яких доказів існування наявності культової практики. На початку I ст. н. е. єгипетські культу стали дуже популярними в Адріатичному і Паннонському регіонах. Перші епіграфічні свідчення наявності культу Ісиди з'явилися за часів правління імператора Клавдія разом з появою перших колегій Ісиди та Серапіса в Салоні. До кінця I ст. н. е. він поширився до Паннонії на півночі. Серед значного числа давніх єгипетських божеств, які задокументовані в цьому регіоні, найпопулярнішими були різні прояви культу Ісиди. У цій статті автор розгляне поширення культу Ісиди в Істрії, Іллірику і Паннонії, різні прояви культу Ісиди, а також етнічні групи та професії, які брали участь у його поширенні. Наприкінці статті автор обговорить різні святилища, виявлені до теперішнього часу в цьому регіоні.

Ключові слова: Ісіда, єгипетські культу, прояви культу Ісиди, поширення, етнічні групи, професії, Істрія, Іллірик, Паннонія

М. Томорад

**Различные проявления культа Иисиды в районах Истрии,
Иллирикума и Паннонии и его распространение
в Центральноевропейском регионе
(II в. до н. э. – IV в. н. э.)**

Первые древние египетские артефакты в Истрии и Иллирикуме начали появляться уже в середине I тысячелетия до н. э., но без каких-либо

доказательств существования наличия культовой практики. В начале I в. н. э. египетские культы стали очень популярными в Адриатическом и Паннонском регионах. Первые эпитафические свидетельства наличия культа Исиды появились во времена правления императора Клавдия с проявлением первых коллегий Исиды и Сераписа в Салоне. До конца I в. н. э. он распространился в Паннонии на севере. Среди значительного числа древних египетских божеств, которые задокументированы в этом регионе, самыми популярными были различные проявления культа Исиды. В настоящей статье автор рассмотрит распространение культа Исиды в Истрии, Иллирикуме и Паннонии, различные проявления культа Исиды, а также этнические группы и профессии, которые участвовали в его распространении. В конце статьи автор обсудит различные святилища, которые обнаружены к настоящему времени в этом регионе.

Ключевые слова: Исида, египетские культы, проявления культа Исиды, распространение, этнические группы, профессии, Истрия, Иллирикум, Паннония

Стаття надійшла 07.05.2018

UDC 94(32):291.8

**THE BOOK OF THE DEAD FRAGMENTS IN THE COLLECTION
OF THE INSTITUTE OF MANUSCRIPTS OF THE VERNADSKY
NATIONAL LIBRARY OF UKRAINE (F. VIII, No. 565/15):
PRELIMINARY PUBLICATION**

M. Tarasenko

DSc (History)

A. Yu. Krymskyi Institute of Oriental Studies, NAS of Ukraine

4, Hrushevskoho Str., Kyiv, 01001, Ukraine

e-mail: niktarasenko@yahoo.com

Previously unknown and the only ones in Kyiv fragments of the Ancient Egyptian *Book of the Dead* that are stored in the Institute of Manuscripts of the Vernadskyi National Library of Ukraine are in the focus of the article. These fragments belong to the Funds of the “St. Volodymyr Kyiv University” and are an extremely destroyed part of the papyrus of the *Book of the Dead*. According to the description of the document it is known that the papyrus was extracted from the Egyptian mummy in 1825 by a certain “Felix Rune”. A piece of mummy shroud is also kept together with the papyrus fragments, apparently from the mummy with which the roll was found. It is difficult to identify this person, but most likely it was one of the Barons of the *von Rönne* Family, known as *Felix I. Baron von Rönne* (born in 1750) and his son *Felix II. Baron von Rönne* (born in 1797). Presumably, this papyrus and the mummy shroud were donated by the representatives of this Family to the library of the Kremenets (Volyn) lyceum in 1826–1830, and later as a part of other oriental manuscripts, in 1834 they were sent to the Library of St. Volodymyr University in Kyiv. The Kyiv fragments contain extracts of the Hieratic text and small fragments of monochrome vignettes. The papyrus is dated by the Ptolemaic period. In total there are thirty-six fragments, the

© 2018 M. Tarasenko; Published by the A. Yu. Krymskyi Institute of Oriental Studies, NAS of Ukraine on behalf of *The Oriental Studies*. This is an Open Access article distributed under the terms of the Creative Commons Attribution License (<https://creativecommons.org/licenses/by-nc-nd/4.0/>).

largest of which has a size 5,1 × 3,5 cm and the smallest is 0,7 × 0,6 cm. As fragments are mostly very small, it is not always possible to determine which chapters they contain. The name and titles of the roll owner has not been preserved, but it is known that it was a woman. At this time, the parts of six Chapters of the *Book of the Dead* are identified on the Kyiv papyrus: 87, 89, 93, 99, 113 i 120. The vignette of the Chapter 87 (image of the serpent Sa-ta) is the only reliably identified from all remaining parts of the pictures, but it can be also assumed the presence of vignettes fragments of Chapters 90 and 122. The stylistic and textual analysis shows that it was created in the late 4th – early 3rd c. BC in Thebes and belongs to the “Louvre N. 3079” textual tradition by M. Jr., Mosher. It is the third female roll for this group.

Keywords: Book of the Dead, papyrus, fragments, Institute of Manuscripts, Kyiv

Н. А. Тарасенко

**ФРАГМЕНТЫ КНИГИ МЕРТВЫХ В СОБРАНИИ
ИНСТИТУТА РУКОПИСИ НБУВ (Ф. VIII, № 565/15):
ПРЕДВАРИТЕЛЬНАЯ ПУБЛИКАЦИЯ¹**

Предметом данной статьи будет первое исследование и публикация ранее не издававшихся фрагментов древнеегипетской Книги мертвых, которые хранятся в Институте рукописи Национальной библиотеки Украины им. В. И. Вернадского (ИР НБУВ). Здесь имеется небольшая коллекция восточных манускриптов, весьма разнообразных по языковому, хронологическому и территориальному составу (от Ближнего до Дальнего Востока)². В ее

¹ Статья подготовлена по материалам доклада “Фрагменти египетської Книги мертвих у зібранні Інституту рукопису НБУВ: попередній огляд”, прочитаного на Міжнародній научній конференції “XXI Сходознавчі читання А. Кримського” (г. Київ, 17–18 листопада 2017 г.) [Тарасенко 2017, 42–43]. Я виражаю щирну признательність д-ру *Ірмтраут Муңро* (*Irmtraut Munro*, Бонн), д-ру *Малькольму Мошеру* (*Malcolm Mosher*, Прескотт (Аризона)) і д-ру *Марку Етьєну* (*Marc Etienne*, Париж) за консультації і корисні зауваження, висказанні в процесі дослідження даних фрагментів в 2015–2017 гг. Особливу вдячність я хочу висказати *Дмитрію Малому* (Дніпр) за допомогу в електронній технічній обробці фотографій фрагментів.

² Восточные рукописи представлены также в фондах 5, 74 и 321 [Дубровіна 2015, 65, 235–236, 243]. Самые ранние из них восходят к Средневековью.

составе батакская рукопись с о. Суматра, турецкий фирман, календари на турецком и арабском языках, еврейские, персидские, армянские, тибетские и индийские (санскритские) рукописи, а также фрагменты древнеегипетского папируса [Дубровіна, Степченко 2015, 90], о котором пойдет речь в этой статье.

Все указанные манускрипты относятся к фонду VIII: “Архив и собрание рукописей университета Св. Владимира”. Собранные в этом фонде документы имеют довольно различное происхождение, т. к., помимо документов, отображающих различные направления работы университета, в нем содержатся архивы ряда профессоров и преподавателей, а также некоторых других ученых, исторические документы, письма и т. п. [Дубровіна, Степченко 2015, 82–90]. К сожалению, данные о происхождении коллекции восточных рукописей фонда VIII относительно скудны. Известно, что 19 рукописных документов на восточных языках были переданы в библиотеку Университета Св. Владимира из Кременецкого (Волынского) лицея (1805–1832)³ [Маслов 1910, 2–3; Мяскова 1998, 294–295; Мяскова 2005, 11, 43–51], но каких-либо сведений о происхождении фрагментов египетского папируса или его предыдущем владельце, либо владельцах в специальной литературе пока обнаружить не удалось (см., напр.: [Савенко 1884, 310–312; Маслов 1910, 2–3; Визирь 1957, 99–108; Мяскова 1998, 292–302; 2005]).

До сегодняшнего дня единственным местом в Украине, где хранятся фрагменты египетских папирусов, считался Одесский археологический музей НАН Украины, где насчитывается шесть инвентарных единиц хранения фрагментированных папирусов преимущественно Книги мертвых⁴. Все эти папирусы происходят из коллекции Музея изящных искусств и древностей при Новороссийском (Одесском) университете и были привезены из Египта А. А. Рафаловичем в 1848 г. [Тарасенко 2018, 517]. Также примечательно, что работу по разворачиванию и реставрации

³ Лицей был крупнейшим учебным заведением на землях Западной Украины того времени, но поводом для его закрытия стало польское восстание 1830 г., заставившее российские власти пересмотреть свою политику в сфере образования на этих территориях (см.: [Мяскова 2005, 43–51]).

⁴ См. подробнее: [Тарасенко 2007; 2009; 2010; 2018].

одного из этих свитков проводил в 1930-х гг. одесский египтолог С. В. Дониц – это папирус ОАМ № 52974, который принадлежал Панебу (*P3-nb*), очевидно, владельцу гробницы TT 211 в Дейр эль-Медине времени XIX династии [PM²I, 1, 307, 309; Тарасенко 2007, 213, 217; 2018, 518–519]. Панеб в TT 211 носит также еще и титул «слуга Владыки Обеих земель [т. е. царя] в фиванском некрополе [“Месте правды”]» [PM²I, 1, 307; Saleh 1984, 99]. Другие части свитка Панеба находятся в собрании Государственного Эрмитажа (Санкт-Петербург) под инв. № ДВ 1113 [Golénisheff 1891, 176–177]⁵.

Изучение киевских фрагментов Книги мертвых было начато мною в июне 2015 г., но вести его пришлось спорадически, учитывая занятость одновременно в нескольких параллельных проектах. В настоящее время работа продолжает находиться в статусе *in progress*, но, тем не менее, уже можно представить предварительные результаты проведенного исследования.

Итак, в инвентарной описи фонда VIII исследуемые фрагменты имеют инв. № 565/15 и обозначены как “Египетские иероглифы на папирусе” (рис. 1 – фото автора). На конверте, в котором они хранятся, их сопровождает описание, содержащее важные данные: “Мелкие отрывки, извлеченные из египетских мумий в 1825 г. Феликсом Рюнне” (рис. 2 – фото автора).

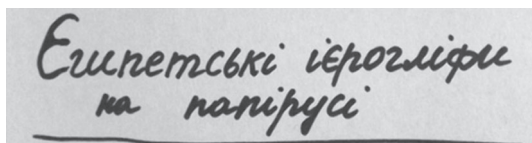

Рис. 1

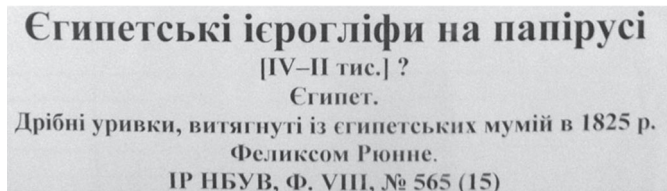

Рис. 2

⁵ См.: Totenbuchprojekt Bonn, TM 134595, <totenbuch.awk.nrw.de/objekt/tm134595>. На этом свитке также зафиксирована другая форма имени владельца: Сунер-Панеб (*Swnr-p3-nb*) [Golénisheff 1891, 176].

Помимо стекла с папирусом, этот же конверт содержит фрагмент мумийного бинта размером $8,5 \times 20$ см, который, очевидно, принадлежал той мумии, на которой был найден папирус (рис. 3 – фото автора). Каких-либо надписей или изображений на этом бинте нет. Остается загадкой, была ли эта мумия развернута в Европе в каком-нибудь “анатомическом театре” или же непосредственно в Египте (за 4 года до экспедиции Ж.-Ф. Шампольона!)⁶. Также неизвестно, кому именно из киевлян (или не киевлян?) и когда указанный “Феликс Рюнке” подарил эти артефакты. Интересно, что на самом конверте имеется два овальных, возможно, почтовых штампа с изображением орла в центре и надписями ‘N2’ и ‘6’ слева и справа от крыльев и подписью ниже ‘ANT TOB’. Кроме того, на бумаге, в которую завернут бинт, имеется знак с изображением герба Российской империи и подписью “ТОВ ДИТ”. Идентификация этих штампов и знака может помочь в выяснении приблизительного времени, когда фрагменты были помещены в данный конверт. Наконец, крайне важно было установить личность самого Феликса Рюнке⁷.

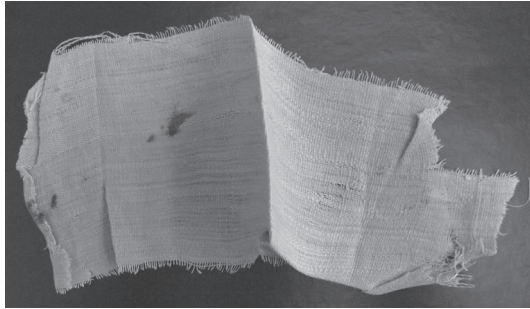

Рис. 3

Скорее всего, личность, указанная как первооткрыватель исследуемого папируса, – это один из двух представителей аристократического рода *von Rönne*, живших в XIX–XX вв. в Литве и носивших имя Феликс. Это польско-литовские бароны Феликс фон Рёнке I (Felix I. Baron von Rönne, 1750 г. р.) и его второй сын

⁶ Об охватившей Европу XIX в. “моде” на исследование мумий (“мумиемании”) см., напр.: [Brier 1994, 149–173; Ikram, Dodson 1998, 64ff].

⁷ Я признателен за помощь в решении этой проблемы д-ру Марку Этьену (Париж, Лувр), который поделился со мной своими предположениями.

Феликс фон Рённе II (Felix II. Baron von Rönne, 1797 г. р.). Оба этих деятеля были известны как образованные люди и филантропы, но кто из них имел отношение к египетским древностям, еще предстоит выяснить. Можно предположить, что кто-то из указанных представителей рода фон Рённе пожертвовал фрагменты папирусы и пелену мумии в библиотеку Кременецкого (Вольнского) лицея в промежутке между 1825–1830 гг. Следует подчеркнуть, что в этот период библиотека лицея получала немало пожертвованных от частных лиц [Мяскова 2005, 47–50]. В дальнейшем эти фрагменты в числе других восточных манускриптов были переданы в библиотеку Университета Св. Владимира, но в силу своих небольших размеров и повреждений, они не удостоились специальных упоминаний в описаниях коллекций рукописей библиотеки [Савенко 1884, 310–312; Маслов 1910, 2–3].

Еще одним “штрихом к биографии” киевских папирусных фрагментов является то, что в конце 1930-х годов они, по всей видимости, хранились в фондах Центрального исторического музея им. Т. Г. Шевченко (ЦИМ). В инвентарной книге этого музея от 1938 г. под инв. № АС-13441 значатся “остатки папируса” (“рештки папіруса”), а перед ними под инв. № АС-13440 значится “Папируса копия напечатанная литографическим способом в 1826 г. в Кракове, имеет 23 раздела” (“Папіруса копія надрукована літографським засобом в 1826 р. в Кракові, має 23 розділи”)⁸. В примечаниях к указанным объектам также даны близкие номера: “1183; 25” для папирусных фрагментов и “1184; 26” для краковского издания факсимиле. Отметим, что в указанном фонде ИР НБУВ под тем же инвентарным № 565/15, что и фрагменты папируса, хранится первая факсимильная публикация 1826 г. т. н. “папируса Сёковского” (papyrus Sękowski, Krakow Archaeological

⁸ “Инвентарна книга № 7 Відділа Скіфії та Грецьких колоній Причерномор'я, Від №№ А.С. 13090 до №№ А.С. 13500. Продовження № А.С. 2300 – № А.С. 23484”. Київ, 1938. – Научный архив археологических фондов Национального музея истории Украины (НМИУ). Я признателен заведующей научно-исследовательским отделом археологических фондов НМИУ *Ольге Александровне Пуклиной* (Киев) за предоставленную возможность ознакомиться с этим документом.

⁹ Это папирус с текстом и иллюстрациями т. н. “Прославлений (*S3hw*) Осириса и умершего” (*Glorification texts*), разновидности заупокойных литургических сочинений, получивших распространение в позднюю эпоху истории Египта (см.: [Assmann 2008; Smith 2009; Backes, Dielman 2015]).

Museum) [Andrzejewski 1954, 393–404; Тарасенко 2016, 9; 21, *ил. 16–17*] (**рис. 4а** [Andrzejewski 1954, 400–401]; **4б, 4в** – фото автора). По всей видимости, фрагменты папируса и очень редкое краковское издание 1826 г. – это именно те объекты, которые в предвоенное время находились в собрании ЦИМ. Процесс распределения фондов обширнейшей библиотеки Университета Св. Владимира¹⁰ в 1920-х – 1930-х был весьма сложным [Дубровіна, Онищенко 1998, 118–186; Мяскова 2000, 111–117]. В этой связи пока остается открытым вопрос, как и когда указанные фрагменты папируса и краковское издание-факсимиле были переданы в фонды ЦИМ, а затем возвращены в библиотечное хранение.

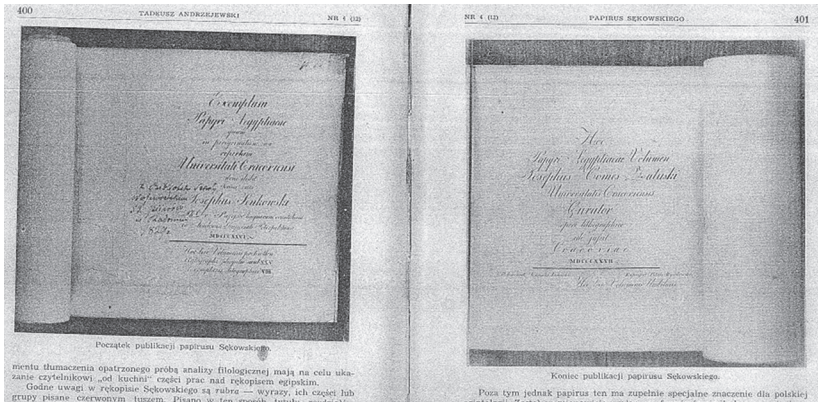

Рис. 4а

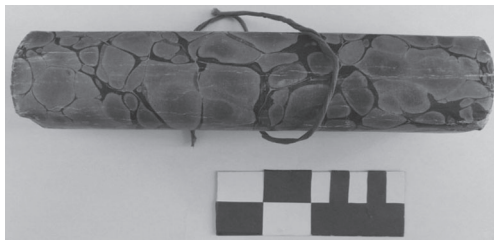

Рис. 4б

¹⁰ Библиотека была основана одновременно с Университетом в 1834 г. Первоначальную основу ее фондов составили книги и документы, перевезенные из библиотеки закрытого в 1832 г. Кременецкого (Вольнского) лицея, насчитывавшей на тот момент 34 292 библиотечные единицы [Мяскова 2005, 44]. По состоянию на 1927 г. фонды университетской библиотеки в Киеве насчитывали уже 500 тысяч томов [Мяскова 2000, 111].

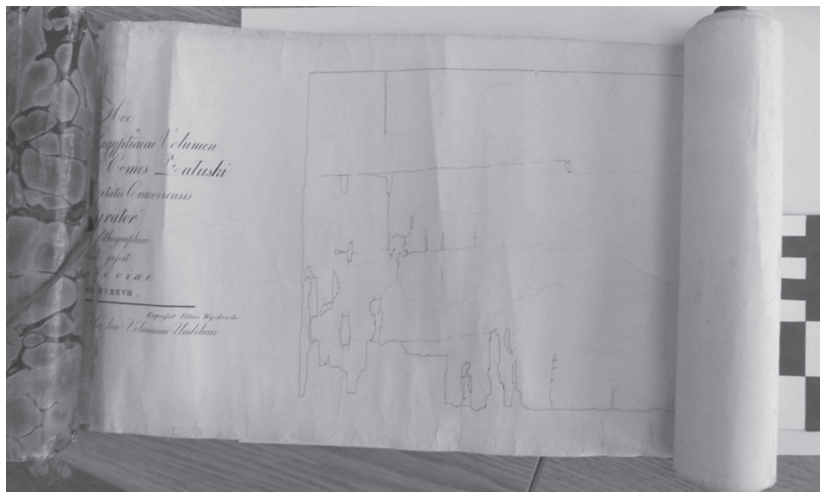

Рис. 4в

Теперь перейдем к самому документу. Папирусные фрагменты представляют собой очень сильно разрушенные части свитка Книги мертвых, которые для сохранности были помещены в стеклянную рамку размером 17,5 × 23,5 см (рис. 5 – фото © ИР НБУВ). Они содержат отрывки текста, выписанного иератическим письмом, а также мелкие фрагменты монохромных рисунков-виньеток. По характеру оформления папирус надежно датируется Птолемеевским периодом, а местом его производства, вполне очевидно, были Фивы (в пользу этого указывает, например, то, что виньетки сгруппированы в столбцы). Подробнее к этому вопросу я вернусь ниже.

Итак, суммарно насчитывается 36 фрагментов, самый крупный из которых имеет размер 5,1 × 3,5 см, а самый маленький – 0,7 × 0,6 см (см.: Приложение). Имя владельца свитка или его титулы, к сожалению, не сохранились. Поскольку фрагменты в основном очень мелкие, установить, какие именно главы на них содержатся, также не всегда возможно. В настоящее время удалось надежно идентифицировать отрывки следующих глав и виньеток.

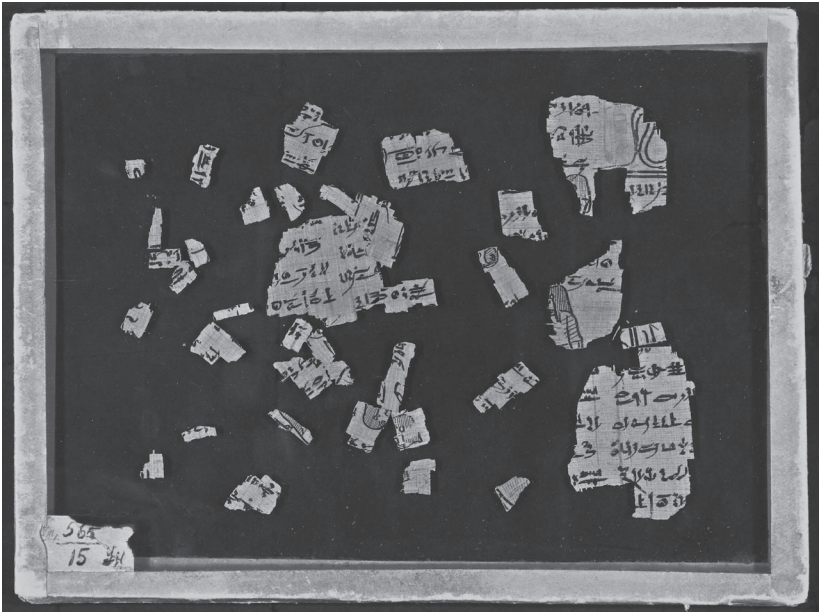

Рис. 5

1) На фрагментах №№ 27, 9, 29 представлены главы 87 и 89 (рис. 6). Глава 87 представляет собой “Изречение о превращении в змея Са-та” (*r n irt hprw m s3-t3*) [Neville 1886, 198; Quirke 2013, 203], а глава 89 – это “Изречение, позволяющее душе-ба упокоиться на его теле (= трупе)” (*r n rdit htp b3 h3.t=f*) [Neville 1886, 198; Quirke 2013, 205]. Отметим, что из числа уцелевших частей рисунков на киевских фрагментах, а это в основном антропоморфные изображения, надежно идентифицируется только **виньетка главы 87**, изображающая змея Са-та с головой человека [Mosher 2018; Quirke 2013, 203] (рис. 7)¹¹. Сохранившееся под текстом 89-й главы изображение головы умершего является, скорее всего, частью **виньетки главы 90**. По титульной рубрике это “Изречение для избавления уст от бессвязности” (*r n dr sh3y m r*) [Neville 1886, 198; Quirke 2013, 207–208]. В поздней редакции Книги мертвых 90-я глава иллюстрируется виньеткой, изображающей умершего перед богом Тотом, который держит папирусный

¹¹ рH3-hp рBerlin 3149 + рBerlin 14376, Птолемеевский период, Саккара; прорисовка по: <http://totenbuch.awk.nrw.de/spruch/87>.

свиток или посох [Tarasenko 2017, 78; Pl. 9,9; Mosher 2018] (рис. 8) [Barguet 1967, 127].

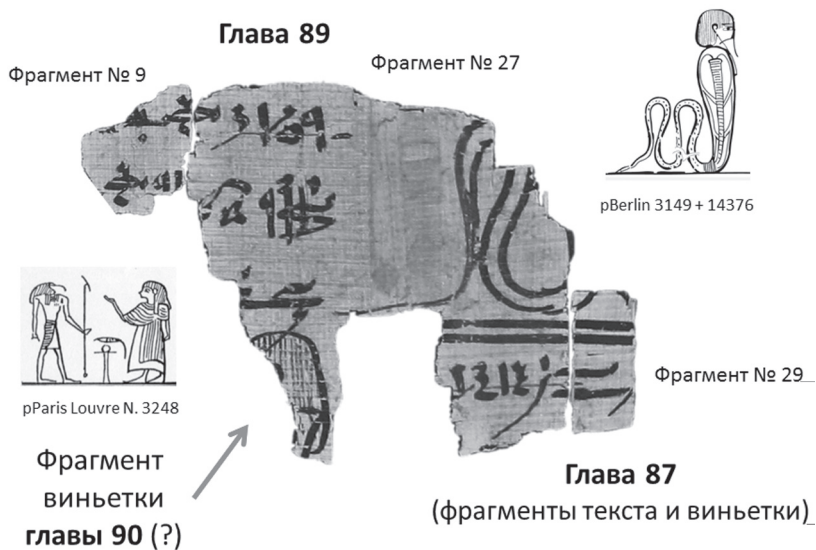

Рис. 6

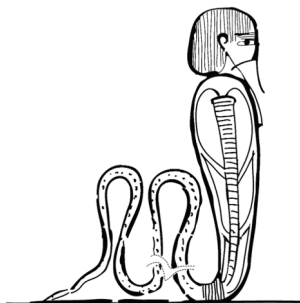

Рис. 7

Рис. 8

2) На **фрагментах №№ 22 и 30** идентифицируются части текста **глав 93 и 99** (рис. 9). Глава 93 имеет титульную рубрику “Изречение, как не быть переправленным на восток в Некрополе” (*r n tm d3.tw r i3bt.t m hr.t-ntr*) [Neville 1886, 198; Quirke 2013, 212]. Глава 99 носит заглавие “Изречение для обретения парома на небо” (*r n int mhn.t m p.t*) [Neville 1886, 198; Quirke 2013, 218ff].

Рис. 9

3) На шести фрагментах, №№ 14, 18 + 16 и 24 + 12 + 36, сохранились части текста 113-й главы (рис. 10). Эта глава представляет собой “Изречение о знании душ-ба Нехена¹²” (*r n rh b3.w Nhn*) [Naville 1886, 199; Quirke 2013, 252–254].

Глава 113
(три отрывка)

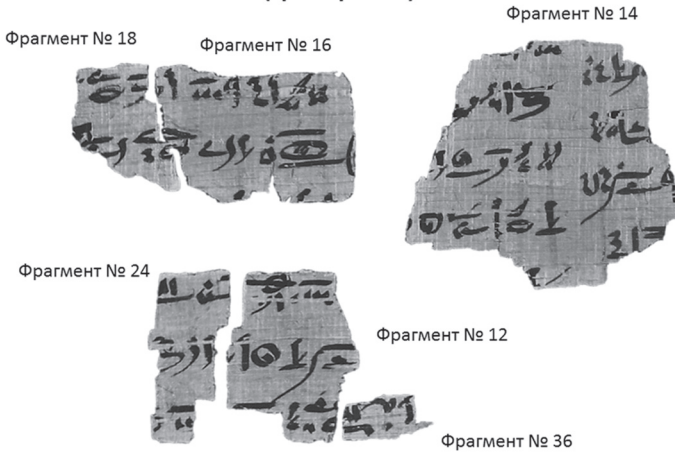

Рис. 10

¹² Др.-гр. Иераконполь, араб. Ком эль-Ахмар. Важный и древний религиозный центр в 3-м номе Верхнего Египта, где почитали бога Хора.

4) И, наконец, на **фрагментах №№ 26, 28 и 34** представлена концовка **120-й главы** (*di.k iw.n=i (nhh)*) – “Да даруешь ты мне (старость)” (**рис. 11**), которая имеет рубрику “Изречение, чтобы входить и выходить” (*r n ʕk pr*) [Neville 1886, 199; Quirke 2013, 263]. Ниже, скорее всего, дан фрагмент **виньетки главы 122**, учитывая нередкую последовательность глав 120 – 122 – 121 как минимум в двух текстовых традициях по М. Мошеры, “N. 3079” и “N. 3089”¹³ [Mosher 2016, 22–27]. В поздней редакции Книги мертвых на виньетке этой главы, как правило, изображали умершего перед входом в гробницу [Quirke 2013, 265] или же просто фигуру умершего (**рис. 12**)¹⁴ [Barguet 1967, 155]. В нашем случае сохранилась только часть фигуры человека. 122-я глава – это “Изречение, чтобы войти, после того как вышел” (*r n ʕk r-s3 prt*) [Neville 1886, 199; Quirke 2013, 265].

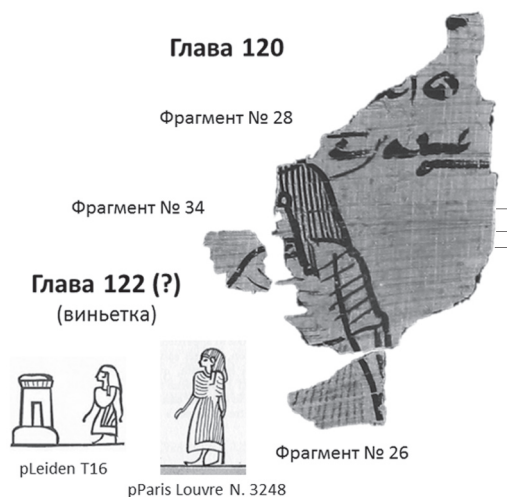

Рис. 11

Рис. 12

5) Также **фрагменты №№ 4 и 25** могут быть частями **одной виньетки**, показывающей человека в позе поклонения, но идентифицировать главу, к которой они относились, пока невозможно (**рис. 13**).

¹³ Устное сообщение автору. Ср. также: [Mosher 2010, 137].

¹⁴ pTi-bh pParis Louvre N. 3248, Птолемеевский период, Фивы.

Рис. 13

Следует обратить внимание и на наличие технических деталей, связанных с производством и оформлением заупокойных папирусов. На фрагменте № 27 можно увидеть место склеивания листов свитка (рис. 14), а на фрагменте № 30 сохранились тонкие вертикальные разграничительные линии, необходимые писцу для соблюдения ровности столбцов (рис. 15). Подобные линии не редкость. Их можно увидеть, например, в папирусах *Dd-Hr* рParis Louvre N. 3079¹⁵, *P3-šrj-n-Mnw* рKrakow XI 1503-1506¹⁶ р*T3-nt-Imn-ii* рLondon BM EA 10086 [Mosher 2010, 151, Fig. 2], р*Hr-nfr* рMilan E. 1023 [Mosher 2010, 157, Fig. 14] и многих других.

Рис. 14

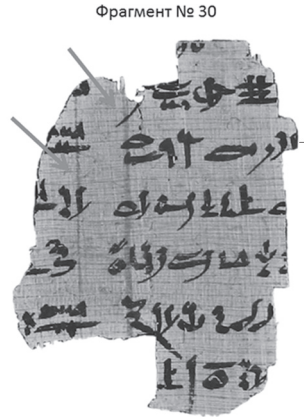

Рис. 15

¹⁵ Totenbuchprojekt Bonn, TM 56591, <totenbuch.awk.nrw.de/objekt/tm56591>.

¹⁶ Totenbuchprojekt Bonn, TM 56940, <totenbuch.awk.nrw.de/objekt/tm56940>.

Все изречения, сохранившиеся на киевских фрагментах, относятся к т. н. 3-й секции Книги мертвых, объединяющей главы 64–129, именуемой *pṛt m hrw* – “выход в день”. В этой секции даны изречения для превращения умершего в божество, его приобщения к солнечной ладье, познания магических таинств, возвращения в гробницу, “взвешивания сердца” и загробного суд Осириса (125-я глава) [Barguet 1967, 17]. Если говорить о взаимосвязанности глав на киевских фрагментах, то заметно, что они не дают прямую последовательность. Возникает вопрос: чем объясняется такой репертуар, создающий впечатление либо происхождения фрагментов из разных частей папируса, либо неполной последовательности изречений в свитке? Ситуация выглядит следующим образом. Судя по соотношению текста и виньеток на фрагментах № 27 + 29 и 28 + 26, оформление киевского свитка Книги мертвых соответствует т. н. *Фиванскому стилю Ia* по М. Мошеру, для которого характерны следующие признаки [Mosher 1992, 146–148]:

1) изречения всегда выписаны иератикой и, как правило, хошим почерком;

2) текст расположен в вертикальных столбцах (обычно в одном столбце помещены 3–4 изречения). Причем, если глава не умещалась до низа столбца, ее продолжение выписывалось с начала следующего столбца сверху;

3) виньетки расположены непосредственно над рубриками и текстом глав, к которым они относятся;

4) при создании свитков сначала вписывался текст, а затем в оставленном свободном пространстве вырисовывались виньетки;

5) папирусы изготавливались для индивидуального заказчика, что подтверждается тем, что имя и титулы всегда идеально вписаны в рубрики и текст.

Исходя из сравнительного материала, можно заключить, что запечатленные на киевских фрагментах главы принадлежали к одному сегменту, размещенному на центральной части листа свитка.

Несмотря на крайнюю поврежденность и фрагментарность текста на киевских фрагментах, удалось выяснить, к какой конкретной текстовой традиции поздней редакции Книги мертвых из 11 выделенных М. Мошером [Mosher 2016, 7–37] он относится. В нижней строке сохранившейся части 89-й главы дан пассаж

концовки изречения: [m33 n] b3=s h^c.t[=s] – “[чтобы] ее душа-ба [могла увидеть] [ее] (мертвое) тело...”. Подчеркнем, что здесь выписано именно суффиксальное местоимение 3 л. ж. р. = s “ее”. По М. Мошеру, данный пассаж про ба характерен для текстовой традиции “N. 3079”¹⁷, к которой относятся 9 свитков [Mosher 2016, 22–25]:

1. pT3-kr-hb pLondon BM EA 10087;
2. pMw.t-ndm.t pLondon BM EA 10336;
3. pDd-Hr pParis Louvre N. 3079;
4. pI^ch-mš Paris Louvre N. 3086 (+ Hermitage 2565);
5. pP3-šrj-n-Mnw pParis Louvre N. 3129 + E. 4890B (+ pKrakow XI 1503-1506, 1508-1511 + pNew York Amherst 30 + pBrüssel MRAH E. 4976);
6. pHr-s3-3st pParis Louvre N. 3144 + N. 3250 + N. 3198 bis;
7. pH3-hp pParis Louvre N. 3149 + 14376;
8. pP3-di-Hr-p3-R^c pParis Louvre N. 3249;
9. p3s.t-wr.t pLeiden T16 (AMS 41).

Таким образом, киевский свиток является 10-м документом этой текстовой традиции, которая датируется концом IV – первой половиной III в. до н. э. Характерно, что в большинстве папирусов рассмотренной группы умерший показан либо лысым, т. е. в иконографии жреца, либо с коротким париком¹⁸. На рисунках в киевском свитке человек показан в длинном парике. Подобные парики зафиксированы только в папирусах T3-kr-hb London BM EA 10087¹⁹ и 3s.t-wr.t Leiden T 16²⁰. Оба этих свитка принадлежали женщинам, таким образом, киевский свиток является *третьим женским документом* в этой группе, что подтверждается и сохранившимися изображениями одежды, и, как отмечалось, грамматическими конструкциями текста. Важно, что, судя по высокому качеству рисунков и хорошему почерку, есть серьезные

¹⁷ Устное сообщение автору.

¹⁸ В очень неполном и разрушенном папирусе pLondon BM EA 10336 изображений умершего вообще не сохранилось (Totenbuchprojekt Bonn, TM 57257, <totenbuch.awk.nrw.de/objekt/tm57257>).

¹⁹ Totenbuchprojekt Bonn, TM 57230, <totenbuch.awk.nrw.de/objekt/tm57230>.

²⁰ Totenbuchprojekt Bonn, TM 56985, <totenbuch.awk.nrw.de/objekt/tm56985>.

основания предположить, что киевский манускрипт мог быть одним из наиболее ранних документов для всей традиции "N. 3079". В связи с этим остается только выразить сожаление о его крайней фрагментарности.

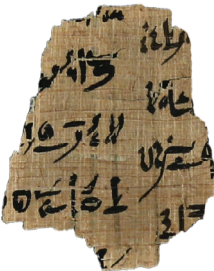

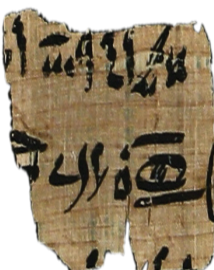

ПРИЛОЖЕНИЕ
Фрагменты папируса Книги мертвых
ИР НБУВ, ф. VIII, № 565/15

№	Recto	Verso	Размер (см)	Примечания
1			0,5 × 0,5	Не идентифицируется
2			1,2 × 0,5	Не идентифицируется
3			1 × 0,4	Не идентифицируется
4			1 × 0,6	Фрагмент виньетки: часть лица и ладони рук (поза поклонения), соединяется с фрагментом № 25

5			0,7 × 0,6	Не идентифицируется
6			1 × 0,3	Не идентифицируется
7			1,4 × 1	Не идентифицируется
8			1,2 × 0,3	Не идентифицируется
9			1,2 × 1,4	Фрагмент главы 89, соединяется с фрагментом № 27

Фрагменты древнеегипетской Книги мертвых в собрании...

10			1 × 0,8	Не идентифицируется
11			1,4 × 0,3	Фрагмент виньетки, изображающий стоящую фигуру (божества?), обращенную вправо
12			2 × 1,5	Фрагмент текста главы 113, соединяется с фрагментами № 24 и № 36
13			1 × 0,6	Не идентифицируется

14			3,5 × 3,2	Фрагмент текста главы 113
15			2,7 × 1,5	<p>Не идентифицируется.</p> <p>На стороне verso возможно наложение двух фрагментов. Не имея возможности разделения их, фрагменты идут под одним номером</p>
16			2,4 × 1,5	<p>Фрагмент текста главы 113, соединяется с фрагментом № 18.</p> <p>Под стороной verso фиксируется еще один фрагмент. Фрагменты идут под одним номером</p>
17			1 × 0,5	Не идентифицируется

Фрагменты древнеегипетской Книги мертвых в собрании...

18			1,9 × 1,2	Фрагмент текста главы 113, соединяется с фрагментом № 16
19			2 × 0,5	Не идентифицируется
20			1 × 1	Фрагмент виньетки, изображающий голову в длинном женском парике, обращенную влево
21			1 × 0,8	Не идентифицируется
22			1,5 × 1	Фрагмент текста главы 93, соединяется с фрагментом № 30

23			1,8 × 0,8	Фрагмент ви- ньетки с изобра- жением головы павиана, обра- щенной вправо
24			2 × 0,7	Фрагмент тек- ста главы 113, соединяется с фрагментом № 12 и № 36
25			1,3 × 1	Фрагмент ви- ньетки с изобра- жением головы в длинном пари- ке, обращенной влево, соединя- ется с фрагмен- том № 4
26			1 × 0,6	Фрагмент ви- ньетки главы 122 (?) с изобра- жением фарту- ка, соединяется с фрагментами № 28 и № 34

Фрагменты древнеегипетской Книги мертвых в собрании...

27			3,5 × 3,6	Фрагмент с текстом глав 87 и 89 и виньетками глав 87 и 90, соединяется с фрагментами № 29 и № 9
28			3,5 × 2,2	Фрагмент виньетки главы 122 (?) с изображением фигуры в длинном женском парике, обращенной влево, соединяется с фрагментами № 26 и № 34
29			1,3 × 0,5	Фрагмент с текстом и виньеткой главы 87, соединяется с фрагментом № 27
30			5,1 × 3,5	Фрагмент с текстом глав 93 и 99, соединяется с фрагментом № 22

31			0,9 × 0,5	Не идентифицируется (фрагмент виньетки?)
32			0,8 × 0,7	Не идентифицируется
33			1,2 × 0,5	Не идентифицируется
34			0,7 × 0,5	Фрагмент виньетки главы 122 (?) с изображением части одежды, соединяется с фрагментом № 28
35			1,5 × 0,7	Не идентифицируется
36			1 × 0,4	Фрагмент текста главы 113, соединяется с фрагментом № 12

ЛИТЕРАТУРА

Визирь Н. П. Коллекция рукописей Киевского университета, хранящаяся в Государственной публичной библиотеке УССР // **Науково-інформаційний бюлетень Архівного управління УРСР. 1957. № 1.**

Дубровіна Л. А. (ред.). **Архіви, колекції та зібрання державних, громадських та релігійних установ у фондах Інституту рукопису Національної бібліотеки України імені В. І. Вернадського: путівник.** Київ, 2015.

Дубровіна Л. А., Степченко О. П. Архів та зібрання рукописів університету Святого Володимира // *Дубровіна Л. А.* (ред.). **Архіви, колекції та зібрання державних, громадських та релігійних установ у фондах Інституту рукопису Національної бібліотеки України імені В. І. Вернадського: путівник.** Київ, 2015.

Дубровіна Л. А., Онищенко О. С. **Історія Національної Бібліотеки України імені В. І. Вернадського. 1918–1941.** Київ, 1998.

Маслов С. И. **Обзор рукописей библиотеки Императорского Университета Св. Владимира.** Киев, 1910.

Мяскова Т. Є. Заснування та комплектування бібліотеки Університету св. Володимира (1834–1841) // **Рукописна та книжкова спадщина України. 1998.** Вип. 4.

Мяскова Т. Є. Передача бібліотеки Університету Св. Володимира до фондів Всенародної бібліотеки України // **Рукописна та книжкова спадщина України. 2000.** Вип. 6.

Мяскова Т. Є. **Бібліотека Імператорського університету Св. Володимира: з історії комплектування (1834–1927 рр.).** Київ, 2005.

Савенко И. Г. Библиотека Университета Св. Владимира: Записки помощника библиотекаря // **Историко-статистические записки об ученых и учебно-воспитательных учреждениях Императорского Университета Св. Владимира: 1834–1884.** Киев, 1884.

Тарасенко Н. А. Египетские папирусы Одесского археологического музея НАН Украины: история, исследование и перспективы реконструкции // **1-я Международная научно-практическая конференция “Исследование, консервация и реставрация рукописных и печатных памятников Востока”.** 17–19 апреля 2007 г. **Материалы.** Москва, 2007.

Тарасенко М. О. Давньоєгипетські папіруси в зібранні Одеського археологічного музею // **Сходознавство. 2009.** № 47.

Тарасенко М. О. Давньоєгипетські папіруси в зібранні Одеського археологічного музею // **Пам'ятки східного походження в архівах та музейних зібраннях України**. Київ, 2010.

Тарасенко М. О. Невідомі фотографії давньоєгипетського папірусу з бібліотеки О. Браницького (ІР НБУВ, Ф. XXIV, № 2702) // **Рукописна та книжкова спадщина України**. 2016. Вип. 20.

Тарасенко М. О. Фрагменти єгипетської Книги мертвих у зібранні Інституту рукопису НБУВ: попередній огляд // **XXI Сходознавчі читання А. Кримського. Тези доповідей міжнародної наукової конференції, м. Київ, 17–18 листопада 2017 р.** Київ, 2017.

Тарасенко Н. А. Фрагменты древнеегипетской Книги мертвых в Украине // **Стародавнє Причорномор'я** / Гол. ред. І. В. Немченко. Вип. XII. Одеса, 2018.

Andrzejewski T. Papyrus Sękowskiego // **Przegląd Orientalistyczny**. 1954. № 4 (12).

Assmann J. **Altägyptische Totenliturgien. Bd. 3. Osirisliturgien in Papyri der Spätzeit** / Unter Mitarbeit von M. Bommas und A. Kucharek. Heidelberg, 2008.

Backes B., Dielman J. (Eds.). Liturgical Texts for Osiris and the Deceased in Late Period and Graeco-Roman Egypt // **Studien zur spätägyptischen Religion**. Bd. 14. Wiesbaden, 2015.

Barguet P. Le Livre des Morts des anciens Égyptiens. Introduction, traduction, commentaire / **Littératures Anciennes du Proche-Orient**, 1. Paris, 1967.

Berlev O., Hodjash S. Catalogue of the Monuments of Ancient Egypt from the Museums of the Russian Federation, Ukraine, Belorussia, Caucasus, Middle Asia and the Baltic States // **Orbis Biblicus et Orientalis**. 17. Fribourg – Göttingen, 1998.

Brier B. **Egyptian Mummies. Unravelling the Secrets of Ancient Art**. New York, 1994.

Golénisheff W. **Eremitage Impérial. Inventaire de la collection égyptienne**. St.-Petersburg – Leipzig, 1891.

Ikram S., Dodson A. **The Mummy in Ancient Egypt. Equipping the Dead for Eternity**. London, 1998.

Mosher M., Jr. Theban and Memphite Book of the Dead Traditions in the Late Period // **Journal of the American Research Center in Egypt**. 1992. Vol. 29.

Mosher M., Jr. An intriguing Theban Book of the Dead tradition in the Late Period // **British Museum Studies in Ancient Egypt and Sudan**. 2010. Vol. 15.

Mosher M., Jr. **The Book of the Dead, Saite through Ptolemaic Periods. A Study of Traditions Evident in Versions of Texts and Vignettes. Vol. 1 (BD Spells 1–15).** Prescott, 2016.

Mosher M., Jr. **The Book of the Dead, Saite through Ptolemaic Periods. A Study of Traditions Evident in Versions of Texts and Vignettes. Vol. 5 (BD Spells 78–92).** Prescott, 2018.

Naville E. **Das Aegyptische Todtenbuch der XVIII. bis XX. Dynastie.** Bd. I–II. Berlin, 1886.

Quirke St. **Going out in Daylight, prt m hrw, the Ancient Egyptian Book of the Dead.** Translation, sources, meanings. London, 2013.

Saleh M. **Das Totenbuch in den thebanischen Beamtengrabern des neuen Reiches: Texte und Vignetten.** Mainz um Rhein, 1984.

Smith M. **Traversing Eternity. Texts for the Afterlife from Ptolemaic and Roman Egypt.** Oxford, 2009.

Tarasenko M. Images of papyrus rolls in vignettes of the *Book of the Dead* // Kóthay K. A. (ed.). **Burial and Mortuary Practices in Late Period and Graeco-Roman Egypt. Proceedings of the International Conference held at the Museum of Fine Arts, Budapest, 17–19 July 2014.** Budapest, MFA. Budapest, 2017.

REFERENCES

Vizir' N. P. (1957), "Kolleksiya rukopisey Kiyevskogo universiteta, khraryashchayasya v Gosudarstvennoy publichnoy biblioteke USSR", *Naukovo-informatsiyniy byuletyn' Arkhivnogo upravlinnya URSS*, № 1, pp. 99–108. (In Russian).

Dubrovina L. A. (ed.) (2015), *Arkhiv, kolektsiyi ta zibrannya derzhavnykh, hromads'kykh ta relihiynykh ustanov u fondakh Instytutu rukopysu Natsional'noyi biblioteky Ukrayiny imeni V. I. Vernads'koho: putivnyk*, NAN Ukrayiny, Nats. b-ka Ukrayiny imeni V. I. Vernads'koho, In-t rukopysu, Kyiv. (In Ukrainian).

Dubrovina L. A., Stepchenko, O. P. (2015), "Arkhiv ta zibrannya rukopysiv universytetu Svyatoho Volodymyra", Dubrovina L. A. (ed.), *Arkhiv, kolektsiyi ta zibrannya derzhavnykh, hromads'kykh ta relihiynykh ustanov u fondakh Instytutu rukopysu Natsional'noyi biblioteky Ukrayiny imeni V. I. Vernads'koho: putivnyk*, Kyiv, pp. 82–90. (In Ukrainian).

Dubrovina L. A. and Onyshchenko O. S. (1998), *Istoriya Natsional'noyi Biblioteky Ukrayiny imeni V. I. Vernads'koho. 1918–1941*, NBUV, Kyiv. (In Ukrainian).

Maslov S. I. (1910), *Obzor rukopisej biblioteki Imperatorskogo Universiteta Sv. Vladimira*, Kiev. (In Russian).

Myaskova T. Ye. (1998), “Zasnuvannya ta komplektuvannya biblioteky Universytetu sv. Volodymyra (1834–1841)”, *Rukopysna ta knyzhkova spadshchyna Ukrayiny*, Vyp. 4, pp. 292–302. (In Ukrainian).

Myaskova T. Ye. (2000), “Peredacha biblioteky Universytetu Sv. Volodymyra do fondiv Vsenarodnoyi biblioteky Ukrayiny”, *Rukopysna ta knyzhkova spadshchyna Ukrayiny*, Vyp. 6, pp. 111–17. (In Ukrainian).

Myaskova T. Ye. (2005), *Biblioteka Imperators'koho universytetu Sv. Volodymyra: z istoriyi komplektuvannya (1834–1927 rr.)*, NAN Ukrayiny, Nats. b-ka Ukrayiny imeni V. I. Vernads'koho, Kyiv. (In Ukrainian).

Savenko I. G. (1884), “Biblioteka Universyteta Sv. Vladimira: Zapiski pomoshchnika bibliotekarya”, *Istoriko-statisticheskiye zapiski ob uchenykh i uchebno-vospitatel'nykh uchrezhdeniyakh Imperatorskogo Universyteta Sv. Vladimira: 1834–1884*, Kiev, pp. 309–34. (In Russian).

Tarasenko N. A. (2007), “Egipetskiye papirusy Odesskogo arkheologicheskogo muzeya NAN Ukrainy: istoriya, issledovaniye i perspektivy rekonstruktsii”, *1-ya Mezhdunarodnaya nauchno-prakticheskaya konferentsiya “Issledovaniye, konservatsiya i restavratsiya rukopisnykh i pechatnykh pamyatnikov Vostoka”. 17–19 aprelya 2007 g. Materialy*, Moskva, pp. 207–18. (In Russian).

Tarasenko M. O. (2009), “Davn'oyehypets'ki papirusy v zibranni Odes'koho arkheolohichnoho muzeyu”, *Skhodoznavstvo*, № 47, pp. 170–84. (In Ukrainian).

Tarasenko M. O. (2010), “Davn'oyehypets'ki papirusy v zibranni Odes'koho arkheolohichnoho muzeyu”, *Pam'yatky skhidnoho pokhodzhennya v arkhivakh ta muzeynykh zibrannyakh Ukrayiny*, Kyiv, pp. 141–54. (In Ukrainian).

Tarasenko M. O. (2016), “Nevidomi fotohrafiiy davn'oyehypets'koho papirusu z biblioteky O. Branyts'koho (IR NBUV, F. XXIV, № 2702)”, *Rukopysna ta knyzhkova spadshchyna Ukrayiny*, Vyp. 20, pp. 3–21. (In Ukrainian).

Tarasenko M. O. (2017), “Frahmenty yehypets'koyi Knyhy mertvykh u zibranni Instytutu rukopysu NBUV: poperedniy ohlyad”, *XXI Skhodoznavchi chytannya A. Kryms'koho. Tezy dopovidey mizhnarodnoyi naukovoyi konferentsiyi, m. Kyiv, 17–18 lystopada 2017 r.* Kyiv, pp. 42–43. (In Ukrainian).

Tarasenko N. A. (2018), “Fragmenty drevneyegipetskoy Knigi mertvykh v Ukraine”, Nemchenko, I. V. (ed.), *Starodavne Prichornomor'ya*, Vyp. XII, Odesa, pp. 517–24. (In Russian).

Andrzejewski T. (1954), “Papirus Sękowskiego”, *Przegląd Orientalystyczny*, № 4 (12), pp. 393–404.

Assmann J. (2008), *Altägyptische Totenliturgien. Bd. 3. Osirisliturgien in Papyri der Spätzeit*; unter Mitarbeit von M. Bommas und A. Kucharek, Universitätsverlag Winter, Heidelberg.

Backes B. and Dielman J. (eds.) (2015), *Liturgical Texts for Osiris and the Deceased in Late Period and Graeco-Roman Egypt*, Studien zur spätägyptischen Religion, Bd. 14. Harrassowitz Verlag, Wiesbaden.

Barguet P. (1967), *Le Livre des Morts des anciens Égyptiens. Introduction, traduction, commentaire*, Littératures Anciennes du Proche-Orient 1, Les Éditions du Cerf, Paris.

Berlev O. and Hodjash S. (1998), *Catalogue of the Monuments of Ancient Egypt from the Museums of the Russian Federation, Ukraine, Bielorusia, Caucasus, Middle Asia and the Baltic States*, Orbis Biblicus et Orientalis, 17, University Press / Vandenhoeck & Ruprecht, Fribourg and Göttingen.

Brier B. (1994), *Egyptian Mummies. Unravelling the Secrets of Ancient Art*, Quill William Morrow, New York.

Golénischeff W. (1891), *Eremitage Impérial. Inventaire de la collection égyptienne*. St.-Petersburg and Leipzig.

Ikram S. and Dodson A. (1998), *The Mummy in Ancient Egypt. Equipping the Dead for Eternity*, Thames and Hudson, London.

Mosher M., Jr (1992), "Theban and Memphite Book of the Dead Traditions in the Late Period", *Journal of the American Research Center in Egypt*, Vol. 29, pp. 143–72.

Mosher M., Jr. (2010), "An intriguing Theban Book of the Dead tradition in the Late Period", *British Museum Studies in Ancient Egypt and Sudan*, Vol. 15, pp. 123–72.

Mosher M., Jr. (2016), *The Book of the Dead, Saite through Ptolemaic Periods. A Study of Traditions Evident in Versions of Texts and Vignettes. Vol. 1 (BD Spells 1–15)*, CreateSpace Independent Publishing Platform, Prescott.

Mosher M., Jr. (2018), *The Book of the Dead, Saite through Ptolemaic Periods. A Study of Traditions Evident in Versions of Texts and Vignettes. Vol. 5 (BD Spells 78–92)*, CreateSpace Independent Publishing Platform, Prescott.

Naville E. (1886), *Das Aegyptische Tottenbuch der XVIII. bis XX. Dynastie, I–II*, Asher, Berlin.

Quirke St. (2013), *Going out in Daylight, prt m hrw, the Ancient Egyptian Book of the Dead. Translation, sources, meanings*, GHP Egyptology, London.

Saleh, M. (1984), *Das Totenbuch in den thebanischen Beamten-grabern des neuen Reiches: Texte und Vignetten*, von Zabern Verlag, Mainz um Rhein.

Smith M. (2009), *Traversing Eternity. Texts for the Afterlife from Ptolemaic and Roman Egypt*, Oxford University Press, Oxford.

Tarasenko M. (2017), "Images of papyrus rolls in vignettes of the Book of the Dead", Kóthay K. A. (ed.), *Burial and Mortuary Practices in Late Period and Graeco-Roman Egypt. Proceedings of the International Conference held at the Museum of Fine Arts, Budapest, 17–19 July 2014. Budapest, MFA, Budapest*, pp. 73–80, pls. 8–12.

М. О. Тарасенко

**Фрагменти Книги мертвих у зібранні
Інституту рукопису НБУВ (ф. VIII, № 565/15):
попередня публікація**

У центрі уваги цієї статті перебувають раніше неопубліковані та єдині в Києві фрагменти давньоєгипетської Книги мертвих, що зберігаються в Інституті рукопису Національної бібліотеки України імені В. І. Вернадського. Ці фрагменти містяться у фонді "Київського університету Св. Володимира" (ф. VIII, № 565/15) і є вкрай зруйнованою частиною папірусу Книги мертвих. За описом документа відомо, що цей папірус був витягнутий з єгипетської мумії в 1825 р. якимось "Феліксом Рюнне". Разом з папірусними фрагментами зберігається також шматок мумійної пелени, вочевидь, від тієї мумії, з якою було виявлено сувій. Точно ідентифікувати особу цієї людини важко, але, швидше за все, це був один з баронів роду von Rönne, що мали ім'я Фелікс (*Felix I. Baron von Rönne* (1750 р. н.), та його син *Felix II. Baron von Rönne* (1797 р. н.)). Імовірно, цей папірус та мумійна пелена були подаровані представниками цієї родини бібліотеці Кременецького (Волинського) ліцею в 1826–1830 рр., а загалом, у 1834 р., у складі інших східних рукописів вони потрапили до бібліотеки Університету Св. Володимира в Києві. На київських фрагментах збереглися уривки ієратичного тексту та невеликі фрагменти монохромних віньеток. Папірус належить до Птолемейського періоду. Загалом налічується тридцять шість фрагментів, найбільший з яких має розмір 5,1 × 3,5 см, а найменший – 0,7 × 0,6 см. Оскільки фрагменти в основному дуже маленькі, не завжди можна визначити, які глави вони містять. Ім'я та титули власника сувою не збереглися, але відомо, що це була жінка. Наразі на київському папірусі ідентифіковані фрагменти тексту шести глав Книги мертвих: 87, 89, 93, 99, 113 і 120. З усіх віділілих фрагментів зображень надійно ідентифікується тільки віньєтка глави 87 (зображення змія Са-та), але можна припустити також наявність фрагментів віньєток глав 90 і 122. Стилістичний і текстологічний аналіз показує, що цей папірус було створено наприкінці IV – на початку III ст. до н. е. у Фівах і він належить до текстової традиції "(Louvre) N. 3079" за М. Мошером. Він є третім жіночим сувоєм для цієї групи.

Ключові слова: Книга мертвых, папірус, фрагменти, Інститут рукопису, Київ

Н. А. Тарасенко

**Фрагменты Книги мертвых в собрании
Института рукописи НБУВ (ф. VIII, № 565/15):
предварительная публикация**

В центре внимания данной статьи находятся ранее неопубликованные и единственные в Киеве фрагменты древнеегипетской Книги мертвых, которые хранятся в Институте рукописи Национальной библиотеки Украины имени В. И. Вернадского. Эти фрагменты находятся в фонде “Киевского университета Св. Владимира” (ф. VIII, № 565/15) и являются крайне разрушенной частью папируса Книги мертвых. По описанию документа известно, что данный папирус был извлечен из египетской мумии в 1825 г. неким “Феликсом Рюне”. Вместе с папирусными фрагментами хранится также кусок мумийной пелены, очевидно, от той мумии, с которой был обнаружен свиток. Точно идентифицировать личность этого человека затруднительно, но, скорее всего, это был один из баронов рода von Rönne, носивших имя Феликс (*Felix I. Baron von Rönne* (1750 г. р.), и его сын *Felix II. Baron von Rönne* (1797 г. р.)). Предположительно, данный папирус и мумийная пелена были подарены представителями этой семьи библиотеке Кременецкого (Волинского) лицея в 1826–1830 гг., а в дальнейшем, в 1834 г., в составе других восточных рукописей, они попали в библиотеку Университета Св. Владимира в Киеве. На киевских фрагментах сохранились отрывки иератического текста и небольшие фрагменты монохромных виньеток. Папирус относится к Птолемеевскому периоду. Всего насчитывается тридцать шесть фрагментов, самый большой из которых имеет размер 5,1 × 3,5 см, а наименьший – 0,7 × 0,6 см. Поскольку фрагменты в основном очень маленькие, не всегда можно определить, какие главы они содержат. Имя и титулы владельца свитка не сохранились, но известно, что это была женщина. В настоящее время на киевском папирусе идентифицированы фрагменты текста шести глав Книги мертвых: 87, 89, 93, 99, 113 и 120. Из всех сохранившихся фрагментов изображений надежно идентифицируется только виньетка главы 87 (изображение змея Са-та), но можно предположить также наличие фрагментов виньеток глав 90 и 122. Стилистический и текстологический анализ показывает, что данный папирус был создан в конце IV – начале III в. до н. э. в Фивах и принадлежит к текстовой традиции “(Louvre) N. 3079” по М. Мошеру. Он является третьим женским свитком для этой группы.

Ключевые слова: Книга мертвых, папирус, фрагменты, Інститут рукописи, Киев

Стаття надійшла 03.05.2018

UDC 930.25

FROM THE HISTORY OF SOVIET ORIENTAL STUDIES: NEW ARCHIVAL SOURCES ON THE DEVELOPMENT OF EGYPTOLOGY IN 1940s – 1960s

N. Timofeeva

Postgraduate Student

of the Russian State University for the Humanities (RSUH)

Leading Document Manager of the RSUH Museum

15 Chayanova Str., Moscow, 125047, Russia

e-mail: timofeewww@gmail.com

A brief overview of archival documents on the history of Egyptology in 1940s – 1960s is given in the article. Materials from the Archive of the Russian Academy of Sciences (ARAS), the Russian State Archive (RSA), and the Russian State Archive of Socio-Political History (RSASPH) fill the gaps in the development of Soviet Oriental School; give a fairly complete coverage of the institutionalization process of Egyptological science at the international level and within the system. The article concerns an attempt to create a Soviet scientific Institute on the territory of Egypt that was made by M. A. Korostovtsev in the second half of the 1940s, and V. I. Avdiev and N. S. Petrovskiy in the late 1950s. The analysis of the extra-textual elements and accompanying letters has shown that the organization of the Soviet scientific mission had followed the path of European research practices and within the Academy of Sciences structure. Based on documents from the CPSU Central Committee (RSASPH), the process of transferring the Institute of Oriental Studies of the USSR Academy of Sciences from Leningrad to Moscow was reconstructed. A letter sent by Prof. Avdiev to L. P. Beria in May 1950, contained a sharp criticism of the scientific problems of Soviet scientists and doubts about the relevance of published articles in the

© 2018 N. Timofeeva; Published by the A.Yu. Krymskyi Institute of Oriental Studies, NAS of Ukraine on behalf of *The Oriental Studies*. This is an Open Access article distributed under the terms of the Creative Commons Attribution License (<https://creativecommons.org/licenses/by-nc-nd/4.0/>).

“Sovietskoie vostokovedenie” (Soviet Oriental Studies) journals. The transfer of the Institute was accompanied by a long and extremely painful process, generally, the project aimed to subordinate the activity of the Leningrad School of Oriental Studies under ideological control and reorient the content of scientific work to the practical tasks of Socialism construction. A number of articles have been devoted to this problematics; in this case, the attention is drawn to the description and general composition of the documents. The list of archival documents, organized by thematic principle and in chronological order with reference to their primary publications, as well as photographs of the most documents are offered.

Keywords: Soviet Oriental Studies, Egyptology, archival documents, Institute of Oriental Studies, USSR Academy of Sciences

Н. С. Тимофеева

**ИЗ ИСТОРИИ СОВЕТСКОГО ВОСТОКОВЕДЕНИЯ:
НОВЫЕ АРХИВНЫЕ ИСТОЧНИКИ ПО РАЗВИТИЮ
ЕГИПТОЛОГИИ В 1940–1960-е гг.**

История востоковедения советского периода, в частности египтологии, представляет интерес и имеет большое значение для анализа культурных взаимосвязей СССР и Египта. Процесс возникновения и институционализации советской востоковедной школы на международном уровне, поиск форм взаимодействия и сотрудничества с учетом специфики идеологии тоталитарного режима дает возможность восполнить лакуны в истории отечественной науки. Изучение архивных документов с последующей интерпретацией дает понимание их значимости и возможности применения содержащейся в них информации для дальнейших исследований. Процесс трансформации из “вещи в себе” в “вещь для нас” меняет официальный статус документов архива: так, материал становится историческим источником, когда содержащаяся в нем информация включается в каналы научной коммуникации¹.

¹ Следует отметить, что существуют два основных подхода к архивным материалам как историческим источникам. Архивный документ априори является историческим источником, так как содержит ретроспективную документальную информацию. Интерпретация заложенной информации формулирует новый исторический факт, анализ внетекстовых элементов – резолюций, маргиналий, реквизитов бланка, оттисков печати – выступает важной составляющей источниковедческого исследования (С. О. Шмидт). Другая позиция предполагает, что “архивный документ становится историческим источником только тогда,

Большой комплекс архивных, ранее не опубликованных материалов, на базе которых строится наше исследование, имеет значение как для истории египтологии, так и истории науки советского периода в целом. Документы из Государственного архива Российской Федерации (ГАРФ), Российского государственного архива социально-политической истории (РГАСПИ), архива Российской академии наук (г. Москва) (РАН) освещают один из важнейших периодов отечественной истории, и это стало возможным именно благодаря открытию для исследований различных фондов в постсоветский период.

Наше исследование базируется на личном фонде В. И. Авдиева (РАН, фонд 1782), корпусе писем-доносов в органы ЦК КПСС (РГАСПИ, фонд 17) – представленный архивный материал связан между собой фондообразователем; фонде № 2 Секретариата Президиума Российской академии наук (РАН), посредством которого велась переписка с М. А. Коростовцевым по линии АН СССР и фондом 589 Комитета партийного контроля (КПК) при ЦК КПСС (РГАСПИ). Фонд Комитета по культурным связям с границей Р-9518 и фонд 5283 ГАРФ дали возможность наиболее полно рассмотреть предложения по организации советского научно-исследовательского института на территории Египта во второй половине 1950-х гг.

Изучение истории Древнего Египта советской школой было сконцентрировано на политических и социально-экономических проблемах. Этому способствовал сложившийся и ставший традиционным формационный подход к развитию общества, влияние идеологии на научную и культурную жизнь страны. Институционализация советской школы египтологии проходила травматично и вместе с тем органично вписывалась в общую риторику правящих элит – в их отношение и методы построения диалога с наукой.

Процесс институционализации науки может быть представлен в двух основополагающих аспектах:

– институционализация на международном уровне, попытки организации советских научных представительств как основной базы для изучения дружественных стран в рамках распространения идеологии социализма в других государствах;

когда он становится публичным, то есть известным и равнодоступным” (В. П. Козлов).

– институционализация внутри системы, формирование основ для изучения практических проблем, попытки влияния на востоковедную школу в целом, ее монополизация с целью использования в качестве идеологического оружия и контроля.

В этом свете необходимо подчеркнуть большую роль эпистолярного наследия и коммуникацию между учеными, что позволяет объяснить мотивацию и контекст создания различных ситуаций. Так, появляется дополнительный уровень в, казалось бы, известных фактах. В качестве примера мы можем привести сюжет с передачей коллекции древнеегипетского искусства, собранной эмигрирующим в Египет Г. И. Лукьяновым. Процесс передачи был зафиксирован перепиской вдовы Елизаветы Лукьяновой посредством канала ВОКС, через который шел основной поток документов, включая предложения М. А. Коростовцева по организации в Каире советского представительства Академии наук СССР [Тимофеева 2015, 259–294].

Каналом связи между Египтом и СССР являлось отделение Всесоюзного общества культурных связей с заграницей, деятельность которого становится наиболее активной в 1945 г., во время командирования М. А. Коростовцева по линии центрального восточного агентства СССР ТАСС (“Телеграфное агентство Советского Союза”). Посредничество ВОКС позволило вести активную переписку и пересылать научные публикации коллегам в СССР. Организованный позже Государственный комитет по культурным связям с заграницей при Совете Министров СССР (1957 г.) стал преемником и выполнял функции последнего, осуществляя руководство в области культурного сотрудничества с зарубежными странами, координации деятельности министерств и организаций, занимавшихся по государственной линии международными связями в области образования, здравоохранения, культуры, литературы, искусства, спорта. Инициативы В. И. Авдиева и Н. С. Петровского стали возможны благодаря посреднической деятельности Комитета.

Необходимость организации научно-исследовательского института на территории Египта остро возникла в 40-е гг. XX века. Это связано с активной позицией СССР на международной арене, стремлением расширить границы своего влияния и общими амбициозными задачами. Если на первом этапе речь шла о формировании позитивного имиджа СССР, открытости перед Западом с

возможностью закрепить статус лидирующей державы, победившей фашистский режим, а также возможности оказывать влияние на геополитику стран “лагеря народной демократии”, то позже вектор задач сместился в более практическую плоскость. После переворота “Свободных офицеров”², национализации Суэцкого канала и создания Объединенной Арабской Республики стало очевидно, что все эти успехи стали возможны при поддержке Советского Союза, выходявшей за пределы военной помощи.

Организация советского научного института ориентировалась на западноевропейские примеры:

– институция научно-исследовательского типа с приоритетным изучением древней истории, культуры и языка, памятников материальной культуры;

– практический характер исследовательской работы, мог проявляться в обязательных археологических раскопках и фотофиксации;

– культурное сотрудничество, включая книгообмен, создание центра документации посредством фигуры научного атташе;

– изучение проблем современного Востока в контексте геополитических реалий середины XX века;

где, помимо исследовательских задач, отнюдь не первостепенных, на авансцену выходили представительские и дипломатические отношения. Нам удалось собрать архивный материал в единый комплекс, широко раскрывающий процесс создания и пути организации советского представительства в Египте в период 1940–1960-х гг. Этому аспекту был посвящен ряд статей, здесь нам бы хотелось обратить внимание на этот материал с точки зрения источниковедческого анализа. В основе данного комплекса документов лежит материал из архива Российской академии наук и Государственного архива Российской Федерации. Мы уже обращались к данному комплексу материала в совместных публикациях с И. А. Ладыниным [Ладынин, Тимофеева 2014, 368–392; 2017, 337–363].

² Военный переворот, осуществленный военными во главе с Гамалем Абделем Насером 23 июля 1952 г., в результате которого была свержена монархия и установлена республика. Перевороту предшествовала серия антибританских манифестаций. С международной точки зрения, переворот имел большие последствия, приведшие к так называемому Суэцкому кризису, в рамках которого Египет активно поддерживал Советский Союз.

Анализ внетекстовых элементов имеет большое значение при работе с источником, которое сложно переоценить. Истолкование резолюций, печатей, помет на полях поясняет ситуацию, в которой создавался документ, позволяет проследить за его движением и в итоге реконструировать события в более или менее логической последовательности. Практика написания сопроводительных писем в нашем случае становится хорошей возможностью для изучения материала, так как подобные письма имеют официальные реквизиты, дату и место составления, резолюции исполнителей. Так, на полях текста сопровождающего письма к>Note МИД Египта в адрес советских ученых с просьбой организации археологической экспедиции в Нубии в зонах затопления в связи со строительством Асуанской плотины значится “товарищу Тишину ознакомить профессора Авдиева и выяснить о решении по линии АН СССР. 12 марта 1958 г.”. Есть и ответ Академии – “вопрос об организации экспедиции будет решаться в отделении АН СССР. Он будет обсуждаться с египетской стороной во время пребывания товарища Михайлова Н. А. в ОАР. 31 марта 1958 г.” [ГАРФ, ф. 9518. оп. 1, д. 514. л. 116–112]. Это проясняет мотивацию написания Авдиевым предложений по этому поводу. Речь идет о документах с описанием научно-исследовательской работы в Египте и так называемом меморандуме по вопросу организации Советского института восточной археологии и истории, само название дает референс на Французский институт восточной археологии, на практику которого ссылался ранее и М. А. Коростовцев. Становится понятным, что формулировка и внесение подобных предложений стали возможными благодаря инициативе с египетской стороны, отчасти инспирированной открытым партнерским сотрудничеством, с учетом различных политических факторов.

Документы, содержащие предложения, высказанные Н. С. Петровским, также содержат интересные пометки. На сопроводительном письме из Посольства СССР в ОАР такие рукописные пометы прямо указывают, что вся основная организационная работа возлагалась на Академию наук СССР, которая вступила в практическую фазу, о чем свидетельствует место составления документации (Каир), как итог командирование последнего для решения административных вопросов. Резолюции подтверждают, “что вопрос внесен АН СССР... [подпись не разборчива]” и “Т. Кочкику. Прошу следить за решением по линии АН СССР” (Рис. 1) [ГАРФ, ф. 9518,

Крайне деловой и конструктивный тон Петровского диссонировал с идеологическими пассажами Авдиева. Археологическая экспедиция АН СССР в 1961–1962 гг. носила очевидный двойственный характер: с одной стороны, большой вклад в изучение и спасение древнеегипетских надписей времени XVIII, XIX, XX династий, с другой – демонстрация возможностей советского влияния на территории Египта в антибританской политической кампании.

* * *

Вторая часть публикации связана с общим разбором и характеристикой архивного материала, напрямую связанного с институционализацией внутри советской системы. Речь идет о переносе Института востоковедения АН СССР из Ленинграда в Москву (**рис. 2**), сопровождавшемся не одним проектом перестройки [Шаститко, Скворцова 2000, 92–108] процесс стал квинтэссенцией советской административной системы. В данном случае планомерная идеологизация науки стремилась взять под контроль ленинградское востоковедение и, как итог, переориентировать научно-исследовательскую проблематику классической школы востоковедения под практическую необходимость молодого советского государства.

Ленинградская школа опиралась на традиции петербургского академического востоковедения, основными направлениями были изучение истории, литературы, языка классического Востока. Московская школа приоритет отдавала изучению социокультурных и политических проблем, которые могли экстраполироваться на современную ситуацию на Ближнем Востоке. Работы, осуществляемые Институтом востоковедения, находившимся в Ленинграде до 1950 г., мягко говоря, с трудом могли быть соотнесены с задачами и методами, предлагаемые идеологией советского государства. Перенос и создание единого востоковедного центра в Москве сопровождался длительным и травматичным процессом во второй половине 1940-х гг.

Среди основных этапов можно выделит создание Московской группы Института востоковедения АН СССР (1943 г., из числа эвакуировавшихся ученых во время Второй мировой войны), переименование в отделение (1947 г.), однако сохранилось традиционное название и два проекта по перестройке института

с переориентацией научной проблематики в сферу современных проблем Ближнего Востока. Немалую роль в этом процессе сыграло письмо В. И. Авдиева Л. П. Берии от 30 мая 1950 г. Часть сопровождающих документов к данному письму добавляют деталей к этой картине – они в какой-то мере обнажают личные и профессиональные столкновения в научных кругах.

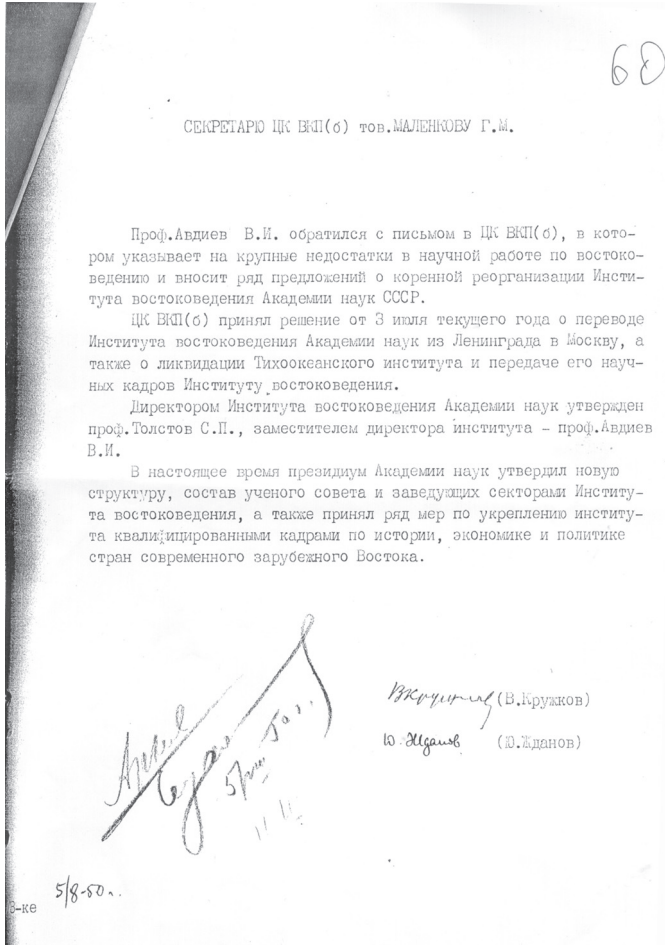

Рис. 2. Решение о переносе Института востоковедения АН СССР.
5 августа 1950 г. Машинопись.
Копия (РГАСПИ, ф.17, оп. 132, д. 341, л. 60)

Данный блок документов связан непосредственно с именем В. И. Авдиева и, в отличие от предыдущих документов, не имеет официальных реквизитов, но не менее интересен с точки зрения работы с ним. Так, датировки можно узнать непосредственно из самих документов, которые проставлены в них и имеют перекрестные ссылки друг на друга. Таким образом, документы можно расположить хронологически, что помогает восстановить последовательность событий. Отправной точкой послужила статья И. С. Брагинского “В стороне от актуальных вопросов современности” в газете “Культура и жизнь” от 11 января 1950 г.

Предметом рассмотрения стала критика сборников “Советское востоковедение” за 1948 и 1949 гг. Содержанию публикаций давалась негативная оценка с точки зрения актуальности выбранных тем, ссылаясь на изречения Сталина о торжестве социализма и основных задачах коммунистического строительства на Востоке, Брагинский в саркастически-журналистской манере “подвергает сомнению” исследования ведущих советских ученых – В. В. Струве, А. Ю. Якубовского, В. А. Крачковского. Риторика статьи легла в основу идеологических пассажей Авдиева и стала предлогом для организации открытого партийного собрания Московской группы Института востоковедения 13 февраля 1950 г., на котором с резкой критикой сложившейся ситуации выступил Авдиев, присовокупив текст выступления в качестве приложения к “основному” письму от 30 мая 1950 г.

Письмо не несет на себе никакой официальной “шапки” или обращения и начинается сразу со слов “Глубокоуважаемый Лаврентий Павлович!”; в конце письма перечислены приложения к нему – “доклад В. И. Авдиева на заседании Московской группы Института востоковедения и особая докладная записка о теоретических ошибках в области истории древнего Востока”. В корпус документов входят:

– предложения по собиранию рукописных фондов по истории древнего Востока с просьбой:

“1) Передать Институту востоковедения Академии наук СССР полуподвал дома № 12 по ул. Кропоткина для организации в нем временно книгохранилища и рукописного фонда, о чем просил Президиум Академии наук СССР в своем заявлении, направленном в Президиум Совета Министров СССР от 3 октября 1950 г.

2) Предоставить Институту востоковедения Академии наук СССР специальные средства для оборудования этого книгохранилища и рукописного фонда.

3) Пополнить штат Института востоковедения Академии наук СССР тремя должностями библиографов, тремя должностями научно-технических сотрудников, тремя должностями референтов по восточным языкам, одного реставратора рукописей и пяти технических работников для охраны и уборки помещений.

4) Отпустить Институту востоковедения средства на организацию в 1950–1952 гг. 10 командировок для розыска и описания восточных рукописей и книжных фондов по востоковедению.

5) Образовать междуведомственную комиссию для обследования востоковедных рукописных и книжных фондов с целью передачи некоторой части их в организуемый рукописный и книжный фонд Института востоковедения Академии Наук СССР” [РГАСПИ, ф. 17, оп. 132, д. 341, л. 69–70];

– **предложения в целях улучшения научной работы в области советского востоковедения провести следующие мероприятия (январь 1951 г.):**

“1) Передать Институту востоковедения полуподвал занимаемого институтом дома № 12 по ул. Кропоткина (ок. 500 кв. м.) для размещения в нем библиотеки и архива, а также служебного аппарата института. Заявление о передаче этого помещения в ведение Академии наук СССР за подписью С. И. Вавилова было передано в Президиум Совета Министров СССР 3 октября 1950 г. за № 1-7-42.

2) Перевести в штат института Академии наук СССР несколько крупных востоковедов из неакадемических учреждений, как-то китаеведа Думана и ираниста О. Л. Вильчевского (из Советской Армии), китаеведа, доктора филологических наук Федоренко (из Министерства иностранных дел), ираниста, кандидата исторических наук Н. Г. Ильинского из Министерства внешней торговли).

3) Организовать при Институте востоковедения Академии наук СССР специальную востоковедную библиотеку и научный архив и передать им книжные и рукописные фонды по востоковедению, распыленные и неиспользуемые, хранящиеся втуне в ряде учреждений, как в Москве, так и в других городах. Специальная

докладная записка по этому вопросу по личному указанию Г. М. Маленкова была передана в ЦК ВКП(б) тов. Бондаренко” [РГАСПИ, ф. 17, оп. 132, д. 341, л. 78];

– **Постановление Президиума Академии наук о мероприятиях в связи с реализацией постановления Президиума о состоянии научной работы в области востоковедения от 2 августа 1950 г.**, машинописная копия [РГАСПИ, ф. 17, оп. 132, д. 341, л. 124–127 – см. **Приложение** (публикуются впервые)].

Представляет интерес фрагмент выступления В. И. Авдиева, который нам удалось обнаружить в качестве приложения к его официальному приглашению (**рис. 3**) выступить на объединенном партсобрании, подписанном секретарем партийной организации Института востоковедения Г. Г. Кочарьянцом. Это довольно объемный фрагментированный машинописный текст, с утраченным окончанием. Документ содержит обильную рукописную правку стилистического характера. Крупные и наиболее эмоциональные блоки перечеркнуты, но прочитать их все же возможно – персонифицированная, экспрессивная критика позволяет представить атмосферу, царившую во взаимоотношениях коллег внутри московской и ленинградской школ периода:

«Целый ряд критических замечаний вызывают и вышедшие в свет два последних тома “Советского Востоковедения”, которые по своей тематике крайне оторваны от актуальных задач, выдвигаемых жизнью перед советским востоковедением. В виде резкого примера статьи, совершенно оторванной от современности, можно привести статью академика Алексеева, в которой даются переводы китайских стихов поэта-каллиграфа, эстетически, почти мистически переживающего каждый штрих своей кисти. Следовало бы подвергнуть обсуждению и недавно вышедшие книги и статьи Е. Э. Бертельса, посвященные юбилеям Низами и Навои. Наконец, требуют всесторонней критики и работы сотрудников Московской группы, в частности сборник статей, подготовленный к печати, в особенности статья Т. И. Райнова, на ошибки которого я неоднократно указывал в своих многочисленных выступлениях. Только подробно вскрыв эти ошибки и их корни, можно преодолеть то вредное влияние буржуазной науки, которое еще в некоторой степени оказывается в советском востоковедении.

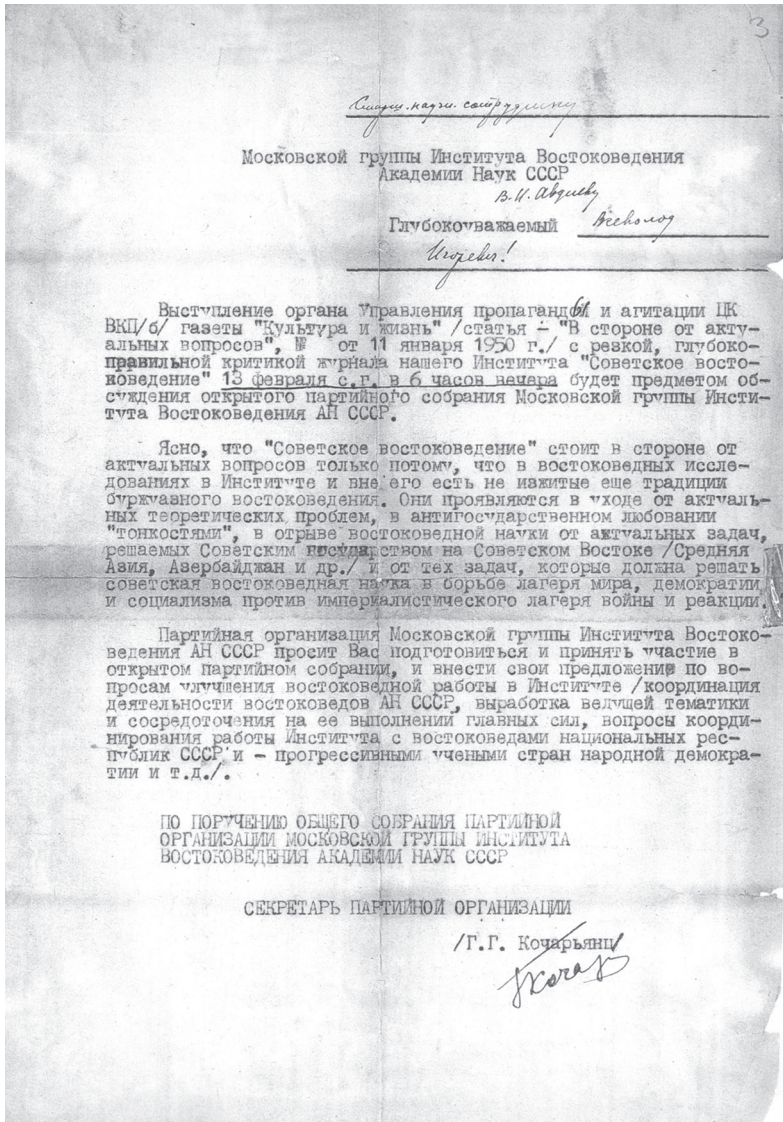

Рис. 3. Приглашение В. И. Авдиеву выступить на открытом партийном собрании Московской группы Института востоковедения по вопросам его работы, машинописная копия (АРАН, ф. 1782, оп. 1, д. 298, л. 3)

Тов. Кочарьянц в своем выступлении упрекнул меня в том, что на последнем заседании бюро я поддержал Б. Н. Заходера и Н. И. Конрада. К сожалению тов. Кочарьянц не совсем правильно понял мои слова. Я только сказал, что если Конрад и Заходер могут уйти из группы, то и другие участники, как пример я, могут тоже уйти из группы. Однако, я тут не добавил, что уход из группы не есть выход из положения. Надо оставаться на работе и принимать все меры к тому, чтобы повысить идеологический уровень нашей совместной научной работы. Конечно, моя вина в том, что я неудачно выразил свои мысли, если они были непонятны одним из присутствующих. И особенно моя вина в том, что я не подверг суровой, но справедливой критике выступления Конрада и Заходера. Я ясно сознаю теперь, что в этом отношении я допустил ошибку.

Перед советским востоковедением стоят серьезные и ответственные задачи. Мы должны сделать все возможное, что бы актуализировать нашу тематику и нашу научную работу. Конечно, все стороны востоковедения нужны и требуют больших усилий для того, чтобы сделать их актуальными и полезными в настоящих условиях. Необходима работа в области новейшей и новой истории Востока. Но так же и в области средневековой и древней истории Востока. Все дело лишь в том, чтобы не замыкаться в “башне из слоновой кости”, чтобы не уходить от жизни в норку “эстетического отшельничества”, а чтобы сделать научную работу максимально полезной для социалистического строительства, поставив всю научную работу на службу советскому народу» [АРАН, ф. 1782, оп. 1, д. 298, л. 1].

Ниже мы приводим список с перечнем архивных документов, разбитых по тематическому принципу и в хронологическом порядке с указанием на их первичные публикации. Этот формат нам кажется наиболее удобным для дальнейшей научно-исследовательской работы. Представленный корпус документов не претендует на полноту, однако дает достаточно широкий охват новых источников для изучения истории египтологии в советский период (крайние даты нашего исследования: 1940–1960-е гг.).

**Архивные материалы, касающиеся проблем
организации советского научного представительства
на территории Египта в 1940–1960-е гг.**

Авдиев В. И. Докладная записка Председателю Комитета по культурным связям с зарубежными странами Ю. Жукову об организации научно-исследовательской работы и вопросе создания Советского института Восточной Археологии и Истории. Москва, 10 декабря 1957 г. Авторизованная машинопись с правкой // **ГАРФ**, ф. 9518, оп. 1, д. 515, л. 31–33.

Авдиев В. И. Меморандум об организации советской научно-исследовательской работы в Египте. Москва, 12 декабря 1957 г. Авторизованная машинопись с правкой // **ГАРФ**, ф. 9518, оп. 1, д. 515, л. 34–44.

Коростовцев М. А. Материалы к пятилетнему плану отделения истории и философии и отделения языка и мышления Академии наук СССР. Авторизованная машинопись с правкой. Каир, 20 декабря 1946 г. // **АРАН**, ф. 2, оп. 1 – 1946, д. 482, л. 25–37.

Коростовцев М. А. О сборании материалов для запланированных работ. Авторизованная машинопись с правкой. Каир, 28 января 1947 г. // **АРАН**, ф. 2, оп. 1 – 1946, д. 482, л. 38–41.

Коростовцев М. А. Об организации советской научно-исследовательской работы в Египте. Авторизованная машинопись. Каир, 23 февраля 1947 // **АРАН**, ф. 2, оп. 1 – 1946, д. 482, л. 7–20.

Коростовцев М. А. План моих личных работ. Авторизованная машинопись. Каир, 18 декабря 1946 г. // **АРАН**, ф. 2, оп. 1 – 1946, д. 482, л. 21–24.

Петровский Н. С. Докладная записка Послу СССР в ОАР В. Я. Ерофееву об открытии в ОАР Института египтологии АН СССР. Каир, 6 апреля 1960 г. Авторизованная машинопись // **ГАРФ**, ф. 9518, оп. 1, д. 516, л. 72–79.

Петровский Н. С. Докладная Записка Советнику по Культуре Н. А. Сметанину о структуре “Департамента древностей” и Египетском музее в Каире. Каир, 7–8 апреля 1960 г. Копия // **ГАРФ**, ф. 9518, оп. 1, д. 516, л. 81–89.

**Архивные материалы, касающиеся переноса Института
востоковедения АН СССР из Ленинграда в Москву**

Авдиев В. И. Выступление на заседании Московской группы Института востоковедения в свете статьи к. и. н. И. С. Брагинского

“В стороне от актуальных вопросов современности”, опубликованной в газете “Культура и жизнь” // **АРАН**, ф. 1782, оп. 1, д. 298, л. 1–24.

Брагинский И. С. В стороне от актуальных вопросов современности // Культура и жизнь. 11 января 1950 г. // **АРАН**, ф. 1782, оп. 1, д. 297, л. 15.

Кочарьянц Г. Г. Выступление на заседании Московской группы Института востоковедения. Черновик доклада с правкой. 13 февраля 1950 г. // **АРАН**, ф. 1782, оп. 1, д. 298, л. 3–24.

Авдиев В. И. “Глубокоуважаемый Лаврентий Павлович!” Машинопись. Копия // **РГАСПИ**, ф. 17, оп. 132, д. 341, л. 22–27.

Авдиев В. И. Предложения по вопросу организации работы по выявлению, изучению и собранию востоковедных рукописных фондов. Без даты. Машинописная копия // **РГАСПИ**, ф. 17, оп. 132, д. 341, л. 69–70.

Авдиев В. И. Предложения в целях улучшения научной работы... Машинописная копия // **РГАСПИ**, ф. 17, оп. 132, д. 341, л. 78.

Сопровождающая записка от 24 апреля 1960 г. // **ГАРФ**, ф. 9518, оп. 1, д. 516, л. 71.

Решение о переносе Института востоковедения АН СССР. 5 августа 1950 г. Машинопись. Копия // **РГАСПИ**, ф. 17, оп. 132, д. 341, л. 60.

Авдиев В. И. Предложения по вопросу организации работы по выявлению, изучению и собранию востоковедных рукописных фондов. Без даты. Машинописная копия // **РГАСПИ**, ф. 17, оп. 132, д. 341, л. 69–70.

Авдиев В. И. Предложения в целях улучшения научной работы... Машинописная копия. Письмо адресовано на имя Л. П. Берия, содержит резолюцию Маленкова Г. М. “Жданову. Прошу разобраться в этом, принять необходимые меры и доложить об этом”. 24 января 1951 г. Автограф // **РГАСПИ**, ф. 17, оп. 132, д. 341, л. 78.

Авдиев В. И. Выступление на заседании Московской группы Института востоковедения в свете статьи к. и. н. И. С. Брагинского “В стороне от актуальных вопросов современности”, опубликованной в газете “Культура и жизнь” // **АРАН**, ф. 1782, оп. 1, д. 298, л. 1.

Публикации архивных документов и литература

Тимофеева Н. С. Переписка М. А. Коростовцева и руководства АН СССР о перспективах его научной работы в Египте в 1946–1947 гг. (обзор архивных материалов) // **Восток**. 2011. № 2.

Тимофеева Н. С. Египтолог В. И. Авдиев: неизвестные документы о пути в науку // **Вестник РГГУ**. 2014. № 19.

Тимофеева Н. С. Об одной частной коллекции предметов древнеегипетского искусства: наследие профессора Г. И. Лукьянова // **Aegyptiaca Rossica** / Под ред. М. А. Чегодаева, Н. В. Лаврентьевой. Вып. 3. Москва, 2015.

Тимофеева Н. С. “Моя партийная совесть не позволяет мне молчать...” Инициативы В. И. Авдиева и Н. С. Петровского по организации советского научного присутствия в Египте в конце 1950-х – начале 1960-х гг. // **Советский ландшафт древней ойкумены: отечественная наука о древнем Востоке и античности в 1920–1980-е гг.** / Вестник Университета Дмитрия Пожарского. № 2 (4). Москва, 2016.

Тимофеева Н. С. Об организации советской научно-исследовательской работы на территории Египта в 1940-х – 1960-х гг. Обзор архивных материалов // **Aegyptiaca Rossica** / Под ред. М. А. Чегодаева, Н. В. Лаврентьевой. Вып. 4. Москва, 2016а.

Ладынин И. А., Тимофеева Н. С. Египтолог М. А. Коростовцев и его инициатива по созданию научного представительства СССР в Египте (1943–1947 годы) // **Исторические записки**. 2014. № 15 (133).

Ладынин И. А., Тимофеева Н. С. “Глубокоуважаемый Лаврентий Павлович!” Из документов В. И. Авдиева 1950 г. // **Aegyptiaca Rossica** / Под ред. М. А. Чегодаева, Н. В. Лаврентьевой. Вып. 5. Москва, 2017.

Шаститко П. М., Скворцова Н. И. Отечественное востоковедение после Второй мировой войны (1943–1950) // **Восток**. 2000. № 5.

REFERENCES

Archival materials concerning the problems of organizing Soviet scientific representation on the territory of Egypt in 1940s – 1960s

Avdiev V. I., Dokladnaya zapiska Predsedatelyu Komiteta po kul'turnym svyazyam s zarubezhnymi stranami YU. Zhukovu ob

organizatsii nauchno-issledovatel'skoy raboty i voprose sozdaniya Sovetskogo instituta Vostochnoy Arkheologii i Istorii. Moskva, 10 dekabrya 1957 g. Avtorizovannaya mashinopis' s pravkoy, *GARF, f. 9518, op. 1, d. 515, l. 31–33*. (In Russian).

Avdiyev V. I. Memorandum ob organizatsii sovetskoj nauchno-issledovatel'skoy raboty v Egipte. Moskva, 12 dekabrya 1957 g. Avtorizovannaya mashinopis' s pravkoy, *GARF, f. 9518, op. 1, d. 515, l. 34–44*. (In Russian).

Korostovtsev M. A. Materialy k pyatiletnemu planu otdeleniya istorii i filosofii i otdeleniya yazyka i myshleniya Akademii nauk SSSR. Avtorizovannaya mashinopis' s pravkoy. Kair, 20 dekabrya 1946 g., *ARAN, f. 2, op. 1 – 1946, d. 482, l. 25–37*. (In Russian).

Korostovtsev M. A. O sobiranii materialov dlya zaplanirovannykh rabot. Avtorizovannaya mashinopis' s pravkoy. Kair, 28 yanvarya 1947 g., *ARAN, f. 2, op. 1 – 1946, d. 482, l. 38–41*. (In Russian).

Korostovtsev M. A. Ob organizatsii sovetskoj nauchno-issledovatel'skoy raboty v Egipte. Avtorizovannaya mashinopis'. Kair, 23 fevralya 1947, *ARAN, f. 2, op. 1 – 1946, d. 482, l. 7–20*. (In Russian).

Korostovtsev M. A. Plan moikh lichnykh rabot. Avtorizovannaya mashinopis'. Kair, 18 dekabrya 1946 g., *ARAN, f. 2, op. 1 – 1946, d. 482, l. 21–24*. (In Russian).

Petrovskiy N. S. Dokladnaya zapiska Poslu SSSR v OAR V.YA. Erofeyevu ob otkrytii v OAR Instituta egiptologii AN SSSR. Kair, 6 aprelya 1960 g. Avtorizovannaya mashinopis', *GARF, f. 9518, op. 1, d. 516, l. 72–79*. (In Russian).

Petrovskiy N. S. Dokladnaya Zapiska Sovetniku po Kul'ture N. A. Smetaninu o strukture "Departamenta drevnostey" i Egiptskom muzeye v Kaire. Kair, 7–8 aprelya 1960 g. Kopiya, *GARF, f. 9518, op. 1, d. 516, l. 81–89*. (In Russian).

**Archival materials related to the transfer
of the Institute of Oriental Studies
of the USSR Academy of Sciences from Leningrad to Moscow**

Avdiyev V. I. Vystupleniye na zasedanii Moskovskoy gruppy Instituta vostokovedeniya v svete stat'i k. i. n. I. S. Braginskogo "V storone ot aktual'nykh voprosov sovremennosti", opublikovannoy v gazete "Kul'tura i zhizn'", *ARAN, f. 1782, op. 1, d. 298, l. 1–24*. (In Russian).

Braginskiy I. S. V storone ot aktual'nykh voprosov sovremennosti, "Kul'tura i zhizn'" ot 11 yanvarya 1950 g., *ARAN*, f. 1782, op. 1, d. 297, l. 15. (In Russian).

Kochar'yants G. G. Vystupleniye na zasedanii Moskovskoy grupy Instituta vostokovedeniya. Chernovik doklada s pravkoy. 13 fevralya 1950 g., *ARAN*, f. 1782, op. 1, d. 298, l. 3–24. (In Russian).

Avdiyev V. I. "Glubokouvazhayemyy Lavrentiy Pavlovich!" Mashinopis'. Kopiya, *RGASPI*, f. 17, op. 132, d. 341, l. 22–27. (In Russian).

Avdiyev V. I. Predlozheniya po voprosu organizatsii raboty po vyyavleniyu, izucheniyu i sobraniyu vostokovednykh rukopisnykh fondov. Bez daty. Mashinopisnaya kopiya, *RGASPI*, f. 17, op. 132, d. 341, l. 69–70. (In Russian).

Avdiyev V. I. Predlozheniya v tselyakh uluchsheniya nauchnoy raboty... Mashinopisnaya kopiya, *RGASPI*, f. 17, op. 132, d. 341, l. 78. (In Russian).

Soprovozhdayushchaya zapiska ot 24 aprelya 1960 g., *GARF*, f. 9518, op. 1, d. 516, l. 71. (In Russian).

Resheniye o perenose Instituta vostokovedeniya AN SSSR. 5 avgusta 1950 g. Mashinopis'. Kopiya, *RGASPI*, f. 17, op. 132, d. 341, l. 60. (In Russian).

Avdiyev V. I. Predlozheniya po voprosu organizatsii raboty po vyyavleniyu, izucheniyu i sobraniyu vostokovednykh rukopisnykh fondov. Bez daty. Mashinopisnaya kopiya, *RGASPI*, f. 17, op. 132, d. 341, l. 69–70. (In Russian).

Avdiyev V. I. Predlozheniya v tselyakh uluchsheniya nauchnoy raboty... Mashinopisnaya kopiya. Pis'mo adresovano na imya L. P. Beriya, sodержit rezolyutsiyu Malenkova G. M. "Zhdanovu. Prosh'ch razobrat'sya v etom, prinyat' neobkhodimyye mery i dolozhit' ob etom. 24 yanvarya 1951 g. Avtograf, *RGASPI*, f. 17, op. 132, d. 341, l. 78. (In Russian).

Avdiyev V. I. Vystupleniye na zasedanii Moskovskoy grupy Instituta vostokovedeniya v svete stat'i k. i. n. I. S. Braginskogo "V storone ot aktual'nykh voprosov sovremennosti", opublikovannoy v gazete "Kul'tura i zhizn'", *ARAN*, f. 1782, op. 1, d. 298, l. 1. (In Russian).

Publication of the archival documents and literature

Timofeyeva N. S. (2011), “Perepiska M. A. Korostovtseva i rukovodstva AN SSSR o perspektivakh ego nauchnoy raboty v Egipte v 1946–1947 gg. (obzor arkhivnykh materialov)”, *Vostok*, № 2, pp. 106–16. (In Russian).

Timofeyeva N. S. (2014), “Egiptolog V. I. Avdiyev: neizvestnyye dokumenty o puti v nauke”, *Vestnik RGGU*, №19, pp. 66–78. (In Russian).

Timofeyeva N. S. (2015), “Ob odnoy chastnoy kollekcii predmetov drevneyegipetskogo iskusstva: naslediyе professora G. I. Luk’yanova, Chegodaev M. A., and Lavrentieva N. V. (eds.), *Aegyptiaca Rossica*, Vyp. 3. Moskva. (In Russian).

Timofeyeva N. S. (2016), “Moya partiynaya sovest’ ne pozvolayet mne molchat’...” Initsiativy V. I. Avdiyeva i N. S. Petrovskogo po organizatsii sovetskogo nauchnogo prisutstviya v Egipte v kontse 1950-kh – nachale 1960-kh gg.”, *Sovetskiy landshaft drevney oykumeny: otechestvennaya nauka o drevnem Vostoke i antichnosti v 1920–1980-e gg.* Vestnik Universiteta Dmitriya Pozharskogo, № 2 (4). Moskva, pp. 320–50. (In Russian).

Timofeyeva N. S. (2016a), “Ob organizatsii sovetskoy nauchnoissledovatel’skoy raboty na territorii Egipta v 1940-kh – 1960-kh gg. Obzor arkhivnykh materialov Chegodaev M. A., and Lavrentieva N. V. (eds.), *Aegyptiaca Rossica*. Vyp. 4. Moskva, pp. 332–47. (In Russian).

Ladynin I. A. and Timofeeva N. S. (2014), “Egiptolog M. A. Korostovtsev i ego initsiativa po sozdaniyu nauchnogo predstavitel’sтва SSSR v Egipte (1943–1947 gody)”, *Istoricheskiye zapiski*, № 15 (133), pp. 368–92. (In Russian).

Ladynin I. A. and Timofeeva N. S. (2017), “Glubokouvazhayemyy Lavrentiy Pavlovich!”, *Iz dokumentov V. I. Avdiyeva 1950 g.*, Chegodaev M. A., and Lavrentieva N. V. (eds.), *Aegyptiaca Rossica*, Vyp. 5. Moskva, S. 337–363. (In Russian).

Shastitko P. M., Skvortsova N. I. (2000), “Otechestvennoye vostokovedeniye posle Vtoroy mirovoy voyny (1943–1950)”, *Vostok*, № 5, pp. 92–108. (In Russian).

ПРИЛОЖЕНИЕ

Постановление Президиума Академии наук о мероприятиях в связи с реализацией постановления Президиума о состоянии научной работы в области востоковедения от 2 августа 1950 г. Машинописная копия (РГАСПИ, ф. 17, оп. 132, д. 341, л. 124–127).

124

ПРЕЗИДИУМ АКАДЕМИИ НАУК СОЮЗА ССР

ПОСТАНОВЛЕНИЕ

г. Москва

« 2 . августа 195 0.

(Протокол № 23 заседания Президиума

§ 421 п.)

421. О мероприятиях в связи с реализацией постановления Президиума АН СССР "О состоянии научной работы в области востоковедения в институтах АН СССР" (протокол № 17 от 1 июля с.г., § 372)

Докладчик профессор С.П.Толстов

Президиум Академии Наук СССР постановляет:

1. В соответствии с Постановлением Совета Министров СССР перевести Институт востоковедения из Ленинграда в Москву.

2. Ликвидировать Тихоокеанский институт, передав его имущество, материальные ценности и расчетные счета на баланс Института востоковедения. Передать кадры Тихоокеанского института Институту востоковедения.

3. Утвердить следующую структуру Института востоковедения:

1. Д и р е к ц и я

П. С е к т о р а :

- 1) Сектор Китая
- 2) Сектор Монголии и Кореи
- 3) Сектор Японии
- 4) Сектор стран юго-восточной Азии
- 5) Сектор Индии и Афганистана
- 6) Сектор Ирана
- 7) Сектор Турции
- 8) Сектор арабских стран
- 9) Сектор советского востока
- 10) Сектор (Музей) восточных рукописей

125

- 2 -

- Ш. Редакционно-издательская группа
- 1У. Библиотека
- У. Административно-хозяйственная часть
- У1. Бухгалтерия.

4. Перевести Институт востоковедения из Отделения литературы и языка в состав учреждений Отделения истории и философии АН СССР.

5. Перевести для работы в Институте востоковедения:

- а) из Института экономики В.А.Масленникова (с разрешением временно работать по совместительству в Институте экономики), В.Б.Балабушевич, С.М.Мельман, М.И.Дукьянову, Н.А.Ваганова, Л.Н.Ватолину (с освобождением от работы по совместительству в Президиуме Академии), А.М.Валу́йского, Т.И.Корееву (Шевцову), А.Г.Мхиториан;
- б) из Института истории П.Ф.Борецкого;
- в) из Института языкознания Г.Д.Санжеева, Б.К.Пашкова;
- г) из Института географии В.Т.Зайчикова;
- д) из Института мировой литературы А.А.Шариф;
- е) из Фундаментальной библиотеки К.А.Антонову.

Одновременно передать соответственно из институтов Экономики, Истории, Языкознания, Географии и Мировой литературы единицы, занимаемые переводимыми из них работниками, и фонд заработной платы.

6. Обязать Финансовый отдел выделить Институту экономики 4 штатные единицы.

7. Установить штат Института востоковедения Академии Наук СССР на 1950 г. в количестве 150 единиц.

8. Утвердить в должности:

- 1) зав.Сектором Китая - доктора экономических наук В.А.Масленникова;
- 2) зав.Сектором Монголии и Кореи - доктора филологических наук Г.Д.Санжеева;
- 3) зав.Сектором Японии - члена-корреспондента АН СССР Е.М.Жукова;

- 4) зав. Сектором стран юго-восточной Азии - доктора исторических наук А.А. Губера;
- 5) зав. Сектором Индии и Афганистана - доктора исторических наук А.М. Дьякова;
- 6) зав. Сектором Ирана - доктора исторических наук Б.Н. Заходера;
- 7) зав. Сектором Турции и арабских стран - академика В.А. Гордлевского;
- 8) зав. Сектором советского востока - члена-корреспондента АН СССР Е.Э. Бертельса.

9. Назначить:

- 1) временно исполняющим обязанности зав. Сектором (музеем) восточных рукописей кандидата исторических наук Д.И. Тихонова;
- 2) временно исполняющим обязанности ученого секретаря Института востоковедения кандидата исторических наук С.Д. Дылынова.

10. Утвердить предложенный директором Института состав ученого совета Института востоковедения (приложение). Разрешить Институту организовать три секции Ученого совета: историческую, экономическую и филологическую.

11. Предложить директору Института востоковедения профессору С.П. Толстову:

- а) укомплектовать штат научных работников Института к 1 сентября с.г.;
- б) представить к 15 августа в Бюро Отделения истории и философии план исследовательской работы Института на 1951 год, предусмотрев в первую очередь подготовку капитальных трудов по новейшей истории, экономике, языку и литературе стран современного Востока.

12. В связи с переездом в Москву ряда сотрудников Института востоковедения из Ленинграда и других городов СССР предложить жилищной комиссии Президиума АН СССР обеспечить до конца 1950 г. жилплощадь в Москве не менее 10 специалистов-востоковедов по представлению Института востоковедения.

13. В связи с недостатком служебных помещений в Москве разрешить директору Института востоковедения оставить в Ленинграде

собрание восточных рукописей и Фундаментальную библиотеку
Института востоковедения.

Обратиться с просьбой к Министру финансов СССР т.А.Г.Звереву об оформлении для Сектора восточных рукописей отдельного счета в Госбанке в Ленинграде с целью обеспечения выплаты зарплаты и оплаты необходимых расходов по Музею.

14. Для приемки дел и имущества Института востоковедения и Тихоокеанского института организовать Комиссию в составе:

- 1) зам.директора Института востоковедения АН СССР проф.В.И.Авдиев (председатель),
- 2) академик В.В.Струве,
- 3) член-корреспондент АН СССР Е.М.Жуков,
- 4) зам.директора Института востоковедения по административно-хозяйственной части,
- 5) зам.управляющего делами АН СССР в Ленинграде т.И.А.Ванин,
- 6) зам.управляющего делами АН СССР в Москве т.Г.В.Акинфиев,

Комиссии закончить приемку дел и имущества к 1 сентября 1950 года.

15. Обязать Управление делами прикрепить к Институту востоковедения две легковые машины, из них одну не позднее 1 сентября.

Обязать Финансовый отдел выделить средства на содержание двух легковых автомашин для Института востоковедения.

п.п. Вице-президент
Академии Наук СССР академик -И.П.Вардин

д.о.главного ученого секретаря
Президиума Академии Наук СССР
профессор -Н.М.Сисакия

Н. С. Тимофеева

**З історії радянського сходознавства:
нові архівні джерела з розвитку єгиптології
в 1940–1960-ті рр.**

У статті подається короткий огляд архівних документів щодо вивчення історії єгиптології в 1940–1960-ті рр. Матеріал з Архіву Російської академії наук (РАН), Державного архіву Російської Федерації (ДА РФ) та Російського державного архіву соціально-політичної історії (РДАСПІ) заповнює лакуни в історії становлення радянської сходознавчої школи, дає досить повне висвітлення процесу інституціоналізації єгиптологічної науки на міжнародному рівні та всередині системи. Йдеться про спроби створення радянського наукового інституту на території Єгипту М. А. Коростовцевим у другій половині 1940-х рр. та В. І. Авдієвим та Н. С. Петровським наприкінці 1950-х рр. Аналіз позатекстових елементів і супровідних листів показав, що організація радянського наукового представництва йшла шляхом європейських науково-дослідних практик і в структурі Академії наук. На базі документів з фонду ЦК КПРС (РДАСПІ) подається реконструкція процесу перенесення Інституту сходознавства АН СРСР з Ленінграда до Москви. Лист, надісланий проф. Авдієвим на ім'я Л. П. Берії у травні 1950 р., містив у собі різку критику наукової проблематики радянських вчених, сумніви щодо актуальності статей, що публікувалися у збірниках “Радянське сходознавство”. Перенесення інституту супроводжувалося тривалим і вкрай болючим процесом, у цілому проект ставив собі за мету підкорити під ідеологічний контроль діяльність ленінградської школи сходознавства та переорієнтувати зміст науково-дослідних робіт під практичні завдання соціалістичного будівництва. Цій проблематиці було присвячено низку статей, у цьому випадку звертається увага на опис і загальний склад документів. Наводиться список архівних документів, розбитих за тематичним принципом і в хронологічному порядку, із зазначенням на їхні первинні публікації, а також наводяться фотографії самих документів.

Ключові слова: радянське сходознавство, єгиптологія, архівні документи, Інститут сходознавства, АН СРСР

Н. С. Тимофеева

**Из истории советского востоковедения:
новые архивные источники по развитию египтологии
в 1940–1960-е гг.**

В статье дается краткий обзор архивных документов по изучению истории египтологии в 1940–1960-е гг. Материал из Архива Российской

академии наук (АРАН), Государственного архива Российской Федерации (ГАРФ) и Российского государственного архива социально-политической истории (РГАСПИ) восполняет лакуны в истории становления советской востоковедной школы, дает достаточно полное освещение процесса институционализации египтологической науки на международном уровне и внутри системы. Речь идет о попытках создания советского научного института на территории Египта М. А. Коростовцевым во второй половине 1940-х гг. и В. И. Авдиевым и Н. С. Петровским в конце 1950-х гг. Анализ внетекстовых элементов и сопроводительных писем показал, что организация советского научного представительства шла по пути европейских научно-исследовательских практик и в структуре Академии наук. На базе документов из фонда ЦК КПСС (РГАСПИ) дается реконструкция процесса переноса Института востоковедения АН СССР из Ленинграда в Москву. Письмо, направленное проф. Авдиевым на имя Л. П. Берии в мае 1950 г., содержало в себе резкую критику научной проблематики советских ученых, сомнения в актуальности публикуемых статей в сборниках “Советское востоковедение”. Перенос института сопровождался длительным и крайне болезненным процессом, в целом проект ставил своей целью взять под идеологический контроль деятельность ленинградской школы востоковедения и переориентировать содержание научно-исследовательских работ под практические задачи социалистического строительства. Этой проблематике был посвящен ряд статей, в данном случае обращается внимание на описание и общий состав документов. Приводится список архивных документов, разбитых по тематическому принципу и в хронологическом порядке, с указанием на их первичные публикации, а также предложены фотографии самих документов.

Ключевые слова: советское востоковедение, египтология, архивные документы, Институт востоковедения, АН СССР

Стаття надійшла до редакції 03.05.2018

Anniversaria

К юбилею Андрея Олеговича Большакова¹

21 апреля 2018 г. исполнилось 60 лет д. и. н. *Андрею Олеговичу Большакову* – ведущему российскому египтологу, хранителю египетского собрания Государственного Эрмитажа. А. О. Большаков занимается изучением одного из самых интересных и наиболее сложных аспектов культуры Древнего Египта – особенностей

¹ Выступление А. О. Большакова на конференции “Жизнь, посвященная Музею” памяти С. И. Ходжаш (1923–2008) (Москва, 13–14 ноября 2013 г.) (фото Н. В. Лаврентьевой).

мировоззрения египтян, в частности эпохи Древнего (Старого) царства. Его перу принадлежит целый ряд блестящих книг и статей (более 150), среди которых следует назвать прежде всего книги “Человек и его Двойник. Изобразительность и мировоззрение в Египте Старого царства” (СПб., 2001), “Man and his Double in Egyptian Ideology of the Old Kingdom” (*Ägypten und Altes Testament*, 37. – Wiesbaden, 1997), посвященные изучению *k3* – важнейшей культурной и мировоззренческой категории египтян, и основополагающую статью “Изображение и текст: два языка древнеегипетской культуры” (*Вестник древней истории*. – 2003. – № 4. – С. 3–20). Помимо этого, А. О. Большаков занимается комплексным исследованием памятников Египетской коллекции Государственного Эрмитажа. Организатор ежегодных “Петербургских египтологических чтений” и составитель сборников материалов этих чтений, он фактически спас российскую школу египтологии от исчезновения в сложнейший период ее существования. Немалым было его влияние и на формирование египтологии в Украине. Юбилею А. О. Большакова российские и украинские коллеги с благодарностью посвятили *Festschrift* – шестой выпуск сборника “*Aegyptiaca Rossica*” (М., 2018).

М. А. Чегодаев

К юбилею Ольги Игоревны Зубовой (Павловой)²

23 мая 2018 г. исполнилось 70 лет *Ольге Игоревне Зубовой (Павловой)* – замечательной исследовательнице древнеегипетской религии, автору превосходной монографии о культуре Амона фиванского “Амон Фиванский – ранняя история культа (V–XVII династии)” (М., 1984) и множества статей, в основном посвященных эсхатологии “Текстов пирамид” – первого в истории человечества грандиозного сборника заупокойных текстов. Ольга Игоревна принимала активное участие в подготовке украинских египтологов и вместе со своим супругом, Андреем Борисовичем Зубовым, неоднократно бывала в Киеве. В 2014 г. она приняла участие в конференции “XVIII Сходознавчі читання А. Кримського”.

М. А. Чегодаев

² *О. И. Зубова (Павлова)* на конференциях “XVIII Сходознавчі читання А. Кримського” (Киев, 17.10.2014) (фото А. В. Вертиенко) и “Язык(и) древнеегипетской культуры: проблемы переводимости” (Москва, 18.11.2014) (фото М. А. Чегодаева).

Colloquium

Друга Всеукраїнська наукова конференція “Історія музейництва України першої половини ХХ ст.: втрати та здобутки” (Київ, 5–6 лютого 2018 р.).

5–6 лютого в Національному науково-природничому музеї НАН України в м. Києві пройшла Друга Всеукраїнська наукова конференція під назвою “Історія музейництва України першої половини ХХ ст.: втрати та здобутки”, присвячена 100-річчю заснування Української академії наук. Тематика доповідей була здебільшого зосереджена на особливостях музейної роботи і трагічних долях музейних працівників України в першій половині ХХ століття. У роботі взяли участь близько півсотні науковців і музейників з Києва, Львова, Бахмута, Полтави, Луцька, Канева, Умані, Чернігова, Харкова, Бережан та Шепетівки. На засіданні 5 лютого виступив ст. н. с. Інституту сходознавства ім. А. Ю. Кримського НАН України *М. О. Тарасенко* з доповіддю “Давньоєгипетські старожитності з Баб ель-Гусус у музейних колекціях України”.

М. О. Тарасенко

* * *

Міжнародна наукова конференція “Туркманчайський мирний договір: к 190-летию события” (Республіка Білорусь, Гомель, 15–16 лютого 2018 р.).

15–16 лютого 2018 р. на історичному факультеті Гомельського державного університету імені Франциска Скорини пройшла Міжнародна наукова конференція “Туркманчайський мирний договір: к 190-летию события”, приурочена річниці однойменної події. Тематика доповідей конференції була присвячена політичним та воєнним подіям періоду російсько-іранської війни 1826–1828 рр., Туркманчайському договору, його ролі і значенню, та діяльності І. Паскевича і О. Грибоедова. Місцем проведення другого дня роботи конференції став Гомельський палацово-парковий ансамбль, який свого часу був власністю І. Паскевича, одного з підписантів мирного договору. У роботі конференції взяли участь вчені з України, Білорусі, Азербайджану, Вірменії, Росії. Інститут сходознавства ім. А. Ю. Кримського НАН України був

репрезентований доповіддю науковця *Н. М. Зуб* “О некоторых аспектах подготовки и реализации Туркманчайского трактата”. До початку роботи конференції опубліковано збірник наукових статей “Туркманчайский мирный договор: к 190-летию события” (Гомель, 2018, 150 с.).

Н. М. Зуб

* * *

Міжнародна наукова конференція “ХІІ читання пам’яті професора П. Й. Каришковського” (Одеса, 12–13 березня 2018 р.).

Кафедра історії стародавнього світу та середніх віків історичного факультету Одеського національного університету ім. І. І. Мечникова вже 12-й раз провела Міжнародну конференцію “Читання пам’яті професора П. Й. Каришковського”. Захід пройшов 12–13 березня і був приурочений 55-річчю кафедри. Секційну роботу конференції присвячено історії та археології стародавнього світу, нумізматиці та епіграфіці, первісній, античній та середньовічній археології та історії Північного Причорномор’я й історії науки: антикознавству, медієвістиці та орієнталістиці. У роботі заходу взяли участь близько ста науковців, викладачів і музейних працівників із семи країн: України, Румунії, Молдови, Польщі, Італії, Словаччини та Росії. Інститут сходознавства ім. А. Ю. Кримського НАН України був репрезентований доповідями співробітників *Г. В. Вертієнко* “До питання про метал в Авесті” та *М. О. Тарасенка* “Фрагменти давньоєгипетської Книги мертвих в Україні”. Матеріали конференції опубліковано до початку роботи форуму у збірнику “Стародавнє Причорномор’я” (вип. ХІІ, Одеса, 2018, 632 с.).

М. О. Тарасенко

* * *

Друга міжнародна археологічна конференція “Ольвійський форум (пам’яті В. В. Крапивиної). До 150-річчя дослідження Ольвії” (Миколаїв, 4–6 травня 2018 р.).

Місто Миколаїв вже вдруге стало місцем проведення конференції “Ольвійський форум”, яка була започаткована на пошану

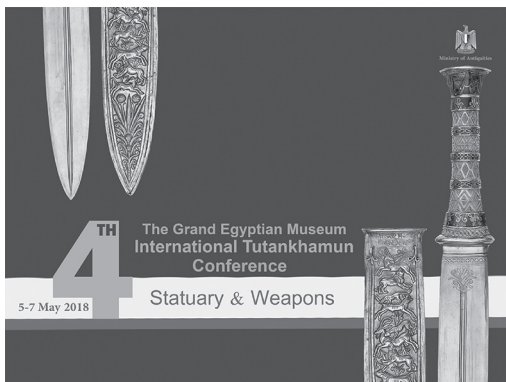
пам'яті багаторічної керівниці Ольвійської експедиції ІА НАНУ В. В. Крапивиної (1950–2013). Цього року захід мав додаткову присвяту – 150-річчя дослідження Ольвії. Конференція пройшла 4–6 травня у приміщенні Миколаївського обласного краєзнавчого музею “Старофлотські казарми”, який був одним із її співорганізаторів. У роботі форуму взяли участь близько 70 науковців із 5 країн (України, Польщі, Франції, Швейцарії та Росії). Доповіді були організовані за трьома секційними напрямками: історико-археологічні дослідження доби фінальної бронзи та раннього залізного віку, Ольвія й античний світ та археологія степової зони. Співробітник Інституту сходознавства ім. А. Ю. Кримського НАН України *Г. В. Вертієнко* виступила керівником секції “Археологія степової зони (скіфо-сарматська археологія)”, у рамках якої була проголошена її спільна з *М. О. Тарасенком* доповідь “Ритуальна річ у крос-культурних контактах скіфо-сарматських племен і народів Близького Сходу”. Матеріали конференції опубліковано до початку роботи форуму.

Г. В. Вертієнко

* * *

Міжнародна наукова конференція “4th International Tutankhamun GEM Conference: Statuary & Weapons” (Каїр, 5–7 травня 2018 р.).

Великий єгипетський музей у Каїрі (GEM – *Grand Egyptian Museum*) організував уже четверту Міжнародну наукову конференцію, присвячену Тутанхамону (перша пройшла у 2015 році). Як і попередні, ця конференція мала тематичне спрямування і була орієнтована на висвітлення тематики скульптури та зброї зі складу поховального інвентарю гробниці Тутанхамона. У роботі

конференції взяли участь близько тридцяти вчених-єгиптологів та реставраторів із п'яти країн (Єгипет, Італія, Нідерланди, Франція та Японія). Місцем проведення заходу став готель “Le Meridien Pyramids”, розташований поблизу музею в районі Гіза. Під час роботи конференції учасники мали можливість відвідати Реставраційний центр GEM, побачити прибуття до музею однієї із шести колісниць Тутанхамона, яка до того зберігалася у фондах Єгипетського музею старожитностей на площі Тахрір, а також подивитися на встановлення у приміщенні музею колосальної статуї Рамсеса II. Наразі тривають фінальні будівельні роботи, а відкриття першої експозиційної черги споруди музею заплановане на грудень 2018 р. У програмі конференції була заявлена доповідь співробітника Інституту сходознавства ім. А. Ю. Кримського НАН України *М. О. Тарасенка* “Tutankhamun in Kyiv”.

М. О. Тарасенко

* * *

Міжнародна наукова конференція “Ver Kyiviens: Античне суспільство та його цивілізаційна спадщина” (Київ, 17 травня 2018 р.).

Кафедра історії стародавнього світу та середніх віків історичного факультету Київського національного університету імені Тараса Шевченка провела 17 травня Міжнародну наукову конференцію “Ver Kyiviens: Античне суспільство та його цивілізаційна спадщина”. Участь у роботі конференції взяли близько п'ятдесяти науковців і викладачів із шести країн (Україна, Білорусь, Угорщина, Польща, Великобританія, Росія). Були організовані чотири секційні напрямки роботи, присвячені історії стародавніх цивілізацій Сходу, Греції та Риму, а також рецепціям цих цивілізацій у сучасній культурі. Співробітник Інституту сходознавства ім. А. Ю. Кримського НАН України *М. О. Тарасенко* виступив на пленарному засіданні з доповіддю “Давньоегипетські пам'ятки ХХІ династії в музеях України” та був модератором секції “Давній Схід”, в якій було заявлено п'ять єгиптологічних доповідей фахівців з України, Великобританії, Польщі та Росії.

О. А. Заплетнюк

Міжнародний науково-практичний семінар “Кавказознавчі читання, присвячені 100-річчю утворення Азербайджанської Демократичної Республіки та 100-річчю встановлення дипломатичних відносин між АДР та Українською Державою” (Київ, 18 травня 2018 р.).

1918 рік – це рік становлення молодих постімперських держав. Тому нинішній 2018 рік багатий на ювілейні дати визначних подій у житті країн, з нагоди чого й відбувається велика кількість різноманітних форумів. 100-річчю утворення Азербайджанської Демократичної Республіки та 100-річчю встановлення дипломатичних відносин між АДР та Українською Державою було присвячено “Кавказознавчі читання”, що відбулися 18 травня 2018 р. в приміщенні Київського національного університету імені Тараса Шевченка. Саме історичний факультет цього одного з найповажніших українських навчальних закладів разом з Інститутом кавказознавства Національної академії наук Азербайджану стали співorganizаторами семінару. Найактивнішу допомогу в проведенні заходу надало ГО “Об’єднана діаспора азербайджанців України”.

З вітальним словом від історичного факультету КНУ виступили О. П. Машевський та О. Р. Купчик, від кафедри тюркології КНУ – І. Л. Покровська. У роботі семінару взяли участь близько 20 науковців з України та Азербайджану. Інститут сходознавства ім. А. Ю. Кримського НАН України було представлено доповідями наукових співробітників: *Ю. М. Кочубея* “Україна – Азербайджан: спільність стратегічних інтересів”, *О. Д. Василюк* “Деякі аспекти досліджень Агатангела Кримського про Нізамі Ганджеві”, *Н. М. Зуб (Руденко)* «“Київські азербайджанці”: до проблеми статистики та ідентифікації (початок ХХ ст.)».

За результатами роботи міжнародного науково-практичного семінару “Кавказознавчі читання” буде опубліковано збірку матеріалів.

О. Д. Василюк

In Memoriam

Вольфгарт Вестендорф (1924–2018)

23 лютого 2018 року у віці 93 років пішов із життя всесвітньо відомий єгиптолог, професор Вольфгарт Вестендорф (*Wolfhart Westendorf*) (народився 18 вересня 1924 р.). Він був багаторічним керівником Інституту єгиптології та коптології Геттінгенського університету (*Seminar für Ägyptologie und Koptologie der Georg-August-Universität Göttingen*). Вольфгарт Вестендорф здобув вищу освіту в Берлінському університеті, у якому ж закінчив аспірантуру під керівництвом проф. Германа Грапова (*Hermann Grapow*) та здобув ступінь доктора (1951), а пізніше доктора хаб. (1961). З 1961 року займав посаду професора в Мюнхенському університеті, а з 1967 року і до виходу на пенсію в 1989 році очолював Інститут єгиптології та коптології в Геттінгені¹.

Вольфгарт Вестендорф був автором численних публікацій у низці наукових напрямків, зокрема щодо єгипетської та коптської мов, єгипетської літератури та релігієзнавства. Його зусиллями у Східній Німеччині були підготовані кілька поколінь молодих вчених-єгиптологів. Його учні пам'ятають свого академічного вчителя за його ентузіазм, величезну компетентність та відкритість до нових питань. Вестендорф був одним із організаторів і

¹ При підготовці матеріалу використані фотографія та дані з офіційного сайту Інституту єгиптології та коптології Геттінгенського університету <http://www.uni-goettingen.de/de/in+memoriam+prof.+dr.+wolfhart+westendorf+%281924-2018%29/473184.html>

редакторів 6-томного довідника “Лексикон єгиптології” (*Lexikon der Ägyptologie*, Wiesbaden, 1975–1986), над створенням якого працювали десятки провідних єгиптологів світу і який ще довгий час буде залишатися найбільш повним і фаховим довідковим виданням у царині єгиптології. Велику увагу Вольфгарт Вестендорф приділяв дослідженню Книги мертвих, для чого підтримував видання серії “Геттінгенські студії з Книги мертвих” (*Göttinger Totenbuchstudien*), а його колишня аспірантка д-р Ірмтраут Мунро (*Irmtraut Munro*) надалі стане організатором одного з наймасштабніших європейських наукових проєктів зі створення фотоархіву та всесвітньої бази даних Книги мертвих “*Vom Totenbuchprojekt*”².

М. О. Тарасенко

² Протягом трьох місяців 2007 р. стажувався в цьому проєкті за підтримки гранту DAAD співробітник Інститут сходознавства ім. А. Ю. Кримського НАН України *М. О. Тарасенко*.

ЗМІСТ

Історія

Maravelia A.

The Thrill of Time through the Ancient Egyptian Religion
and Art: *Ouroboros* as an Archetype
for the Meta-Physics of Eternity 3

Sherbiny W.

Echoes of a Lost Legacy. The Recent Research
on the so-called Book of Two Ways in Ancient Egypt 44

Tomorad M.

Various Manifestations of Isis Cult in the Region of Istria,
Illyricum and Pannonia and its Diffusion
to the Central European Region (2nd c. BC – 4th c. AD) 58

Джерелознавство

Тарасенко Н. А.

Фрагменты древнеегипетской Книги мертвых в собрании
Института рукописи НБУВ (Ф. VIII, № 565/15):
предварительная публикация 100

З історії сходознавства

Тимофеева Н. С.

Из истории советского востоковедения:
новые архивные источники по развитию египтологии
в 1940–1960-е гг. 130

Наукове життя

Anniversaria 156

Colloquium 159

In Memoriam 164

CONTENTS

History

Maravelia A.

- The Thrill of Time through the Ancient Egyptian Religion
and Art: *Ouroboros* as an Archetype
for the Meta-Physics of Eternity 3

Sherbiny W.

- Echoes of a Lost Legacy. The Recent Research
on the so-called Book of Two Ways in Ancient Egypt 44

Tomorad M.

- Various Manifestations of Isis Cult in the Region of Istria,
Illyricum and Pannonia and its Diffusion
to the Central European Region (2nd c. BC – 4th c. AD) 58

Source-Critical Studies

Tarasenko M.

- The *Book of the Dead* Fragments in the Collection
of the Institute of Manuscripts of the Vernadsky
National Library of Ukraine (F. VIII, no. 565/15):
a preliminary publication 100

From the History of Oriental Studies

Timofeeva N.

- From the History of Soviet Oriental Studies:
new archival sources on the development of Egyptology
in 1940s – 1960s 130

Scholarly Life

Anniversaria 156

Colloquium 159

In Memoriam 164

Підписано до друку 19.06.2018. Формат 60x84/16. Папір офсетний.
Друк офсетний. Умов. друк. арк. 8,82. Наклад 50 прим. Зам. № 872.
Надруковано у друкарні ПП “Аксиома”
32300, Хмельницька обл., м. Кам’янець-Подільський,
пров. Північний, 5, тел./факс (03849) 4-06-01
Свідоцтво суб’єкта видавничої справи ДК № 1808 від 26.05.2004 р.
e-mail: aksiomaprint@ukr.net